

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 5

ИСТОРИЯ

2023 – 4

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 5.2

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «История»:

И.К. Богомолов – главный редактор, канд. ист. наук (ИНИОН РАН); *Т.Б. Уварова* – зам. главного редактора, д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *О.Л. Александри* – ответственный секретарь (ИНИОН РАН); *Р. Алонци* – PhD, профессор (РУДН); *И.Е. Андронов* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *А.А. Анисимова* – канд. ист. наук (ИВИ РАН, доцент ГАУГН); *А.В. Апанасенок* – д-р ист. наук, (ИНИОН РАН); *В.Н. Бабенко* – д-р ист. наук (профессор ЦНИ ВГУЮ); *А.В. Белов*, д-р ист. наук (ИРИ РАН); *Д.М. Бондаренко* – чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (зам. директора по науке Института Африки РАН); *А.Ю. Ватлин* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *А.Г. Володин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *Ф.А. Гайда* – д-р ист. наук (доцент МГУ); *Е.Н. Емельянова* – канд. ист. наук, доцент (ИНИОН РАН); *В.Н. Захаров* – д-р ист. наук (ИРИ РАН); *А.В. Кузнецов* – чл.-корр. РАН, д-р экон. наук (директор ИНИОН РАН); *В.П. Любин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *А.Е. Медовичев* – ведущ. редактор (ИНИОН РАН); *Т.М. Фадеева* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН); *С.М. Шамин* – д-р ист. наук (ИРИ РАН)

DOI: 10.31249/rhist/2023.04.00

ISSN 2219-875X

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-80873 от 21.04.2021

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 5: «История» = Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature». Series 5: «History». Входит в базы цитирования: РИНЦ, Google Scholar, East Europe & Central Europe Database компании ProQuest, Ulrichs Periodicals Directory, базы данных Российской государственной библиотеки, Russian Academy of Sciences Bibliographies, библиографические базы данных ИНИОН РАН. Полнотекстовая версия журнала с 2016 г. размещается в базах данных серии Ultimates компании EBSCO Publishing на платформе EBSCOhost.

© ИНИОН РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

50 ЛЕТ СОЗДАНИЯ РЕФЕРАТИВНОГО / ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ». ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА. СЕРИЯ 5 «ИСТОРИЯ»

Уварова Т.Б. Реферативные журналы ИНИОН РАН в процессах информационного мониторинга отечественной и зарубежной научной литературы 7

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Шамин С.М. Перепись церковных владений 1701–1703 гг. в дореволюционных и современных публикациях: к вопросу о закономерностях развития исторических исследований. 17

Комзолова А.А. Большой русский барин в Литве: виленский генерал-губернатор князь Н.А. Долгоруков (1831–1840) 37

Бабенко О.В. Проблемы истории благотворительности и предпринимательства в России второй половины XIX – начала XX в. в новых отечественных исследованиях 57

Апанасенок А.В. Феномен советского атеизма как предмет осмысления в западной англоязычной историографии второй половины XX – начала XXI в. 70

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Митюрёва Д.С. Влияние идей Жана Бодена на английскую политическую мысль XVII в. (Историографический обзор) ... 89

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Петрухина Д.В. Национальная идентичность и исторические нарративы в школьных учебниках гуманитарных предметов .. 105

РЕЦЕНЗИИ

Медовичев А.Е. <i>Рец. на кн.: Гушин В.Р. Афины на пути к демократии: VIII–V вв. до н.э.</i>	123
Бабенко О.В. <i>Рец. на кн.: Хайлова Н.Б. Центризм в российском либерализме начала XX в.</i>	144
Дунаева Ю.В. <i>Рец. на кн.: Будницкий О.В. Красные и белые</i>	151
Минц М.М. <i>Рец. на кн.: Брунстедт Дж. Советский миф о Второй мировой войне: патриотическая память и русский вопрос в СССР</i>	159
Фадеева Т.М. <i>Рец. на кн.: Мюллер-Брандек-Бокке Г. Германия и Европейский союз. Как канцлер Ангела Меркель формировала Европу</i>	166

CONTENTS

50 YEARS OF CREATION OF THE ABSTRACT/INFORMATION-ANALYTICAL JOURNAL “SOCIAL AND HUMANITIES”. SOCIAL AND HUMANITARIAN SCIENCES JOURNAL. DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE. SERIES 5 “HISTORY”

Uvarova T.B. The review journals of INION RAS in the proceses of information monitoring of the russian and foreign scientific literature	7
--	---

RUSSIAN HISTORY

Shamin S.M. Census of church property 1701–1703 in pre- revolutionary and modern publications: regularities of the development of historical research.....	17
Komzolova A.A. The great russian gentleman in Lithuania: the governor-general of Vilna prince N.A. Dolgorukov (1831–1840) ...	37
Babenko O.V. Problems of the history of charity and entrepreneurship in Russia in the second half of the XIX th – early XX th cc. in new Russian studies	57
Apanasenok A.V. The phenomenon of soviet atheism as a subject of comprehension in western english-language historiography of the second half of the XX – beginning of the XXI c.	70

GENERAL HISTORY

Mityuryova D.S. The influence of Jean Bodin's ideas on english political thought in the 17 th c. (Historiographical review)	89
---	----

HISTORICAL ANTROPOLOGY

Petrukhina D.V. National identity and historical narratives in humanities textbooks	105
---	-----

REVIEWS

Medovichev A.E. <i>Rev. ad. op.</i> : Guschin V.R. Athens on the way to democracy: VIII–V cc. bc.	123
Babenko O.V. <i>Rev. ad. op.</i> : Khailova N.B. Centrism in russian liberalism at the beginning of the 20th c.....	144
Dunaeva Yu.V. <i>Rev. ad. op.</i> : Budnitsky O.V. Red and white	151
Mints M.M. <i>Rev. ad. op.</i> : Brunstedt J. The soviet myth of World war II: patriotic memory and the russian question in the USSR ..	159
Fadeeva T.M. <i>Rev. ad. op.</i> : Müller-Brandeck-Bocque G. Germany and the European union: how chancellor Angela Merkel shaped Europe	166

**50 ЛЕТ СОЗДАНИЯ РЕФЕРАТИВНОГО /
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО
ЖУРНАЛА «СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ».
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА. СЕРИЯ 5 «ИСТОРИЯ»**

УДК 303.446.4; 930.23–24

DOI: 10.31249/hist/2023.04.01

УВАРОВА Т.Б.* РЕФЕРАТИВНЫЕ ЖУРНАЛЫ ИНИОН РАН
В ПРОЦЕССАХ ИНФОРМАЦИОННОГО МОНИТОРИНГА ОТЕ-
ЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В статье обсуждаются особенности репрезентации российской и зарубежной научной исторической литературы в информационных изданиях ИНИОН РАН, в первую очередь, в журнале «Социальные и гуманитарные науки. Серия 5. История». Эволюция основных трансформаций издания на протяжении 50 лет рассматривается в контексте развития информационных технологий и решения задач систематического информационного мониторинга потока исторической литературы.

Ключевые слова: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; информационные ресурсы; информационный мониторинг; российская историография; зарубежная историография.

UVAROVA T.B. The review journals of INION RAS in the proceses of information monitoring of the russian and foreign scientific literature

* Уварова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН; ethn.uvarova.tb@inbox.ru

Abstract. The paper discusses the peculiarities of the presentation Russian and foreign historiography in review editions of ISISS “Social and humanitarian sciences. Series 5. History”. The evolution of main transformations of journal during 50 years is considered in the context of development the new information technologies and in connection with systematical information monitoring of literature resources.

Keywords: Institute of Scientific Information of Social Sciences (ISSS) RAN, information resources, monitoring of information space, Russian historiography, foreign historiography.

Для цитирования: Уварова Т.Б. Реферативные журналы ИНИОН РАН в процессах информационного мониторинга отечественной и зарубежной научной литературы. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 4. – С. 7–16. – DOI: 10.31249/hist/2023.04.01

Более чем за пять десятилетий научной деятельности ИНИОН РАН создал целую линейку информационных продуктов, предназначенных для решения разнообразных задач обеспечения научной информацией различных категорий пользователей – от исследователей и преподавателей до сотрудников и руководителей административных структур различных уровней, акторов политического процесса, общественных организаций и движений. В основе этой деятельности лежит тщательно разработанная методика систематического информационного мониторинга, который включает такие виды деятельности как выявление, сбор, обработку и хранение данных, которые по запросу коллективного или индивидуального заказчика могут быть предоставлены пользователю.

К числу востребованных «брендовых марок» изданий ИНИОН относятся и реферативные журналы, с начала 1970-х годов выходившие в девяти сериях, соответствующих основным социальным и гуманитарным дисциплинам отечественного и зарубежного обществознания, включая РЖ серия 5: «История», которому в 2023 г. исполнилось 50 лет.

В 1973 г. журнал выходил ежеквартально: четыре выпуска – «Общественные науки в СССР» и четыре выпуска – «Общественные науки за рубежом». Журнал издавался тиражом 3 тыс. экземпляров, с объемом каждого номера около 15 п.л. Подготовка изда-

ния такого объема и периодичности требовала усилий большого коллектива сотрудников разной специализации. В этот период в Отделе истории работало более 30 человек, занятых в значительной степени подготовкой реферативных материалов для журнала, а также других видов информационных неперIODических изданий – тематических сборников, аналитических обзоров, выпусков специальной информации. Кроме того, при подготовке публикаций для РЖ по зарубежной литературе привлекались и внештатные референты, особенно владевшие редкими и восточными языками, специалисты профильных академических институтов и ведущих вузов.

Подготовкой журналов по советской и зарубежной литературе занимались отдельные редколлегии, в состав обеих входили известные специалисты по различным областям исторической науки из специализированных академических институтов АН СССР, сотрудники исторических факультетов университетов. Рабочие заседания по обсуждению очередных номеров журнала проходили, таким образом, почти ежемесячно при непосредственном участии ведущих советских историков как членов редколлегии, а также авторского коллектива, который состоял из сотрудников ИНИОНа.

Такого рода обсуждения зачастую становились неформальными дискуссиями, где приводились и обосновывались различные точки зрения на самые актуальные проблемы исторической науки, поскольку содержание журналов было ориентировано на максимально полное отражение структуры истории как научной и учебной дисциплины. Со времени выхода журнала в качестве постоянных разделов были выделены: I. Философия и методология истории. Методика исторического исследования; II. История КПСС и международного коммунистического и рабочего движения; III. История СССР: 1. СССР в период строительства социализма и коммунизма; 2. Россия в эпоху капитализма; 3. Россия в эпоху феодализма; IV. Всеобщая история: 1. Новая и новейшая история: 1.1. Социалистические страны; 1.2. Страны Западной Европы; 1.3. Соединенные Штаты Америки и Канада; 1.4. Страны Латинской Америки; 1.5. Страны Азии и Африки. 2. Средние века. 3. Древняя история. V. Археология и этнография: 1. Археология. 2. Этнография.

В годовом комплекте из четырех ежеквартальных выпусков «История за рубежом» за 1974 г., например, было опубликовано более 320 рефератов. Для реферирования отбирались работы последних лет, монографии и статьи известных авторов из ведущих научных журналов. По тематике среди публикаций преобладали исследования по странам Западной Европы (62 публикации), США (25); по Латинской Америке (30); по истории СССР периода социализма (21); истории КПСС (21); методологическим проблемам исторической науки (19) [15].

Что касается «адресатов» данного вида изданий, то экземпляры 3-тысячного тиража по обязательной рассылке предоставлялись, прежде всего, в крупные публичные, научные и вузовские библиотеки. Реферативные журналы ИНИОН, включая серию «История», относились к числу востребованных изданий, согласно данным специальных опросов, которые проводились сотрудниками Отдела распространения ИНИОН. Отделом в тот период руководил молодой кандидат исторических наук А.А. Алиев, позднее, уже защитив диссертацию на соискание степени доктора исторических наук, более десяти лет возглавлявший Отдел истории (с 2009 до 2022 г.). По ответам респондентов, публикации РЖ «История» давали возможность специалистам-гуманитариям, пусть и в сокращенной форме, но оперативно и систематически знакомиться с новинками зарубежных исследований, еще не переведенными на русский язык, да и с отечественными работами, поступление которых в библиотеки за исключением столичных было далеко не быстрым. Особенно заинтересованы были в возможности использовать новые данные в своих лекционных курсах и семинарских занятиях преподаватели региональных вузов.

Вместе с тем формат реферата среди представителей академических кругов воспринимался, да и продолжает восприниматься неоднозначно, зачастую как вторичное по определению собрание цитат. Но объективно основная задача жанра – связная презентация текста, зачастую сложного и насыщенного данными и историографическими интерпретациями, включая авторские, которые необходимо выделить из общего контекста и показать их новизну и оригинальность – совсем не простая. Она требует от референта высокой экспертной квалификации в знании предмета исследования, а также ясного и логичного изложения материала, желательно

с сохранением авторской стилистики. Следует признать справедливым, что использование реферата едва ли приемлемо для исследователя по его узкой специализации, но оперативное и систематическое знакомство со смежной тематикой и общими проблемами дисциплины с помощью реферата как дайджеста / конспекта, подготовленного квалифицированным автором, действительно очень важно для расширения профессионального кругозора. Во всяком случае, очевидно, что для гуманитарного образования реферативная работа в широком смысле – как умение аналитически препарировать текст и использовать его не только для комбинаторной компиляции, а на уровне критического усвоения авторских идей и данных – одна из важнейших. Интенсивное развитие информационной среды в конце XX в. впервые, по-видимому, привело к формированию парадоксальной ситуации, когда написать текст зачастую становилось легче, чем читать. Известный пример написания за сутки дипломной работы по экономике с помощью нейросети может служить в данном случае убедительной иллюстрацией, хотя и для более позднего периода, начала 20-х годов XXI в.

Вопросы природы и задач реферативных материалов неоднократно становились темой для обсуждения на заседаниях редколлегии Отдела истории и при определении политики отбора публикаций. Так, были периоды, когда особое внимание наряду с наиболее актуальными работами ведущих специалистов уделялось исследованиям авторов из региональных исследовательских центров СССР, включая республиканские, а также зарубежных институтов, в первую очередь из социалистических стран, входивших в единую информационную систему с ИНИОН РАН. Рефераты на такие издания обеспечивали важную задачу интеграции единой информационной среды, однако эти материалы были немногочисленны и не составляли значительной части публикаций в РЖ «История».

Сложившаяся структура и критерии отбора изданий для реферирования сохранились на рубеже 1970–1980-х годов, когда число номеров журнала увеличилось до 12, соответственно по шесть выпусков по отечественной и зарубежной литературе. Рост количества изданий в ежегодном комплекте отчасти компенсировал сокращение количества рефератов за счет увеличения их объема, хотя публиковались и немногочисленные так называемые ин-

дикативные краткие рефераты, близкие по форме скорее к развернутой аннотации. Число публикаций в номере таким образом могло быть увеличено, но такой способ «сворачиваемости информации» не всегда решал задачу сохранения качества ее содержания, тем более что сведения о первичной информации по новым публикациям выполняли специализированные библиографические указатели ИНИОН РАН по основным социальным и гуманитарным дисциплинам, а также тематические библиографические указатели.

С середины 1980-х годов, времени создания в ИНИОН РАН электронных баз данных (библиографическая БД «История. Археология. Этнография» формируется с 1986 г.), РЖ «История» получил новые важные функции в информационной навигации. На фоне постоянно растущего количественного массива библиографических описаний текстовые реферативные материалы журнала стали служить содержательными или качественными данными для мониторинга по фиксации новых тематических направлений исследований, динамики их соотношения, по выявлению различных методологических подходов к анализу исторических событий в отечественной и зарубежной науке. Новые предметно-тематические области по мере увеличения числа публикаций в той или иной сфере со временем выделялись в особую рубрику в каталоге библиотеки ИНИОН и в особый подраздел в структуре базы данных наряду с уже существовавшими, а позже – и в информационно-поисковом тезаурусе ИНИОН по историческим наукам [6]. Для материалов реферативных журналов ИНИОН, как и для всех периодических изданий, обязательными элементами маркировки для формализованной рубрикации публикаций стали ключевые слова и аннотации.

При отборе литературы в очередные выпуски РЖ «История», например, важными традиционными вехами служили юбилейные даты событий мировой и особенно отечественной истории, которые, как правило, активизировали внимание к ним исследователей и, соответственно, способствовали появлению в «юбилейный период» новых работ. Выявленный в результате отбора литературы тематический массив становился предметом реферативной и аналитической презентации не только в журнале, но и специальных реферативных изданиях – аналитических обзорах или сборниках информационных материалов. Анализ историографических

процессов были посвящены сборники Отдела истории к памятным датам таких событий истории России, как Великая Октябрьская социалистическая революция, Гражданская война, Великая Отечественная война [2; 10; 11].

Появление в начале 1990-х годов русскоязычного сегмента Интернета обозначило инновационные перемены научной информационной среды в России. В этом контексте формат реферативных журналов ИНИОН, включая РЖ «История», вновь существенно изменился. Как казалось на первом этапе освоения новых технологий, открывшиеся возможности корпоративного и индивидуального доступа к ресурсам Всемирной паутины легко и оперативно решали проблемы информационного обеспечения каждого пользователя, а роль «информационного посредника» в виде РЖ уже не оценивалась как исключительно важная [13, с. 111; 3, с. 7].

С 1995 г. количество выпусков РЖ «История» сократилось до четырех в год, причем в каждом номере теперь были представлены и отечественная, и зарубежная литература, хотя соотношение российских и иностранных публикаций не всегда было равным. Средний объем выпуска составлял около десяти печатных листов, а тираж сократился на порядок – до 300 экз., среднее число публикаций в номере также постепенно снизилось до 20–25.

Тем не менее регулярность подготовки РЖ Отделу истории удалось сохранить даже после драматического для ИНИОНа пожара в январе 2015 г. Формат издания остался прежним, а содержание журнала по-прежнему отражало общую структуру исторической науки, хотя и в гораздо более обобщенном виде: Общие вопросы; Древний мир; Средние века и Раннее Новое время; История России, СССР и государств постсоветского пространства; Новая и Новейшая история; Археология; Антропология и этнология. Несмотря на сложные обстоятельства в жизни ИНИОН РАН, ситуация с выпуском РЖ «История» не только сохраняла стабильность, но и обновлялась в соответствии с общим направлением информационной политики ИНИОН. Более того, общее количество изданий, получавших освещение в каждом выпуске журнала, расширяли так называемые пристатейные списки, отражавшие цитированные работы в обзорах, статьях и в рецензиях, постепенно заменявших прежние стандартные рефераты.

Обновлялась тематика и других видов информационных изданий. Одной из последних публикаций по современным проблемам отечественной и зарубежной историографии стал сборник обзоров и рефератов, посвященный так называемому имперскому повороту или новым исследовательским подходам в изучении истории России» [5]. Роль и значение религии и церкви в российской истории также характеризуются в одном из изданий Отдела истории. [12]. Разработка этой тематики продолжается и в последующих публикациях сотрудников.

По проблемам всеобщей истории в РЖ, а затем и в специальном аналитическом обзоре получили освещение работы рубежа XX–XXI вв. по историографии афинской демократии, исторического феномена, возраст которого определяется в два с половиной тысячелетия [8]. Методологические и концептуальные инновации начала XXI в. в специальных исторических дисциплинах – этнологии и социальной антропологии – также стали темой специального обзора [14].

С 2021 г. реферативный журнал «История» постепенно трансформировался в категорию информационно-аналитического издания в соответствии с постепенной заменой его прежнего основного жанра набором других, стандартных для большинства научных журналов.

В выпусках обновленного журнала в юбилейном для него году опубликованы статьи, связанные с многолетними исследовательскими разработками сотрудников Отдела истории Т.М. Фадеевой и В.П. Любина по актуальным проблемам российской и мировой истории. В более развернутом виде эта тематика представлена в коллективных монографиях, подготовленных при сотрудничестве представителей ИНИОН и зарубежных авторов. Две монографии по истории Крыма в настоящее время в печати [7; 16]. Еще одна коллективная монография – «Итальянский фашизм: Сто лет изучения. Взгляд из России и Италии» (2023) – рекомендована к изданию Ученым Советом ИНИОН РАН.

Исследовательский интерес к изучению историко-культурных явлений и процессов развития российского и зарубежного общества отразили публикации последних лет о развитии оперного искусства в России первой половины XIX в. [1], обширная библиография о творчестве Дж.Р.Р. Толкина [9].

Пожалуй, главным направлением содержательной специализации ИАЖ Серия 5. «История» становятся публикации по историографии актуальной исторической проблематики, подготовленные сотрудниками Отдела истории и внешними авторами. Мониторинг достижений мировой науки относится к важным направлениям информационной работы не только в ИНИОН, но и в других академических структурах. Выполняемый по поручению вице-премьера Д. Чернышенко проект информационного мониторинга осуществляется уже третий год при технической поддержке Министерства науки и высшего образования. Для выполнения такого рода экспертных работ привлекается корпус профессоров РАН из числа успешных ученых среднего возраста. Подготовленные аналитические материалы рассылаются в органы власти и научно-образовательные структуры [4].

Подводя итог, следует сказать, что ИАЖ «История» может служить представительным и доступным архивом для разработки проблем историографической аналитики, для обновления образовательных программ по истории, а также популяризации современного научного знания.

Список литературы

1. Бабенко О.В. История русского оперного театра в правление Александра I и Николая I : отечественная и зарубежная историография : аналит. обзор / РАН, ИНИОН, Отд. истории ; отв. ред. Т.М. Фадеева. – Москва, 2023. – 88 с. – (Отечественная история).
2. Великая Отечественная война в современной историографии : реф. сб. / РАН. ИНИОН ; отв. ред. М.М. Минц. – Москва : ИНИОН РАН, 2015. – 182 с. – (История России).
3. Взаимовлияние информационно-библиотечной среды и общественных наук : сб. научных статей / РАН, ФАНО России, ИНИОН, Фундаментальная библиотека ; отв. ред. С.В. Соколов]. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – 249 с.
4. Волчкова Н. Работающие в поле // Научное сообщество. Газета Московской региональной организации Профсоюза работников РАН. – 2022. – № 6 (250), июнь. – С. 14–15.
5. Имперский поворот в изучении истории России : современная историография : сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. истории ; отв. ред. О.В. Большакова. – Москва, 2019. – 180 с. – (История России).

6. Информационно-поисковый тезаурус ИНИОН по историческим наукам : в 2 томах / РАН. ИНИОН. – Т. 1 : История. Археология. – Москва, 2013 ; Т. 2 : Этнология. Антропология. – Москва, 2014.
7. Краткая история Крыма: от древности до начала XXI в. : коллективная монография / Любин В.П., Фадеева Т.М., Новиков В.И., Кипке Р. ; РАН. ИНИОН, Отд. истории ; отв. ред. В.П. Любин. – Москва, 2023. – В печати.
8. Медовичев А.Е. Новые тенденции в изучении афинской демократии в исторической науке конца XX – начала XXI в. : аналит. обзор / РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. Истории ; отв. ред. Т.Б. Уварова. – Москва, 2019. – 91 с. – (Всеобщая история).
9. Минц М.М. Библиография Средиземья : творчество Дж. Р.Р. Толкина и его изучение в России и за рубежом : указатель источников и литературы / РАН. ИНИОН. – Москва, 2022. – 470 с.
10. Революция и Гражданская война в России: современная историография : сб. статей, обзоров и реф. / РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. истории ; ред.-сост. М.М. Минц. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – 222 с. – (История России).
11. Революции 1917 года в России: современная историография : реф. сб. / РАН. ИНИОН ; ред.-сост. О.В. Большакова. – Москва : ИНИОН РАН, 2017. – 182 с. – (История России).
12. Религия и церковь в истории России : современная историография : сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН ; отв. ред. О.В. Большакова. – Москва : ИНИОН РАН, 2016. – 209 с. – (История России).
13. Уварова Т.Б. Информационный фактор в развитии российской этнологии. – Москва : ИНИОН РАН, 2013. – 320 с.
14. Уварова Т.Б. Концептуальные и методологические инновации в этнологическом антропологическом знании начала XXI в. : аналит. обзор / РАН. ИНИОН. – Москва, 2017. – 95 с. – (Теория и методология исторической науки).
15. Указатель рефератов, опубликованных в серии «История» в 1974 г. // Общественные науки за рубежом : РЖ. Серия 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 1974. – № 4. – С. 224–243.
16. Фадеева Т.М. В крымском изгнании. Н.Н. Раевский-мл. и М.С. Воронцов в письмах и в жизни. 1834–1844 гг. По материалам «Архива Раевских» / РАН. ИНИОН, Отд. истории. – Москва, 2023. – В печати.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 2–9; 303.436; 303.446

DOI: 10.31249/hist/2023.04.02

ШАМИН С.М.* ПЕРЕПИСЬ ЦЕРКОВНЫХ ВЛАДЕНИЙ 1701–1703 ГГ. В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ: К ВОПРОСУ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье рассмотрены работы дореволюционных авторов, использующие материалы переписи церковных владений 1701–1703 гг. Прослежены основные тенденции развития исследований по данному направлению. Показано, как научный процесс восстанавливался после полувекового разрыва, связанного с революционными потрясениями начала XX в. Сделаны наблюдения о закономерностях развития исторической науки и влиянии на нее происходящих в обществе процессов.

Ключевые слова: церковные переписные книги; перепись церковных владений 1701–1703 гг.

SHAMIN S.M. Census of church property 1701–1703 in pre-revolutionary and modern publications: regularities of the development of historical research

Abstract. The article considers the works of pre-revolutionary authors using the materials of the census of church property in 1701–1703. The main trends in the development of research in this area are traced. It shows how the scientific process was restored after a half-century gap associated with the revolutionary upheavals of the early 20th century. Observations are made about the regularities of the develop-

* © Шамин Степан Михайлович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН; shaminy@yandex.ru

ment of historical science and the influence of the processes taking place in society on it.

Keywords: church census books; census of church property 1701–1703.

Для цитирования: Шамин С.М. Перепись церковных владений 1701–1703 гг. в дореволюционных и современных публикациях. К вопросу о закономерностях развития исторических исследований. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 4. – С. 17–36. – DOI: 10.31249/hist/2023.04.02

Перепись церковных владений 1701–1703 гг. занимает особое место в цепи подобных мероприятий XVII–XVIII столетий. Ее уникальность определяется задачами, которые в тот момент времени ставило российское правительство. Главная из них состояла в том, чтобы максимально широко поставить накопленные Церковью (в первую очередь патриаршей кафедрой, архиерейскими домами и монастырями) ценности на службу светским властям. Соответственно, имущество это предстояло всесторонне описать.

Подобные описи для XVII в. были делом обычным. Чаше всего их составляли при смене руководства (настоятелей монастырей, архиереев и др.). Однако такие документы далеко не всегда содержали данные о церковном землевладении. Между тем вотчины духовенства входили в число тех объектов, доходы от которых желало получить в свое распоряжение правительство. В силу этого вотчины стали обязательным элементом описания 1701–1703 гг. Так переписи церковного имущества сблизились с подворными переписями (в первую очередь с общероссийской переписью 1678 г.), бывшими, по мнению М.Ю. Зенченко, переходной формой от собственно переписей к ревизиям [25]. Имели описания начала XVIII в. и собственные специфические особенности, связанные с разворачивавшейся в тот период церковной реформой. Все это сделало рассматриваемые в публикации документы 1701–1703 гг. уникальным источником, позволяющим взглянуть на итоги материального развития русской церкви, которые были достигнуты к началу реформ Петра Великого.

История изучения переписи продолжается уже более полутора столетий. За это время появилось большое число работ уче-

ных, так или иначе обращавшихся к данному источнику. Между тем дореволюционные публикации крайне редко используются современными исследователями. Достаточно отметить, что в недавней историографической статье о начальном этапе церковной реформы Петра I в разделах о восстановлении Монастырского приказа в 1701 г. и последовавшей за этим событием переписи упоминаются лишь наиболее общие дореволюционные работы, а среди публикаций переписных книг 1701–1703 гг. – только описания угличских монастырей [8]. Более полный перечень документов видим в новейшем обзоре, составленном Н.В. Соколовой [48]. Однако и его нельзя назвать исчерпывающим.

Отдельные документы, связанные с переписью церковных владений 1701–1703 гг., были опубликованы еще в Полном собрании законов Российской империи (далее ПСЗ), однако внимание исследователей они не привлекали. Ситуация изменилась три десятилетия спустя благодаря тому, что в середине – второй половине XIX в. в российской науке стало активно развиваться направление историко-юридических исследований. Известный историк русского права В.А. Милютин, ссылаясь на публикацию в ПСЗ, в своей диссертации о недвижимом имуществе духовенства в России отметил проведение переписи 1701 г. в качестве важного этапа петровской церковной реформы [32, с. 512]. Однако прорывной для изучения нашей темы данная работа не стала.

Параллельно с развитием историко-юридических исследований накопление данных о переписи шло в краеведческих церковно-исторических публикациях первой половины – середины XIX в. К сожалению, по ним иногда трудно понять, о каком именно описании идет речь. Так, в книге соловецкого архимандрита Досифея (1834), посвященной его обители, читаем: «Из описи, учиненной по указу государя царя и великого князя Петра Алексеевича 1701 года, видно...» [51, с. 143]. Современным ученым данная опись не известна. Идет ли речь об утраченном документе, или об ошибке публикатора не понятно.

Владимирский краевед К.Н. Тихонравов в статье о владимирском Княгинино Успенском девичьем монастыре (1859) пересказал его описание 1701 г. Автором отмечено, что документ составил по наказу из Монастырского приказа стольник И.В. Борятинский. Вместе с частичным пересказом описи опубликованы

отдельные ее фрагменты [50, с. 15, 18, 20, 33]. Поскольку архивные сноски в публикации отсутствуют, понять, где именно хранилась использованная Тихонравовым книга, трудно. Вероятнее всего, она находилась в каком-то из владимирских собраний.

Отсутствие широкого доступа к архивным материалам существенно задерживало развитие науки и мешало атрибуции тех документов переписи, которые вводились в научный оборот. Так, протоиерей Воскресенского собора г. Вятки Г. Никитников, издавая книгу о соборе, среди приложений поместил расписку в выдаче 30 ноября 1701 г. своим предшественником кормовых денег для приехавшего в Вятку переписчика стольника И.П. Назарьева [34, прил., с. 57]. Правильно оценить и интерпретировать документ на том этапе изучения проблемы автор не мог. Для этого просто не хватало историографической базы.

К числу ранних работ (1864), использовавших интересующую нас перепись относится также труд архимандрита Леонида (Кавелина), привлекшего описание 1702 г. при изучении истории Мещевского Георгиевского монастыря. Ученый полностью издал эту опись в качестве первого полного описания обители. Она стала первой из опубликованных книг данной переписи. Более поздние сведения о монастыре используются им в сопоставлении с изданным описанием [29, с. 29–48]. Большой фрагмент описи 1701 г. опубликовал И.Е. Забелин в историческом описании Донского монастыря [23, с. 135]. Характерно, что даже у наиболее квалифицированных историков этого времени мы не видим отсылок к источникам публикации. Скорее всего, состояние архива не позволяло такие ссылки сделать.

Несмотря на недостатки работ первой половины – середины XIX в., уже в них мы видим два основных научных направления, при рассмотрении которых в будущем были востребованы материалы переписи – изучение церковных реформ в России и церковно-исторические краеведческие исследования.

Подлинным первооткрывателем всего комплекса материалов переписи стал священник М.И. Горчаков, который, являясь членом комиссии по разбору Синодального архива, в 1868 г. защитил и опубликовал историко-юридическую диссертацию «Монастырский приказ: 1649–1725» [9]. Поскольку проведение переписи являлось важной частью работы приказа после его восстановления в

1701 г., Горчаков не мог не обратить внимание как на переписные книги, так и на связанные с описанием документы. Три таких документа он опубликовал в приложении [15, с. 137–139, 144, 148, 170 и др., прил. 1–3]. Книга Горчакова ввела данную перепись в поле зрения ученых. Она стала регулярно упоминаться в обобщающих работах, в том числе в публикациях по истории церковного права [4, с. 169; 12, с. 5–8].

По мере разбора архивных документов, материалы переписи начали все шире использоваться в трудах по монастырской истории. 1870-е – первая половина 1880-х годов – время, когда к материалам переписи активно обращались авторы из числа духовенства при описании конкретных обителей. Вероятнее всего, они использовали документы Монастырского приказа, однако проверить это невозможно, поскольку для работ данной группы характерно отсутствие ссылок.

Переславский краевед священник А.И. Свирелин широко использовал опись 1701 г. в работе по истории переславских Никитского [6, с. 8–11, 15–18, 23–24, 30] и Федоровского женского монастырей [37, с. 28]. Викарий епископа Дмитровского Никодим (Белокуров) пересказал данные из переписи 1702 г. московского Богоявленского монастыря [35, с. 82–84]. Архиепископ Донской и Новочеркасский Макарий (Миролюбов) изложил близко к тексту (в ряде мест цитируя без кавычек) описание архангельского Красногорского монастыря стольника Андрея Вешнякова, отправленного из Монастырского приказа по грамоте от 29 августа 1703 г. [28, с. 104–109]. Игумен Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря в описании своей обители со ссылкой на грамоту 1705 г. новгородского митрополита Иова приводит сведения о том, что в 1701 г. в монастырь для управления вотчинами были присланы стольники [3, с. 41]. Перечисленные публикации имели изолированный характер и мало влияли на состояние исследования проблемы.

В 1880-х годах началась массовая публикация источников, связанных с переписью. Этим мы обязаны стараниям Василия Ивановича Холмогорова, который с 1855 г. и до своей кончины трудился в Московском архиве Министерства юстиции, где хранились интересующие нас документы. В 1880 г. он стал членом Московского археологического общества [18]. В.И. Холмогорова и

его брата, священника Г.И. Холмогорова, интересовали церковные древности. Переход в их трудах к более высоким стандартам издания связан как с профессиональной деятельностью В.И. Холмогорова, так и с тем, что братья работали под руководством И.Е. Забелина. Первая рукопись была готова к печати в начале 1881 г. [22, с. 122].

Интересующие нас материалы представлены в томе, характеризующем церковные памятники Москвы. Холмогоровы напечатали описи 1701 г. московских девичьих Никитского и Ивановского, что на Кулишках, монастырей, а также описание 1702 г. Страстного девичьего монастыря. Кроме того, в издание вошла конечная часть описи 1701 г. Рождественского девичьего монастыря, выписка по челобитной властей Высоко-Петровского монастыря 1706 г., содержащая ссылку с обобщающими данными описания 1701 г. самого Высоко-Петровского монастыря и приписанных к нему рыльской Волговой пустыни, а также саранского Богородицкого монастыря. В книге имеются и другие отсылки на материалы переписи [57, стб. 506–512, 552, 554, 570–585, 697–710 и др.]. Полностью воспроизведенные описи девичьих монастырей позднее переиздавались в составе книг, посвященных этим обителям [26; 27; 33].

К тому же кругу московских исследователей, в который входили Забелин и братья Холмогоровы, принадлежал Николай Александрович Найденов. Его имя встречается в забелинских дневниках [22, с. 120, 124, 184]. Найденов был успешным предпринимателем, общественным деятелем и знатоком истории. К работе над изданием документов он привлек начальника 1-го и 2-го отделений Московского архива Министерства юстиции (Мамю) Иннокентия Николаевича Николева (1829–1888), с которым сотрудничал с начала 1880-х годов [54].

Работа выстраивалась следующим образом. Найденов находил московского предпринимателя, происходившего из того региона, материалы по которому предполагалось публиковать, и предлагал профинансировать издание по истории его «малой родины». Николев копировал тексты для будущей книги. Так были изданы девять описей уglichских монастырей (Покровский, Воскресенский, Алексеевский, Николаевский Улейминский, Учемский, Дивногорская и Дорофеева пустыни, Богоявленский девичий, Богояв-

ленский Островский) [52], описание Пафнутьева Боровского монастыря [10] и Переславль-Залесского Никитского монастыря [42]. Позднее, уже после смерти Николева, Найденов издал описание Переславль-Залесского Данилова монастыря [41], которое дважды переиздавалось [19; 20].

Высокопрофессиональная публикация описаний монастырей Переславля-Залесского продолжилась. В 1901 г. были изданы описи Успенского Горицкого, а также (в сокращении) Никольского и Борисоглебского монастырей. Автором предисловия выступил председатель Общества любителей древней письменности и Императорской археографической комиссии граф С.Д. Шереметев [17]. Очевидно, что книга продолжает систематическое издание документов о переславских монастырях, которое начали Николев и Найденов. К сожалению, проследить, какова была связь между публикациями, не удалось. Конечно, монастырская история вполне укладывается в сферу научных интересов Шереметева, однако вряд ли выбор конкретного объекта исследования был случайным.

Продолжалось начатое Горчаковым и Холмогоровыми издание отдельных документов, связанных с переписью и организованной по ее итогам системы управления. В 1890 г. были изданы грамоты 1702 г. из Монастырского приказа стольнику В.Р. Воейкову, находившемуся при Ростовском архиерейском доме. Одна из них требовала прекратить чинимые в монастырских вотчинах препятствия для торговли табаком. Во второй содержались распоряжения о ловле рыбы на Белом озере, в третьей – о расходовании митрополитом Димитрием (Ростовским) тканей из митрополичьей казны на организацию комедий, в четвертой – об оценке хранящегося в монастыре жемчуга, в пятой – о выдаче жалованья переводчикам и учителям греческого языка и латыни, чтецам, писцам и другим служащим Димитрия (Ростовского), а также нищим, которые обучались языкам – русскому, греческому и латинскому. Издание особенно ценно тем, что вводит в научный оборот документы, хранившиеся в Ярославле [53].

Материалы архива Монастырского приказа широко использовал преподаватель Казанской духовной академии И.М. Покровский. Первоначально исследователь обратился к ним в рамках исследования истории казанских монастырей, которое в значительной мере

имело краеведческий характер. Он подробно пишет о прибытии в 1702 г. в Свяжский Богородицкий монастырь для переписи стольника С.Ю. Митусова и возникших в связи с его деятельностью у монастырского начальства и братии проблемах [43].

Позднее он вышел на общероссийскую церковно-юридическую тематику, занявшись изучением материального положения архиерейских домов после начала церковной реформы Петра Великого. В новой работе ученый заострил внимание на процессе насильственного изъятия церковной собственности и подчинения церковных институтов государству. Решая эту задачу, он попытался целостно с опорой на источники охарактеризовать ход переписи, ставшей основой для изъятия имуществ. Впрочем, описание Покровского не вполне самостоятельное, очевидно, он находился под влиянием труда Горчакова. Тем не менее видим и сведения, почерпнутые из фонда Монастырского приказа МАМЮ. В частности, с опорой на переписную книгу Вятской епархии, он описывает приезд на Вятку 21 сентября 1701 г. стольника И.П. Назарьева, получение там 16 октября грамоты Монастырского приказа с требованием представить в приказ книги хозяйственного учета вятских монастырей, перечислены наложенные грамотой ограничения хозяйственной деятельности. Далее он отмечает переписчика стольника М. Пушкина в Тверской епархии. В Вологодской епархии исследователь в числе переписчиков называет стольников В.И. Кошелева, А.М. Вешнякова, И.Л. Нелидова, В.Б. Плохово. Покровский особо подчеркивает, что отправленные на места стольники подчинялись Монастырскому приказу и вели дела, не чувствуя над собой власти архиереев. По окончании описаний многие стольники, высланные Монастырским приказом в 1701–1703 гг., стали возвращаться в Москву. Они были заменены «ведомцами», игравшими роль администраторов при архиерейских домах. В 1704 г. Монастырский приказ начал сбор данных об архиерейских и монастырских вотчинах и угодьях. Предоставлять сведения должны были именно церковные власти, а не присланные из Монастырского приказа люди. Лишь в 1710 г. была составлена табель, определявшая доходность церковных владений. После этого началось возвращение домовых вотчин в заведывание домовой администрации. Несмотря на то что работа Покровского содержит ряд ошибок, вызванных смешением различных мероприятий

Монастырского приказа, а с точки зрения богатства приведенного материала уступает труду Горчакова, его характеристика переписи кажется наиболее удачной из всех исследований дореволюционного периода [44, с. 38–42].

Особое место среди работ XIX – начала XX в. занимает труд Н.П. Успенского «О больших строителях Кирилло-Белозерского монастыря». Это первая работа, в которой материалы переписи 1701–1703 гг. используются не в рамках исследования церковной реформы начала XVIII столетия и не для описания какого-либо монастыря, а для решения конкретного исторического вопроса. Успенского интересовали механизмы церковного управления, в частности, роль в нем так называемых больших строителей – старцев, имевших значительный вес в монастырской администрации. Документы Кирилло-Белозерского монастыря стали для Успенского центральными лишь постольку, поскольку он занимался составлением описи архива данной обители и, как следствие, глубоко прорабатывал ее делопроизводственную документацию. Такой подход к материалам описания 1701–1703 гг. возобладали лишь в трудах историков советского периода. Ученый описал, как по грамоте из Монастырского приказа от 26 июня 1701 г. в Кириллов монастырь приехал стольник Лукьян Кологривов, поселился на съезде двора монастырских дел в приказной избе и начал в особой «описной келье» проводить перепись. Успенский подробно рассматривает указ, на основе которого действовал Кологривов, а также взаимоотношения стольника с монастырскими насельниками [55, с. 52–55].

Таким образом, автор ввел в научный оборот значительный по объему комплекс документов о переписи 1701–1703 гг., не относящихся к материалам фондов МАМЮ. Особую ценность исследованию Успенского придает то, что позднее используемый им архив Кирилло-Белозерского монастыря был распылен по разным собраниям, а частично утерян. Соответственно, изданная позднее Успенским опись также имеет характер источника по истории рассматриваемого нами вопроса [56].

Между тем масштаб реформы и ее глубочайшее влияние на жизнь всех русских монастырей должны были породить значительное число документов, которым предстояло отложиться в монастырских архивах. Подобных материалов должно быть очень

много. В какой-то мере это предположение подтверждает опубликованное Б.С. Пушкиным описание документов, принадлежащих Л.М. Савелову. Среди них описана грамота, в которой отмечено, что в 1702 г. по государеву указу и по наказу стольника Лукиана Никифоровича Кологривова подьячие Кирилл Коменский и Иван Гагарин приехали в череповецкий Воскресенский монастырь, поставили к воротам сторожей и начали свою работу по описанию обители [45, с. 16–17]. Эта публикации стала последним исследованием, вышедшим до революции.

Таким образом, изучение материалов переписи 1701–1703 гг. в XIX – начале XX в. развивалось весьма интенсивно в сегменте трудов краеведческого характера. Немало внимания проблеме было уделено в рамках историко-юридических исследований, связанных с церковной собственностью. Потом начались научные публикации объемных документов. И, наконец, уже в начале XX столетия вышло исследование, где связанные с описанием материалы привлечены в качестве источника для изучения частных исторических проблем.

Развернувшаяся в Советской России, а потом в СССР борьба с религией на долгое время сделала невозможными исследования по церковной тематике. Ситуация стала меняться лишь в период «оттепели». Такого перерыва оказалось достаточно для того, чтобы сменилось поколение ученых. Историографическая традиция оказалась прерванной. Как итог – находящиеся в ЦГАДА в составе одного фонда документы Монастырского приказа оказались более доступными, чем публикации XIX столетия, которые требовалось специально выявлять в огромном массиве церковно-исторических изданий.

Кроме того, для ученых, обратившихся к интересующим нас документам, церковная история не могла стать центральной темой исследования. В 1970-х годах историки активно использовали материалы переписи для изучения крестьянского хозяйства. Наиболее важной работой, привлечшей значительное внимание к переписи 1701–1703 гг., стала книга И.А. Булыгина «Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в.» (к сожалению, из работ по нашей тематике он привлек только наиболее общие труды Горчакова и Покровского) [11].

Изучение крестьянского хозяйства естественным образом получило продолжение в публикациях по монастырскому земле-владению и организации хозяйства. Число таких публикаций велико и требует самостоятельного историографического обзора. Приведем лишь некоторые из них в качестве примера. Данные переписи 1701–1703 гг. использованы в работах Н.В. Соколовой [47], А.Н. Захарова [24], И.Н. Шаминой [61], О.Н. Адаменко [1] и др. Однако тот факт, что перепись отражает не только состояние экономики, но и уровень культурного развития, не мог не обратить на себя внимания ученых. Так, еще до распада СССР видим работу Н.В. Соколовой о Макарьевском Желтоводском монастыре [49], в которой уровень внимания к культурным вопросам не уступает тому, что мы видели в дореволюционных исследованиях.

С начала 1990-х годов круг тем, при изучении которых привлекаются материалы переписи 1701–1703 гг., начал быстро расти. Е.В. Жигулин, изучая существовавший в 1702–1704 гг. в ростовской архиерейской школе митрополита Димитрия Ростовского театр, привлек «Переписную книгу домовых вотчин митрополита Ростовского и Ярославского» как источник сведений о строениях архиерейского подворья. Они заинтересовали автора в качестве пространства, в рамках которого происходили спектакли [21, с. 18]. Т.В. Винниченко привлекла переписную книгу Спасского Ярославского монастыря 1701 г. в качестве источника лексикографического материала при анализе лексики художественного шитья и украшения ткани в русском языке [13, с. 42–52] и др. Подробные описания монастырских строений сделали перепись замечательным источником по истории архитектуры [46, с. 76; 62], а списки монастырской утвари – истории повседневности [70]. Специалистов по книжной культуре не могли не привлечь описания библиотек [см., к примеру: 39]. Последняя тема требует отдельного обзора. Да и сам перечень изучаемых на основе переписи вопросов также можно легко расширить.

Однако, несмотря на огромные успехи в изучении материалов переписных книг, издание самих переписей долгое время не предпринималось. По счастливому стечению обстоятельств автор данной статьи получил возможность наблюдать, как возобновлялась практика издания переписных книг. В 2008 г. я замещал И.Н. Шамину в должности редактора журнала «Вестник церков-

ной истории». В это время здесь публиковались жития святых, подготовленные к печати по грантам Агиографического совета при Патриархе Московском и всея Руси. В портфеле «Вестника» находилось изученное А.Н. Говоровой Житие прп. Симона Воломского. Автор подошла к работе максимально широко, собрав все доступные материалы о святом и основанном им монастыре. К большому сожалению, дополнительных материалов оказалось крайне мало. Я поинтересовался у научного сотрудника РГАДА А.В. Маштафарова, чья публикация также готовилась к печати, нет ли возможности найти в архиве еще какие-либо материалы, связанные с Симоновым Воломским монастырем. Маштафаров ответил, что в переписи 1701–1703 гг. представлено большинство российских монастырей, а поскольку описания северных монастырей сохранились неплохо, то и искомый монастырь должен найтись. Документ был обнаружен, скопирован и включен в публикацию, существенно дополнив первоначально имевшуюся у автора информацию [14].

Опыт был признан очень удачным, и когда началась подготовка к печати издаваемого И.Н. Шаминой по гранту Агиографического совета Жития прп. Иннокентия Комельского, уже изначально предполагалось, что в комплекс публикуемых документов войдет и опись 1701–1703 гг. [69]. К сожалению, практику таких изданий продолжить не удалось из-за того, что по итогам экономического кризиса 2008 г. Агиографический совет потерял финансирование и был закрыт. Тем не менее И.Н. Шамина уже целенаправленно продолжила публикацию материалов переписи 1701–1703 гг. – в следующем году появилась опись вологодского Павлова Обнорского монастыря [63].

Вслед за этим коллектив исследователей под руководством профессора Вологодского государственного университета М.С. Черкасовой в рамках публикации переписных книги вологодских обителей XVI–XVIII вв. представил материалы Спасо-Каменного и Сямженского Евфимиева монастырей [40, с. 137–201, 248–261]. Серию публикаций переписных книг продолжили описания Григориева Пельшемского (Лопотова) [58] и Дионисиева Глушицкого монастырей [5].

Если в 2008–2015 гг. издавались исключительно описи монастырей Русского Севера, то с 2015 г. стали расширяться как гео-

графическое пространство представленных в публикациях обителей, так и круг авторов. Тексты интересующего нас периода были включены в подборки документов по истории Алатырского Троицкого (Чувашия) [2] и московского Ивановского девичьего монастырей [30, с. 330–357]. В последнем случае, публикация частично воспроизводила дореволюционное издание. Однако в новую книгу включены опущенные ранее фрагменты, а также не заинтересовавшая предшественников опись вотчины и полусела Путятина в Старорязанском стану Рязанского уезда, составленная стольником С.П. Змеевым.

В итоге, 2015 г. стал переломным. После этой даты описания северных монастырей продолжали издаваться. Вышли материалы Успенской Семигородней пустыни [67], Спасо-Нуромского монастыря [64]. Стараниями Н.В. Башнина увидели свет объемные описи Вологодского архиерейского дома [6; 38]. Однако ведущим трендом последующего периода стало расширение географии изданий. За последующие семь лет увидели свет книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского [68], орловского Введенского [59], Троицкого Белопесоцкого [66] монастырей. Подготовлены к печати и скоро выйдут в свет описи Николаевской пустыни на реке Гнилуше, Успенского монастыря в Орловском уезде, Успенского монастыря в Орле, Саввиной (Березиной) и Соколовой пустынь в Каширском уезде, Иоанно-Предтеченского монастыря и Успенского девичья монастыря г. Тулы, Троицкого монастыря г. Крапивны [60; 65].

Продолжилось также издание описей архиерейских домов. М.И. Давыдов опубликовал переписные книги Суздальской соборной церкви и архиерейского дома 1701 г. [16], а Н.В. Башнин, И.А. Устинова и И.Н. Шамина – Коломенского архиерейского дома [7]. К перечисленным изданиям примыкает опись архива Тверского архиерейского дома, подготовленная А.В. Матисоном [31]. В итоге к 19 (три из которых в значительном сокращении) опубликованным до революции описаниям монастырей были прибавлены 17 монастырских описей и три переписи архиерейских домов. Вместе они составили небольшую, но уже статистически значимую часть от составленных во время переписи документов. Особенно важно, что подавляющее большинство публикаций представлено в Интернете в открытом доступе. Это открывает новые

перспективы для исследований. Возможно, было бы полезно подготовить специальную программу исследования и публикации материалов переписи. Это позволило бы по-новому взглянуть на итоги развития русской Церкви эпохи Средневековья.

Приведенные в статье данные позволяют сравнить то, как изучение переписи 1701–1703 гг. развивалось в дореволюционное и постреволюционное время. Более или менее регулярное обращение к материалам началось в 1860-х годах, когда у исследователей появился реальный доступ к документам Монастырского приказа. Научный поиск шел в нескольких направлениях. Первое из них – историко-юридические исследования, где авторы рассматривали актуальную для того периода проблему церковной собственности и взаимоотношений между государством и Церковью. Второе направление – церковно-историческое краеведение, которое постепенно перерастало в фундаментальные исследования русской церковной культуры. Кроме того, к концу дореволюционного периода связанные с переписью материалы стали использовать при решении частных исторических вопросов, не связанных с Петровскими реформами.

Издание документов началось существенно позднее, чем исследования. Публикации появились лишь в 1880-х годах, когда возникло сообщество исследователей, в которое входил крупный историк И.Е. Забелин, способный оценить качество материалов, архивисты В.И. Холмогоров и И.Н. Николев, имеющие доступ к источникам, историк, предприниматель и общественный деятель Н.А. Найденов, сумевший создать необходимую для издания инфраструктуру. В этом историко-культурном пространстве находились и другие исследователи, а также популяризаторы науки и их читатели. Потрясения начала XX столетия не только остановили научные исследования и публикации, но и разрушили среду, где эти материалы были востребованы.

Процесс освоения материалов церковной переписи 1701–1703 гг. начался практически заново почти полвека спустя. В новых исторических условиях вопросы юридических прав церкви на имущество и правовых основ церковно-государственных отношений потеряли актуальность, поскольку считались решенными окончательно. Документы оказались востребованы в более широких рамках изучения социально-экономической истории страны.

Разрабатывавшим данное направление ученым требовались для исследований не полные описания, а фрагменты с соответствующими сведениями. Это не способствовало возобновлению публикаций полных текстов описей.

Доступность материалов Монастырского приказа в РГАДА, а также значительный рост общего числа ученых и разрабатываемых научных направлений привели к тому, что все большее число авторов стало обращаться к материалам переписи при рассмотрении тем, никак не связанных с петровской церковной реформой. В этом направлении изучение материалов описаний 1701–1703 гг. развивалось существенно быстрее, чем до революции.

Иначе обстояли дела с изданием документов. Возобновление этого процесса затянулось до конца 2000-х годов. Необходимой предпосылкой к началу публикаций полных текстов источника стал возросший интерес к комплексным церковно-историческим исследованиям. Внимание к данной теме мы видим уже в конце 1980-х годов. Однако для того чтобы издание значительных по своему объему источников стало реальностью, требовалось появление консолидированного научного сообщества, заинтересованного в подобных публикациях, а также издательская инфраструктура.

Роль инфраструктурной базы в этот раз сыграл Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», где издается журнал «Вестник церковной истории». Именно в нем опубликована большая часть вышедших после революции переписных книг 1701–1703 гг. Ядром научного сообщества, возобновившего публикацию материалов, стали историки «вологодской школы». Именно ими опубликована большая часть вышедших из печати после революции описей. Следует, однако, помнить, что, несмотря на значительные успехи современных ученых, только в 2022 г. общее число новых публикаций превысило то, что уже имелось в дореволюционный период.

Много времени потребовалось и на преодоление историографического разрыва между дореволюционными и последующими исследованиями. Фактически он ликвидируется лишь текущей публикацией. Приведенные в ней данные показывают, что идеологическое вмешательство в науку имеет не только единовременные последствия, но также нарушает естественный ход научного развития на многие десятилетия.

Список литературы

1. Адаменко О.Н. Землевладение и хозяйство Спасо-Каменного монастыря в XV–XVII вв. : автореферат дисс. ... кандидата исторических наук. – Архангельск, 2008. – 22 с.
2. Алатырский Троицкий мужской монастырь : документы 1612–1703 гг. / сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чибис. – Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2015. – 512 с.
3. Анатолий (Смирнов). Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря, Весьегонского уезда Тверской губернии. / [сост. игум Анатолий]. – Тверь : типо-лит. Ф.С. Муравьева, 1883. – 96 с.
4. Барсов Т.В. Синодальные учреждения прежнего времени. – Санкт-Петербург : скоропеч. и лит. И.Ф. Пухира, 1897. – 249 с.
5. Башнин Н.В. Опись имущества и строений Дионисиева Глушицкого монастыря 1701 г. и переписные книги вотчины Дионисиева Глушицкого монастыря 1702 г. // Вестник церковной истории. – 2013. – № ¾ (31/32). – С. 138–177.
6. Башнин Н.В. Переписные книги вотчин Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701–1702 гг. : исследование и тексты. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2019. – 400 с.
7. Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н. Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: правовой статус и имущественное положение / ИРИ, РАН. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2022. – 704 с.
8. Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н. Начало церковной реформы Петра I: историографический аспект // Историческая экспертиза. – 2022. – № 3 (32). – С. 179–202
9. Берташ А.В. Горчаков Михаил Иванович // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – Москва : Православная энциклопедия, 2006. – – Том 12. – С. 156–158
10. Боровск: материалы для истории города XVII и XVIII столетий / сост.: Н.А. Найденов. – Москва : тип. М.Г. Волчанинова, 1888. – 291 с.
11. Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. / АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва : Наука, 1977. – 327 с.
12. Верховской П.В. Вопрос о церковных имениях в двадцатых годах восемнадцатого столетия. – Санкт-Петербург : тип. М. Меркушева, 1907. – 51 с.
13. Винниченко Т.В. Лексика художественного шитья и украшения ткани в русском языке XVI – первой половины XVIII в. : дис. ... кандидата филологических наук. – Вологда, 1999. – 223 с.
14. Говорова А.Н. Житие прмч. Симона Воломского // Вестник церковной истории. – 2008. – № 4 (12). – С. 5–60.
15. Горчаков М.И. Монастырский приказ. (1649–1725): опыт историко-юридического исследования. – Санкт-Петербург : тип. А. Траншеля, 1868. – [2], 296, 159 с.

16. Давыдов М.И. Переписные книги Суздальской соборной церкви и архиерейского дома 1701 г. // Вестник церковной истории. – 2022. – № ½ (65/66). – С. 173–250.
17. Два упраздненных монастыря над Переяславским озером : [Док., отн. к Горицкому и Борисоглебскому упраздненным мон-рям]. – Москва : типо-лит. Н.И. Куманина, 1901. – 66 с.
18. Демидова Н.Ф. «Неувядаемый венец»: Василий Иванович (1835–1902) и Гавриил Иванович (1842–1924) Холмогоровы // Краеведы Москвы : в 3 вып. – Москва : Книжный сад, 1997. – Вып. 3 / сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. – С. 59–81.
19. Добронравов В.Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском / наст. монастыря архим. Митрофана (изд.). – Сергиев Посад : тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1908. – 184 с.;
20. Добронравов В.Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском // Переславская быль. – Переславль-Залесский : Переславский совет ВООПИиК, 2008. – Т. 9, кн. 1. – С. 1–138.
21. Жигулин Е.В. Откуда есть пошел русский театр, или духовные действия свт. вмч. Димитрия Ростовского, тайнозрителя Бога Отца : художественное своеобразие театра : автореф. дис. ... кандидата искусствоведения / ГИТИС. – Москва, 1995. – 25 с.
22. Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2001. – 384 с.
23. Забелин И.Е. Историческое описание Московского ставропигиального Донского монастыря. – Москва : тип. Грачева и К°, 1865. – 160 с.
24. Захаров А.Н. Крупная феодальная вотчина Костромского края в XVI–XVII вв. (по материалам Костромского Троицкого Ипатьевского монастыря) : автореф. дис. ... кандидата исторических наук. – Москва, 1997. – 27 с.
25. Зенченко М.Ю. Переписные книги // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия : в 2 т. / ред. совет: В.В. Алексеев [и др.] ; РАН, Науч. совет по проблемам российской и мировой экономической истории. – Москва : РОССПЭН, 2009. – Т. 2 : Н–Я / редкол. : А.И. Аксенов [и др.]. – С. 234–235.
26. Историко-статистическое и археологическое описание Московского Страстного девичьего монастыря / сост. И.Ф. Токмаков. – Москва : печ. А.И. Снегиревой, 1897. – 152 с.
27. Историческое и археологическое описание Московского Никитского девичьего монастыря, основанного родителем патриарха Филарета Никитой Романовичем / сост. И. Токмаков. – Москва : тип. Е. Гербек, 1888. – 59 с.;
28. Историческое описание Красногорского монастыря / сообщ. еп. Архангельский и Холмогорский Макарий (Миролюбов). – Москва : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1880. – [2], 131 с.
29. Историческое описание Мещевского Георгиевского мужского общежительного монастыря / сост. архим. Леонид (Л.А. Кавелин). 1864 г. – Москва : Унив. тип. (Катков и К°), 1870. – 189 с.

30. История Московского Ивановского девичьего монастыря в документах XVII – начала XIX в. / сост. Д.Г. Давиденко. – Москва : Лето, 2015. – 498 с.
31. Матисон А.В. «Писано в сих книгах ниже сего имянно по статьям». Опись архива Тверского архиерейского дома стольника Михаила Федоровича Пушкина. 1701–1702 гг. // Исторический архив. – 2019. – № 3. – С. 148–187.
32. Милютин В.А. О недвижимых имуществах духовенства в России: Исследование Владимира Милютина. – Москва : Унив. тип., 1862. – 571 с.
33. Михайлов К.Н. Никитский женский монастырь в Москве: (Ист. разыскания по Моск. древностям и по дому бояр Романовых). – Санкт-Петербург : тип. Н.Н. Клобукова, 1901. – 259 с.
34. Никитников Г. Историко-статистическое описание Воскресенского собора в г. Вятке, составленное протоиереем Герасимом Никитниковым. – Вятка : Скоропечатня Анисимовых и Блиновой, 1869. – 284 с.
35. Описание Московского Богоявленского монастыря / соч. моск. викария еп. Дмитровского Никодима (Белокурова). – Москва : Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1877. – [2], 95 с.
36. Описание Переславского Никитского монастыря в прежнее и нынешнее время: (С прил. календаря, сост. для г. Переславля) / [соч.] свящ. Александра Свирелина. – Москва : тип. А.А. Торлецкого и К°, 1878. – [2], 78 с.
37. Описание Федоровского женского монастыря в г. Переславле-Залесском / [соч.] прот. Александра Свирелина. – Переславль : типо-лит. А.М. Шаланина, 1886. – 36 с.,
38. Описи Вологодского архиерейского дома Св. Софии второй половины XVII – начала XVIII в. / РАН, С.-Петерб. ин-т истории (дом Н.П. Лихачева), Сев. отд-ние Археограф. комис. РАН ; сост. Н.В. Башнин. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2020. – 357, [9] с.
39. От Вятки до Тобольска: церковно-монастырские библиотеки российской провинции XVI–XVIII вв. / Мосин А.Г., Мудрова Н.А., Шашков А.Т., Манькова И.Л. [и др.] ; Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, Институт русской культуры. – Екатеринбург, 1994. – 148, (2) с.
40. Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. : исследование и тексты / под ред. М.С. Черкасовой. – Вологда : Древности Севера, 2011. – 496 с.
41. Переславль-Залесский: материалы для истории Данилова монастыря и населения города XVIII столетия. По документам Московского архива Министерства юстиции и Архива Владимирской духовной консистории / сост.: Н.А. Найденов. – Москва : тип. М.Г. Волчанинова, 1891. – 110 с.
42. Переславль-Залесский Никитский монастырь: материалы для его истории XVII и XVIII ст. – Москва : тип. М.Г. Волчанинова, 1888. – 180 с.
43. Покровский И.М. К истории казанских монастырей до 1764 г. – Казань : Типолитогофия Казанского университета, 1902. – 80 с.
44. Покровский И.М. Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра 1-го до учреждения духовных штатов в 1764 г. : общий доп. очерк к исслед. «Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преиму-

- щественно до 1764, г. Казань. 1906 г.» – Казань : типолитография Императорского ун-та, 1907. – [2], 140, 76 с.
45. Пушкин Б.С. Описание принадлежащих Л.М. Савелову документов: 1) столбцов Воскресенского Череповецкого монастыря Новг. губ. (№№ 1–131) со вводной к ним статьей «Страница из истории Череповецк. мон. в XVII в.»; 2) столбцов Коряжемского мон. Волог. губ. (№№ 132–141) и 3) столбцов разного содержания (142–173). – Москва : печ. А.И. Снегиревой, 1912. – 86 с
46. Салимов А.М. Каменное строительство в тверском Отроче монастыре во второй половине XV – XVI в. // Вестник славянских культур. – 2010. – № 4 (18). – С. 74–83.
47. Соколова Н.В. Монастырское землевладение и хозяйство в Нижегородском крае в XVII – середине XVIII в. : дис.... кандидата исторических наук. – Москва, 1990. – 406 с.
48. Соколова Н.В. Описание владений Патриаршего дома начала XVIII в. как источник по истории Русской православной церкви // Исторический курьер. – 2022. – № 2 (22). – С. 127–140.
49. Соколова Н.В. Роль Макарьевского Желтоводского монастыря в хозяйственном и культурном развитии Нижегородского края в XVII – первой четверти XVIII в. // В памяти Отечества : мат-лы науч. чтений. Горький, 31 мая – 5 июня 1987. – Горький, 1989. – С. 159–167.
50. Тихонравов К.Н. Княгинин Успенский девичий монастырь (во Владимире Кляземском) // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. – Санкт-Петербург : Тип. II-го отделения собственной Е.И. В. канцелярии, 1859. – Кн. 4. – С. 12–34.
51. Топографическое и историческое описание Ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря, с описанием подведомых сей обители монастырей и скитов и с помещением всех достопримечательных подлинных царских и знаменитых духовных особ грамот, служивших к пополнению достопамятных происшествий, которые почерпнуты и из архивных дел, и старинных летописей / Собр. Соловецкого монастыря архим. и кавалером Досифеем. – Москва : Унив. тип., 1834. – 191 с.
52. Углич : материалы для истории города 17 и 18 столетий. – Москва : тип. М.Г. Волчанинова, 1887. – [4], 358 с.
53. Указы императора Петра Великого от 1702 г. в Ростов по делам церковным / сообщ. о. архим. Владимиром из ризницы Ярославского Архиерейского Дома // Ярославские Епархиальные Ведомости. – 1890. – № 23, часть неофиц. – Стб. 357–366.
54. Ульянова Г.Н. Н.А. Найденов и издание ревизских сказок в многотомнике «Материалы для истории московского купечества» (1883–1889) // Экономическая история. – 2018. – Т. 14, № 2. – С. 223–238.
55. Успенский Н.П. О больших строителях Кирилло-Белозерского монастыря. – Москва : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1896. – 56 с.
56. Успенский Н.П. Охранная опись рукописям Кирилло-Белозерского монастыря. – Санкт-Петербург : Синод. тип., 1901. – [2], 173 с.

57. Холмогоров В.И. Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей, собранные из книг и дел преждебывших патриарших приказов В.И. и Г.И. Холмогоровыми, при руководстве И.Е. Забелина. – Москва : Моск. гор. тип., 1884. – [2] с., 1200 стб.;
58. Шамина И.Н. Документы по истории Григориева Пельшемского монастыря XVII – начала XVIII в. // Вестник церковной истории. – 2011. – № 3/4 (23/24). – С. 30–63.
59. Шамина И.Н. Документы по ранней истории орловского Введенского монастыря // Вестник церковной истории. – 2018. – № 3/4 (51/52). – С. 29–39.
60. Шамина И.Н. Коломенская епархия на рубеже XVII–XVIII столетий: по материалам переписных книг 1701–1702 гг. – 2023. – В печати.
61. Шамина И.Н. Монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв.: землевладение и организация хозяйства : дис. ... кандидата исторических наук. – Москва, 2003. – 324 с.
62. Шамина И.Н. Ограды русских монастырей начала XVIII в. по переписным книгам 1701–1702 гг. // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. / Ин-т археологии, РАН, ИРИ, РАН. – Москва : Индрик, 2020. – С. 101–117.
63. Шамина И.Н. Описание имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 гг. // Вестник церковной истории. – 2010. – № 1/2 (17/18). – С. 17–107.
64. Шамина И.Н. Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря и его вотчины 1701–1702 гг. // Вестник церковной истории. – 2020. – № 1/2 (57/58). – С. 5–37.
65. Шамина И.Н. Переписная книга Николаевской Гнилушской пустыни Коломенского уезда 1701 г. // Вестник церковной истории. – 2023. – № 1/2 (69/70). – С. 366–386.
66. Шамина И.Н. Переписная книга Троицкого Белопесочского монастыря 1701 г. // Источники по истории русского Средневековья и Нового времени / ИРИ, РАН. – Москва, 2022. – Вып. 1. – С. 178–218.
67. Шамина И.Н. Переписная книга Успенской Семигородней пустыни Вологодского уезда 1702 г // Вестник церковной истории. – 2017. – № 1/2 (45/46). – С. 99–111.
68. Шамина И.Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г // Вестник церковной истории. – 2017. – № 3/4 (47/48). – С. 96–226.
69. Шамина И.Н. Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь // Вестник церковной истории. – 2009. – № 1/2 (13/14). – С. 26–99.
70. Шамина И.Н. Что хранилось в монастырской кладовой: предметный мир русского монастыря рубежа XVII–XVIII вв. // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : мат-лы науч. конф., Москва, 20–22 ноября 2013 г. – Москва : Древности Севера, 2016. – С. 487–493.

УДК 94(438).071; 94(47).073

DOI: 10.31249/hist/2023.04.03

КОМЗОЛОВА А.А.* БОЛЬШОЙ РУССКИЙ БАРИН В ЛИТВЕ:
ВИЛЕНСКИЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР КНЯЗЬ Н.А. ДОЛГОРУ-
КОВ (1831–1840)

Аннотация Статья посвящена взглядам и деятельности князя Н.А. Долгорукова на посту виленского генерал-губернатора (1831–1840). Рассмотрены различные пути и методы умиротворения северо-западных губерний, которые использовались российским правительством после подавления польского восстания в 1831 г. Основное внимание уделено отношению Долгорукова к польскому дворянству.

Ключевые слова: Российская империя; Северо-Западный край; Комитет западных губерний; польское восстание 1830 г.; российское дворянство; виленские генерал-губернаторы; Н.А. Долгоруков.

KOMZOLOVA A.A. The great russian gentleman in Lithuania: the governor-general of Vilna prince N.A. Dolgorukov

Abstract. The article is devoted to views and the activity of prince N.A. Dolgorukov, governor-general of Vilna (1831–1840). Various ways and methods of pacification of Northwestern region that were used by the Russian government after the suppression of the Polish uprising of 1830 are considered. The article focuses on Dolgorukov's attitude to the Polish nobility.

Keywords: Russian Empire; Northwestern region; Committee of Western Provinces; Polish uprising of 1830; russian nobility; governor-generals of Vilna; N.A. Dolgorukov.

* Комзолова Анна Альфредисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); lizeze@yandex.ru

Для цитирования: Комзолова А.А. Большой русский барин в Литве: виленский генерал-губернатор князь Н.А. Долгоруков. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 4. – С. 37–56. – DOI: 10.31249/hist/2023.04.03

Наличие института генерал-губернаторства обуславливалось особым административным статусом пограничных территорий Российской империи, включая и земли бывшего Великого княжества Литовского, присоединенные в результате разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. Генерал-губернаторства представляли собой своеобразные, территориально обособленные «арены», в рамках которых начальники краев имели возможность проводить достаточно самостоятельную национальную политику [9, с. 430]. Персональный характер власти генерал-губернаторов на западных окраинах становился особенно наглядным в периоды острых внутренних и внешнеполитических конфликтов, таких как польские восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., когда личностный фактор оказывал заметное влияние на процесс принятия решений.

Князь Николай Андреевич Долгоруков (1792–1847) занимал пост виленского генерал-губернатора с августа 1831 г. по март 1840 г. Генерал-губернатору были подчинены Виленская, Гродненская и Минская губернии, а также Белостокская область¹ – территории исторической «Литвы» (ныне – современной Литвы, Беларуси и Польши).

¹ С 1 декабря 1830 г. по 10 июня 1831 г., в связи с польским восстанием, Виленская, Гродненская и Минская губернии находились на военном положении и были под начальством главнокомандующего Действующей армией графа И.И. Дибича-Забалканского, а затем, в связи с перенесением боевых действий на территорию Царства Польского, – под управлением главнокомандующего Резервной армией графа П.А. Толстого. С 23 декабря 1830 г. для управления Виленской и Гродненской губерниями был назначен временный военный губернатор, а с 30 октября 1831 г. его власть была распространена и на Белостокскую область. Первоначально, 24 декабря 1830 г., на эту должность был назначен М.Е. Храповицкий, а 23 августа 1831 г. его сменил князь Н.А. Долгоруков. 22 января 1832 г., после окончательной отмены военного положения в этих губерниях, была учреждена должность виленского военного губернатора и генерал-губернатора гродненского и белостокского. 15 января 1834 г. под управление виленского генерал-губернатора была передана и Минская губерния [3, с. 66, 67; 1, с. 17].

Долгоруков вступил в управление «литовскими» губерниями еще в период русско-польской войны 1830–1831 гг., последовавшей после восстания в Варшаве в ноябре 1830 г. Литовско-белорусские земли оказались охвачены волнениями с весны 1831 г., причем восстание происходило здесь обособленно по отдельным уездам. Подняв восстание в своем уезде, шляхта немедленно избирала из числа местных землевладельцев уездное повстанческое правительство и главнокомандующего уездными войсками. Правительства каждого уезда объявляли акты восстания, приводили население к присяге, объявляли рекрутский набор в повстанческие войска, издавали воззвания, призывая крестьян и мещан взяться за «оружие для отыскания отечества и свободы». Например, в Новогрудском уезде Гродненской губернии предводитель дворянства перешел на сторону повстанцев и возглавил нападение на склад армейского провианта¹. В начале июня 1831 г. в Литву вошли польские войска, и власть на местах в этот период фактически контролировалась польскими генералами Д. Хлаповским, А. Гелгудом и Г. Дембинским. В августе 1831 г., после отхода польских войск на территорию Царства Польского или за границу Пруссии, восстание на белорусско-литовских землях фактически прекратилось [15, с. 261, 263, 310, 311, 315, 327].

Время управления князем Долгоруковым белорусско-литовскими губерниями оказалось периодом выработки целого ряда решений, благодаря которым произошла стабилизация политического положения в этом регионе после польского восстания 1830 г., система местного управления была приведена в соответствие с общеимперскими образцами, а также был намечен дальнейший курс по его интеграции в состав Российской империи. Помимо ряда репрессивных мероприятий, конфискации имений польских повстанцев и противодействия влиянию польской эмиграции, в этот период проводилась политика так называемого «разбора шляхты», велась борьба с фальсификацией документов на дворянство [8, с. 113–153, 203–210]; были подготовлены условия для проведения инвентарной реформы 1844 г. [13, с. 142–147]; осуществлены реформирование местной судебной системы и реор-

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 561. Оп. 1. Д. 107. Л. 34, 38.

ганизация земской полиции [3, с. 70–76]; изменены административные границы уездов Виленской губернии и т.д.

Вместе с тем в историографии деятельность Долгорукова фактически является «белым пятном», и он остается «в тени» других, более харизматических и жестких руководителей Западного края, таких, например, как М.Н. Муравьев-Виленский или киевский генерал-губернатор Д.Г. Бибииков. В советской историографии взгляды представителей «царского правительства» изучались довольно бегло. Среди современных работ можно выделить лишь монографию В.С. Шандры, посвященную истории генерал-губернаторской власти на территории Малороссии, Юго-Западного края, Новороссии и Бессарабии в XIX – начале XX в., в которой в том числе достаточно подробно освещается и пребывание князя Долгорукова на посту харьковского, полтавского и черниговского генерал-губернатора [18, с. 127–132, 139, 141, 142, 144, 165, 383], однако за рамками этого исследования остается его деятельность в белорусско-литовских губерниях.

Отчасти такое историографическое «забвение» Долгорукова связано с тем, что конец его карьеры оказался довольно бесславным. По свидетельству барона М.А. Корфа, на смертном одре Долгоруков, в то время генерал-губернатор в Харькове, оставил императору Николаю I письмо, которое было вскрыто после его кончины. В письме он признался царю в том, что вследствие «стесненных обстоятельств» растратил свыше 40 тыс. рублей казенных денег. Эта «грустная история» произвела тяжелое впечатление на императора, а в светском обществе хотя ранее и было известно о мотовстве Долгорукова, но никто, однако, «не воображал, чтобы он мог кончить так, как оказалось после его смерти» [4, с. 376–377].

На страницах воспоминаний, посвященных князю Долгорукову, современниками прежде всего был создан образ администратора, имевшего репутацию слишком мягкого человека и слабого руководителя, который потакал местной польской элите. Мемуаристы в основном сосредоточили внимание на человеческих недостатках и изыянах князя Долгорукова. Например, М.А. Корф характеризовал его как «человека очень умного, но крайне расточительного»; более того, «при всем уме и административных дарованиях», Долгоруков никогда не отличался «особенной стро-

гостью правил» в денежных вопросах [4, с. 376]. По словам М.Н. Муравьева, служившего в 1831–1835 гг. гродненским губернатором, в Вильне Долгоруков, «человек преданный женщинам», «при запутанности своих домашних дел», сделал много долгов и вследствие этого был «под влиянием польских магнатов, у которых занимал деньги» [11, № 11, с. 424; 11, № 12, с. 627, 628].

Пожалуй, едва ли не исключением являются воспоминания Н.В. Сушкова, который служил под началом Долгорукова в должности минского губернатора в 1838–1841 гг. Сушков давал наиболее положительные оценки деловым качествам князя: «Труда он не боялся; работать с ним было легко; всякий вопрос он разрешал спокойно; все обстоятельства дела схватывал на лету, возражениями не волновался, не отстаивал по упрямству ошибочного порой взгляда, мысли, намерения; слушал бумаги как немногие умеют слушать...» По мнению мемуариста, на посту главного начальника края Долгоруков «действовал решительно и твердо, но, с тем вместе, справедливо и человеколюбиво» [17, с. 173–174, 171].

В Вильне князь Долгоруков собственным примером демонстрировал многообещающие, как казалось, перспективы политики сближения русского и польского обществ, стирания политических и культурных границ между ними. Жандармский офицер А.И. Ломачевский, профессионально надзиравший за состоянием дел на местах, вспоминал, что вокруг генерал-губернатора «дружно теснилось» польское высшее общество, а князь Долгоруков был окружен «царским блеском»: «Никогда еще Вильна не видала в своих салонах такого обилия звезд и такой пестрой толпы камергеров и камер-юнкеров, какою окружен был тогдашний начальник края. Вильна далеко не походила тогда на древле-русский город. В высшем и среднем кругу общества нельзя было услышать ни одного русского звука. Польский и французский языки были господствующими» [6, с. 253, 254].

В 1839 г. состоялось воссоединение белорусских униатов с Православной церковью, однако о какой-либо значимой роли в этом деле князя Долгорукова современники умалчивают. Митрополит Литовский Иосиф (Семашко), один из главных деятелей этого воссоединения, отмечал в воспоминаниях, что Долгоруков, представитель высшей русской аристократии, «играл удачно роль большого барина и тем, может быть, имел на латино-польскую

партию сильное влияние – в нем было что-то, разлагающее эту партию и подавляющее в ней противодействие». Но такое «разлагающее» влияние митрополит не столько связывал с сильной волей и целеустремленностью генерал-губернатора, сколько приписывал последствиям успешного подавления польского восстания. По его мнению, «при своем влиянии, князь Долгоруков мог бы много сделать для православия. Но он был индеферентист. Известны его слова, на завтраке у архимандрита, когда заспорили о латинах и православных: “не знаю, чья вера лучше, но кухня их лучше вашей”. Князь Долгоруков ни на что бы важное не пошел» [16, с. 262].

В 1840 г. князь Долгоруков попал «в немилость» и был переведен из Литвы на должность генерал-губернатора в Малороссию, где и умер «в опале». Причиной неудовольствия Николая I послужил брак князя на разведенной польке. По словам Сушкова, в период пребывания в Вильне Долгоруков, «как человек свободный, равнодушен был к легким и ловким паньям, т.е. замужним, вдовам и разводным... Тогда славилась между красавицами дочь графа Вавржецкого. Она вышла за графа Забеллу; на первом же бале молодая невольно привлекает на себя внимание главного гостя...» [17, с. 172]. Как отмечал Ломачевский, польские великосветские дамы «наперерыв одна перед другою» стремились добиться «предпочтения» вдового князя, «взаимно подставляя свои обворожительные ножки». Но когда одна из них «вышла победительницей и согласилась развестись с красавцем-мужем», император «предупредил князя, что, в случае женитьбы этой, он ему не слуга в Вильне» [6, с. 255], и отправил Долгорукова в Харьков. Эти свидетельства подтверждает и Ф.Я. Миркович, преемник Долгорукова на посту виленского генерал-губернатора. Император принял решение о кадровой замене еще в начале 1839 г., предупредив об этом Мирковича: «Князь Долгоруков хочет развести Забелло и жениться на его жене; я считаю неудобным после этого оставить его в Вильне...» [10, с. 413].

Разочарование Николая I в своем верном «слуге» было тем сильнее, что за все время управления краем Долгоруков в своих действиях прежде всего ориентировался на представления и пожелания императора. Со своей стороны, в первые годы его управления краем Николай I вполне одобрял деятельность Долгорукова.

Так, ознакомившись с рядом его программных предложений и заключений, император отмечал в апреле 1832 г.: «Надо отдать полную справедливость к[нязю] Долгорукову, что он всегда и везде действует отлично хорошо»¹.

Одним из наиболее важных программных документов можно считать рапорт Долгорукова управляющему Главным штабом его императорского величества графу А.И. Чернышеву от 25 октября 1831 г.², обсуждавшийся на заседании Комитета западных губерний 24 ноября 1831 г.³ Долгоруков предлагал в самой ближайшей перспективе сформулировать и реализовать ряд мер, которые призваны были способствовать достижению одной из главных задач российского правительства в этом регионе – удалить «преграды нравственному соединению литовцев и поляков с русскими». Другой важнейшей целью властей в отношении местных дворян, по его мнению, должно было быть стремление всемерно искоренить у них «мысли о правительстве представительном, коего пример в сопредельном Царстве Польском может волновать умы и здесь». Предложения генерал-губернатора включали такие проекты, как: постепенное преобразование католических и греко-униатских монастырей и духовенства, имевшего, «по богатству и значительности своей, сильное влияние на умы народа»; реорганизация местной полиции; сближение Литовского статута «с законоположениями российскими»; предоставление в Польше и Литве лицам русского происхождения в аренду имений, «ныне конфискованных от мятежников с тем, дабы таковые имения не были ни чрез какие сделки отчуждаемы от них во владение полякам и литовцам». Выдвигая задачи уравнивания положения русского и польского дворянства, генерал-губернатор особо подчеркивал необходимость «обуздания праздности польской молодежи» и предлагал разработать ряд распоряжений, которые бы «поставили ее в необходимость находиться на российской службе». С этой целью он считал возможным немедленно приступить к реорганизации в западных губерниях учебной части с тем, чтобы «учащиеся

¹ РГИА.Ф. 1284. Оп. 17. Отд. 1. Стол 1. Д. 63. Л. 10–10 об.

² РГИА.Ф. 1266. Оп. 1. Д. 9. Л. 227–229.

³ Журналы Комитета западных губерний / изд. подгот. Т.В. Андреева, И.Н. Вибе, Б.П. Миловидов, Д.Н. Шилов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2017. – Т. 1 : 1831–1835 гг. (Далее – Журналы КЗГ.Т. 1). – С. 131–132.

имели более нравственности и здравого смысла, чем смутных мудрований, и не могли бы школ своих обращать в клубы политические, для чего нужно бы применить к оным правила военно-учебных заведений»¹.

Во всеподданнейшем отчете князя Долгорукова [2] от 22 декабря 1832 г.² эта программа была скорректирована. С одной стороны, генерал-губернатор считал необходимым смягчить некоторые репрессивные мероприятия, а с другой, он пытался выделить новые приоритеты в правительственной политике в западных губерниях. В частности, генерал-губернатор полагал, что дальнейшее преследование бывших участников восстания «уже бесполезно». «Ныне подозрительность правительства... – полагал он, – могут только ожесточить иступленников ложного польского патриотизма» [2, с. 179]. Одновременно Долгоруков предлагал: усилить административный надзор за католическим духовенством, прежде всего за монастырями; осуществить секуляризацию недвижимого имущества католического духовенства; ввести в местное судопроизводство русский язык вместо польского и т.п. Он также настаивал на проведении люстрации и учреждении обязательных инвентарей в помещичьей деревне, в частности, он предлагал «составить особое положение о взаимных правилах и отношениях дворян-помещиков и простолюдинов-жителей их земли».

Всеподданнейший отчет князя Долгорукова был рассмотрен на заседании Комитета западных губерний 17 февраля 1833 г. в присутствии самого генерал-губернатора³. Реализация некоторых предложений Долгорукова была либо отложена комитетом, либо в той или иной форме отклонена. Например, вопрос о введении обязательных инвентарей в помещичьих имениях был отложен Комитетом западных губерний на неопределенное время (а вернее, до начала реформы государственной деревни графа П.Д. Киселева) [13, с. 144–158].

¹ РГИА.Ф. 1266. Оп. 1. Д. 9. Л. 227 об. – 228.

² Н.В. Сушков, опубликовавший этот документ, ошибочно датировал его декабрем 1833 г. Точная датировка установлена на основании текста данного всеподданнейшего отчета, сохранившегося в архивном фонде Комитета западных губерний среди приложений к его журналам. См.: РГИА.Ф. 1266. Оп. 1. Д. 13. Л. 28–55.

³ Журналы КЗГ.Т. 1. С. 319–333.

Вместе с тем ряд инициатив виленского генерал-губернатора имел продолжение. Записка Долгорукова на имя Киселева (от 29 июня 1837 г.) положила начало обсуждению вопроса о пересмотре законодательства в отношении так называемых «вольных» людей в Литве. В 1840 г., после длительного рассмотрения в Министерстве государственных имуществ, Комитете министров, а затем и Комитете западных губерний вопроса об условиях раскрепощения «вольных» людей и возможности переселения их на казенные земли, были изданы положения, определившие их статус в казенных имениях [12, с. 393, 397]¹.

Также получили поддержку планы Долгорукова по преобразованию духовных учебных заведений в светские в целях «сближения поляков с русскими совокупным образованием детей тех и других в общественных заведениях». Генерал-губернатор предлагал учредить в Вильне кадетский корпус, а в Гродне и Белостоке – благородные пансионы и лицеи. Летом 1833 г., в качестве пробного шага, Долгоруков совместно с гродненским губернатором М.Н. Муравьевым и попечителем Белорусского учебного округа Г.И. Карташевским составил проект по преобразованию учебных заведений Гродненской губернии, предполагавший превращение католических приходских училищ в русские светские заведения и «освобождение» их от зависимости от католического духовенства². 24 июня 1833 г. Долгоруков представил министру народного просвещения графу С.С. Уварову специальную записку, в которой подробно изложил свои представления о реформах духовных училищ и начальных светских школ³. В частности, обдумывая учебную программу в местных начальных училищах, генерал-губернатор считал необходимым вести преподавание там на родных языках учеников. Так, в Литве («Самогитии») он предлагал «обучать при сельских училищах, сверх преподаваемых предметов, чтению на жмудском (литовском. – А. К.) языке»⁴.

¹ Журналы Комитета западных губерний / изд. подгот. Т.В. Андреева, И.Н. Вибе, Б.П. Миловидов, Д.Н. Шилов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2021. – Т. 2 : 1836–1840 гг. (Далее – Журналы КЗГ.Т. 2). – С. 527–532. – Заседание 16 июля 1840 г.

² РГИА.Ф. 733. Оп. 66. Д. 64. Л. 88–92.

³ Там же. Л. 153–155.

⁴ Там же. Л. 154 об.

Среди предложений Долгорукова члены Комитета западных губерний особо выделили, в частности, вопрос о русской крестьянской колонизации. Долгоруков считал возможным организовать на собственно этнически литовских землях – в «Самогитии» – «несколько русских селений», чтобы «со временем коренные жители смешались с выходцами из российских губерний». Для этого, по его мнению, фактически достаточно было занять не затронутые «цивилизацией» пространства, «пожертвовав частью дремучих лесов и осушив болота». Комитет одобрил это предложение, полагая, что русские крестьяне «принесут в сей край, наиболее чуждающийся России, наш язык, наши обычаи и приверженность русских к престолу». В итоге обсуждений предложений Долгорукова комитетом был поставлен вопрос о переселении из «внутренних губерний» в «обширную и малонаселенную» Литву государственных крестьян¹. Позднее, в 1835 г., Долгоруков представил императору предложение о «водворении солдат русского происхождения» в Северо-Западном крае «на постоянных квартирах», которое затем в ходе дискуссий было трансформировано в неосуществленный проект, предполагавший создание в этом регионе поселений пахотных солдат по образцу Новгородской губернии [13, с. 74–76].

После подавления восстания 1830–1831 гг. вопрос о лояльности польского населения северо-западных губерний оказался в фокусе основного внимания властей. Подтверждение этой лояльности было возведено в определенную бюрократическую практику, связанную с оформлением официальных справок, подписок и т.п. Еще в период восстания были введены особые процедуры, закреплявшие постепенный переход польского дворянства и шляхты Западного края из состояния мятежа в положение «потенциальных благонамеренных».

Согласно изданному в июне 1831 г. высочайшему указу, гражданские и военные власти западных губерний должны были выдавать польским помещикам, добровольно сложившим оружие, свидетельства об их явке, а у них отбирать подписки «в непоколебимой впредь верности» [19, с. 224]. Свидетельства выдавались не только тем, кто сложил оружие, но и тем, кто за этих лиц давал поручительства. В 1832 г. Долгоруков в рамках реорганизации по-

¹ Журналы КЗГ.Т. 1. С. 324–325.

лицейского управления в качестве гарантии лояльности ввел для местных помещиков коллективные подписки на основе круговой поруки. В тексте такой подписки были обозначены некоторые правила «хорошего поведения». Помещики должны были ручаться «честью, имуществом и жизнью», что не только будут верны долгу верноподданнической присяги, но и будут сохранять в уезде «тишину и порядок», не допустят никакой противозаконной деятельности, распространения ложных слухов и т.п.¹ По его мнению, «забвение же всего минувшего» прежде всего зависело от «дальнейшего поведения» дворянства и других сословий западных губерний².

Князь Долгоруков, полагаясь на традиционные механизмы контроля, присущие бюрократической иерархии, стремился усилить надзор за лояльностью местной элиты – чиновников, помещиков, шляхты и духовенства. В июне 1832 г. по его распоряжению всем начальникам губернских казенных мест, под угрозой суда и других наказаний в случае «молчания и снисхождения относительно недостойных подчиненных», было предписано строго наблюдать за канцелярскими чиновниками. Следовало осуществлять надзор «относительно их нравственности поведения», как на службе, так и в домашней и общественной жизни, замечать «что-либо предосудительное или подозрительное» в их знакомствах, дружеских и родственных связях. Отсутствию политической лояльности генерал-губернатор не придавал исключительного значения, он не акцентировал внимания на ее особой угрозе для государственных устоев. Напротив, он ставил лояльность в один ряд с другими проявлениями «неправильного» поведения чиновников, считавшимися «недостойными»: это и «неприличные поступки», и «нескромность суждений», и в целом «неблагоданеренность и не-благоданерность»³.

В круг ответственности власти в «литовских губерниях» генерал-губернатор фактически включил надзор за процессом формирования национальной идентичности местных жителей и даже

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 109. 1 экспедиция. Оп. 5 (1830 г.). Д. 448. Ч. 244. Л. 16–17.

² Журналы КЗГ.Т. 1. С. 562.

³ ГА РФ.Ф. 109. 1 экспедиция. Оп. 5 (1830 г.). Д. 448. Ч. 244. Л. 140–141 об.

определенное руководство этим процессом. Виленский генерал-губернатор считал, что в сознание местного населения, особенно привилегированных сословий, было возможно «вкоренить» убеждение в том, что в этом крае «так называемая польская национальность более существовать не может»¹. Одновременно в их сознании следовало «возродить чувства русской национальности» с тем, чтобы в их «новом Отечестве» – Российской империи – поляки «послушны были всем властям и, хотя мечтая еще некоторое время, что они были поляки, вели бы, однако же, себя во всех случаях как должно истинным и вернейшим подданным»². Главными критериями этого «возрождения» Долгоруков считал внешние формы поведения, прежде всего послушание властям и вообще благонамеренность. При определении целей правительственной политики в «литовских губерниях» он отдавал приоритет изменению «нравов» местных жителей, ориентируясь на общую задачу постепенной гомогенизации всего населения многонациональной империи. По словам Долгорукова, правительству необходимо было «перевоспитать» «самую нравственность обывателей здешнего края, сообразно общенародному духу Империи». Добиться этой цели было возможно лишь многолетней работой и «постоянным направлением всех пружин правительственного влияния к одной цели»³. Достижение в Северо-Западном крае прочной политической стабильности представлялось Долгорукову осуществимым лишь в долгосрочной и достаточно отдаленной перспективе, причем при отсутствии новых волнений и мятежей.

Оценивая права и привилегии польского дворянства западных губерний, князь Долгоруков указывал на необычность, аномалию в его положении, на отличия от положения российского дворянства. В частности, Долгоруков писал: «Два-три сильных, по богатству, связям, родству и лучшему образованию, помещика, действуя в ограниченном кругу уездного, более бедного, незнатного и невежествующего дворянства, имеют и должны иметь непосредственное влияние на [дворянские] выборы, на мнения, их отношения к разным лицам решают участь избираемых; окружая

¹ РГИА.Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5940. Л. 6.

² Там же. Л. 49 об., 50.

³ Там же. Л. 48 об.

себя преданными людьми и любимцами, можно сказать клиентами, они действительно представляют каких-то патронов в уезде и продолжают слыть в понятиях простого народа магнатами древней Польши»¹. В результате польские магнаты Литвы имели собственные, неподконтрольные правительству рычаги влияния – по определению Долгорукова, «невидимые силы», которые действовали в рамках этих патрон-клиентских отношений, сложившихся между богатыми помещиками, мелкой шляхтой и «верхушкой» крестьянских сообществ. Сохранение подобных связей, «унаследованных» от бывшей Речи Посполитой, по мнению Долгорукова, препятствовало задаче «слияния» местного дворянства с русским дворянством – или, по его выражению, «с древними поколениями коренных в государстве дворян»².

Заметной тенденцией правительственной политики николаевского времени в отношении дворянства было стремление уравнять государственную службу со службой по выборам. Шагом в этом направлении стал закон 6 декабря 1831 г. о порядке дворянских собраний, выборов и службы [14, т. 6, № 4989; 5, с. 534–587]. Фактически вводя имущественный ценз, этот закон привел к значительному сокращению круга лиц, которые имели право участвовать в местных дворянских выборах. Хотя изменения были введены в рамках общероссийского законодательства, эта мера в наибольшей мере коснулась дворянства западных губерний, в составе которого значительное место занимала малоземельная и безземельная шляхта³. Также для дворян в бывших «польских губерниях» (Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской, а также в Белостокской области) вводилось более строгое, по сравнению с остальной Российской империей, условие для пользования избирательным правом: они должны были ранее состоять на государственной службе, гражданской или военной, причем не менее 10 лет [5, с. 549].

Несмотря на весьма сомнительную лояльность польских дворян «литовских губерний», князь Долгоруков считал возмож-

¹ РГИА.Ф. 1284. Оп. 17. Отд. 1. Стол 2. Д. 64. Л. 6.

² Там же. Л. 2.

³ В частности, в 1836 г. в Гродненской губернии в дворянских выборах участвовало 224 избирателя, что составляло 28,9% от числа избирателей в 1830 г. (777 человек) [7, с., 29, 30].

ным возратить им некоторые их привилегии, ограничение которых произошло вследствие поддержки восстания. Так, в мае 1832 г. он предложил разрешить участие в местных дворянских выборах тем полякам, кто получил прощение и имел свидетельства о добровольной явке с выражением их раскаяния в участии в восстании. Также он считал, что в выборах могли бы участвовать бывшие повстанцы, еще находившиеся под следствием, если они не содержались под стражей и не подозревались в совершении тяжких уголовных преступлений¹.

Хотя эти предложения генерал-губернатора с некоторыми корректировками были поддержаны и министром внутренних дел Д.Н. Блудовым, и членами Комитета министров, но Николай I решительно возражал. По его мнению, если во время дворянских выборов в Литве для замещения соответствующих должностей оказался бы недостаток кандидатов, «действительно в правилах их несомнительных», следовало назначать на эти места чиновников «от короны». В итоге, по распоряжению императора Комитет западных губерний разработал компромиссный вариант правил для дворянских выборов в Виленской и Гродненской губерниях и Белостокской области, которые были высочайше утверждены 31 октября 1833 г. и 16 января 1834 г. Главным аргументом этого компромисса стало признание «известной трудности» в привлечении на службу в «литовские губернии» благонадежных русских чиновников, в то время как «из местных жителей едва ли не самая большая часть навлекла на себя подозрение». Согласно этим правилам, в «литовских губерниях» не следовало допускать к выборам дворян, степень участия которых в восстании еще не была установлена. Получившие прощение и выразившие раскаяние поляки могли допускаться к дворянским выборам только в том случае, если они участвовали в восстании «без поднятия оружия и без подписания возмутительных актов». Причем князю Долгорукову предоставлялось право отстранять их от занятия выборных должностей и назначать на такие места чиновников по своему выбору, если он признавал таких лиц «в правилах их сомнительными». В свою очередь, на выборные должности могли назначаться чиновники «от короны» также из числа «прикосновенных к мятежу» поляков,

¹ РГИА.Ф. 1284. Оп. 17. Отд. 1. Стол 2. Д. 64. Л. 2–7.

если они признавались генерал-губернатором «заслуживающими доверия»¹.

При этом Комитет западных губерний отказался распространять эти правила на Минскую, а также на Киевскую, Подольскую и Волынскую губернии, поскольку предполагалось, что туда будет легче привлечь русских чиновников, «особенно из соседственной Малороссии». Более того, Николай I еще раз обозначил свою волю, написав на полях журнала комитета: «Никого из участвовавших в мятеже нигде не допускать к выборам»².

В целом князь Долгоруков был не склонен удовлетворять многочисленные пожелания и просьбы польского дворянства, в чем его поддерживал и Комитет западных губерний³. В начале 1834 г. дворянские собрания Виленской и Гродненской губерний и Белостокской области представили генерал-губернатору ходатайства о предоставлении им целого ряда различных «милостей» и льгот, по преимуществу хозяйственно-экономического характера, но отчасти и более существенных⁴. В их числе, например, виленское и гродненское дворянские собрания просили разрешить использовать польский язык в присутственных местах различных выборных учреждений — межевых судов, депутатских собраний, дворянских опеков и т.п. По их уверениям, польский язык был необходим «единственно в предмете точного исполнения всех повелений правительства»⁵. Как полагал генерал-губернатор, такое ходатайство не заслуживало «уважения» со стороны властей⁶. Также Долгоруков был против учреждения новых кафедр при виленских духовной и медико-хирургической академиях, а также в целом негативно относился к ходатайствам поляков об открытии в Литве новых высших учебных заведений. Он отмечал, что для дворянства западных губерний уже был учрежден университет в Киеве,

¹ Журналы КЗГ.Т. 1. С. 414–416 (заседание 9 октября 1833 г.); С. 503 (заседание 5 января 1834 г.).

² Там же. С. 672–673 (заседание 4 июля 1834 г.).

³ Там же С. 562–568 (заседание 5 мая 1834 г.).

⁴ Например, см. постановление Собрания дворянства Виленской губернии от 28 февраля 1834 г.: РГИА.Ф. 1284. Оп. 19. Отд. 2. Стол 1. Д. 81. Л. 15–20 об.

⁵ РГИА.Ф. 1284. Оп. 19. Отд. 2. Стол 1. Д. 81. Л. 16 об.

⁶ Там же. Л. 26 об.

поэтому «всякое новое домогательство по сему предмету неуместно и неприлично»¹.

При этом на генерал-губернатора большое впечатление произвело то, что внутри местного польского сообщества иногда поднимались отдельные голоса, противоречившие мнению подавляющего большинства и встававшие на точку зрения русского правительства. Так, свое особое мнение высказал тельшевский уездный предводитель дворянства К. Данилович², который, по словам Долгорукова, с большой твердостью «решился оспаривать в полном собрании многолюдного виленского дворянства единодушные предположения и домогательства оно́го». Генерал-губернатор особенно выделял мнение тельшевского предводителя об употреблении польского языка в публичной сфере, которое подкрепляло его собственные представления. Данилович, в частности, отмечал: «Хотя чувствую все затруднения от производства дел на российском языке, но сколько постановление [Виленского] собрания о[б] употреблении польского диалекта есть противное именному указу 9-го марта 1826 года и высочайше утвержденному мнению [Государственного] Совета 21-го декабря 1827 года и Манифесту 6-го октября 1831 года, объявившему, что время и высочайшие попечения истребят семена несогласий и возвращенные подданные будут лишь членами единого великого семейства, столько не могу согласиться на упомянутое положение собрания»³. Долгоруков признавал, что власти нуждались в посредниках, подобных Даниловичу, которые были способны сдерживать и умерять наиболее крайние требования поляков⁴.

Вместе с тем в распоряжении властей был достаточно ограниченный инструментарий для награждения «хороших поляков», и едва ли не главной возможностью их поощрения продолжало оставаться пожалование чинов. Например, в 1837 г. по представлению Долгорукова дворянин Виленской губернии С. Монтримович был награжден классным чином за проявленную им верность правительству во время мятежа 1831 г. Причем Коми-

¹ Журналы КЗГ.Т. 1. С. 563.

² РГИА.Ф. 1284. Оп. 19. Отд. 2. Стол 1. Д. 81. Л. 21–23.

³ Там же. Л. 21 об.

⁴ Там же. Л. 13–14.

тет западных губерний, считая пожалование Монтримовичу чина «справедливым», особо подчеркивал, что «за неимением сего звания по новейшим постановлениям о дворянских выборах он не может быть избираем ни в какую должность»¹.

В первые годы после подавления восстания 1830–1831 гг. важным рычагом влияния властей на состояние умов местного польского общества оказались не только карательные меры, но и различные акты помилования. Князь Долгоруков видел определенные возможности в таком «позитивном» воздействии, в том числе и для правильного «перевоспитания» потенциально лояльных. Так, в июле 1832 г. генерал-губернатор обращался в Санкт-Петербург, предлагая удовлетворять прошения о помиловании всех польских дворян и офицеров – уроженцев Западного края, бежавших после подавления восстания за границу, без предварительного следствия и постановления о степени вины каждого. Такой шаг, по его мнению, с одной стороны, мог бы способствовать скорейшему возвращению на родину менее виновных мятежников, а с другой, избавил бы местные власти от весьма обременительных следственных мероприятий. Как полагал генерал-губернатор, «сколько для местных властей затруднительно производить исследования по заочным прошениям» скрывавшихся за границей поляков, «столько же отяготительно и для губернских [следственных] комиссий рассматривать дела о сотнях отсутствующих мятежниках». Долгоруков считал, что в следственных комиссиях западных губерний достаточно было бы рассмотреть лишь «общий объем происшествий» во время восстания, поскольку «главнейшие из действующих лиц были бы легко отделены от толпы, более или менее увлеченной силой обстоятельств и духом времени». Однако Комитет западных губерний не поддержал аргументы генерал-губернатора².

В конце 1837 г. Долгоруков ходатайствовал о смягчении наказания для 11 уроженцев белорусско-литовских губерний, осужденных в 1833 г. за содействие польским эmissарам Шиманскому, Пищатовскому и др. В основном он просил о разрешении вернуться им на родину из ссылки в связи бедственным положени-

¹ Журналы КЗГ.Т. 2. С. 232.

² Журналы КЗГ.Т. 1. С. 272–274.

ем их родственников, проживавших в крае. Однако Комитет западных губерний отверг это предложение, полагая, что «расположение умов в возвращенном от Польши крае еще нельзя признать совершенно благонадежным», и опасаясь «возвращать вдруг столь значительное число лиц» и тем самым «подать повод к толкам о действиях правительства»¹.

Впрочем, в своих ходатайствах о поляках Долгоруков был очень умерен, в основном прося об оказании материальной помощи для лиц, действительно требовавших заботы – стариков, больных, бедных и т.п., а также для местных благотворительных заведений, оказавшихся в сложном положении после конфискации имений князя Евстафия Сапеги². Показательно, в частности, ходатайство генерал-губернатора в 1836 г. о прощении вдовы повстанца Пиотровской, которая в 1831 г. без паспорта выехала к мужу во Францию с малолетними детьми, а в 1835 г., по смерти мужа, вернулась на родину и, в итоге, была виновна в незаконной «отлучке за границу»³. При разрешении ряда конкретных дел, касавшихся имущественных претензий родственников повстанцев к казне после конфискации их имущества, Долгоруков прежде всего ориентировался на волю императора, апеллируя к его «монаршему милосердию»⁴.

Таким образом, в период управления князем Долгоруковым белорусско-литовскими губерниями, наряду с ликвидацией последствий восстания, были обозначены пути трансформации местного сословно-корпоративного устройства, направленные на борьбу с польским сепаратизмом и полноценное включение польского дворянства в общеимперскую элиту. Не являясь сторонником радикальных репрессивных мер в отношении бывших польских повстанцев, желая разрушить взаимное отчуждение между русскими и поляками, Долгоруков одновременно стремился воплотить в жизнь стратегию интеграции земель бывшей Речи Посполитой, намеченную императором Николаем I, которая основывалась на таких ключевых элементах, как, например, упрочение там обще-

¹ Журналы КЗГ.Т. 2. С. 258–259, 260–262, 411–412.

² Там же. С. 59, 104, 106, 113, 114, 152, 361, 390, 458.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 181, 364, 508–509.

российских институтов и побуждение местного польского дворянства к государственной службе в сочетании с постепенной русской колонизацией. Виленскому генерал-губернатору принадлежала инициативная роль в ряде начинаний по реорганизации различных сфер социально-экономической и общественной жизни вверенного ему управлению края, однако, в конечном итоге, ему не хватило воли и желания добиваться реализации своих программ.

Список литературы

1. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. – Москва : Объединенная редакция МВД России, 2003. – 480 с.
2. [Долгоруков Н.А., князь] Его Императорскому Величеству генерал-адъютанта князя Долгорукова всеподданнейшее донесение. [22 декабря 1832 г.] // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1864. – Кн. 1. – С. 175–197.
3. Киселев А.А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. – Минск : Военная академия Республики Беларусь, 2007. – 171 с.
4. Корф М.А. Записки. – Москва : Захаров, 2003. – 720 с. – (Биографии и мемуары).
5. Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 гг. – Санкт-Петербург : Тип. Тренке и Фюсно, 1906. – 720 с.
6. Ломачевский А.И. Записки жандарма: воспоминания с 1837-го по 1843-й год // Вестник Европы. – 1872. – № 3. – С. 244–288.
7. Луговцова С.Л. Кадровая политика российских властей на территории Беларуси после подавления восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. (Попытка сравнительного анализа) // Российские и славянские исследования : науч. сб. – Минск : БГУ, 2014. – Вып. 9. – С. 28–38.
8. Макарэвіч В.С. Разбор шляхты ў беларускіх губернях Расійскай імперыі (канец XVIII – XIX ст.). – Мінск : Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2018. – 315 с.
9. Мацузато Кимитака. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. ст. / под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. – Казань : Центр исследований национализма и империи, 2004. – С. 427–458.
10. [Миркович Ф.Я.] Из записок Ф.Я. Мирковича // Русский архив. – 1890. – № 3. – С. 395–434.
11. Муравьев М.Н. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. // Русская старина. – 1882. – № 11. – С. 387–432 ; № 12. – С. 623–644.
12. Неупокоев В.И. «Вольные» люди Литвы в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960 г. : мат-лы симпозиума /

- отв. ред. В.К. Яцунский. – Киев : Изд-во Академии наук УССР, 1960. – С. 390–402.
13. Неупокоев В.И. Крестьянский вопрос в Литве во второй трети XIX в. – Москва : Наука, 1976. – 311 с.
14. Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. – Санкт-Петербург : Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1884.
15. Пузыревский А.К. Польско-русская война 1831 г. – Санкт-Петербург : Тип. штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1886. – XIII, 446, ССХVII с.
16. [Семашко Иосиф, митр.] Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею наук по завещанию автора : в 3-х т. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии наук, 1883. – Т. 1. – VIII, 745 с.
17. Сушков Н.В. Князь Николай Андреевич Долгоруков и всеподданнейший отчет его по управлению вверенными ему Виленской и Гродненской губерниями и областью Белостоцкою // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1864. – Кн. 1. – С. 167–174.
18. Шандра В.С. Генерал-губернаторства в Україні: XIX – початок XX століття. – Київ : НАН України. Інститут історії України, 2005. – 427 с.
19. Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность : в 7-и т. – Санкт-Петербург : Тип. лит. Р. Голике, 1894. – Т. 4 : 1831 год. – [12], 240, 235 с.

БАБЕНКО О.В.* ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. В НОВЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. В обзоре представлены научные труды отечественных исследователей, охватывающие различные аспекты истории благотворительности и предпринимательства в России второй половины XIX – начала XX в. Помимо русского предпринимательства рассматривается деятельность в этой области российских евреев и иностранцев (датчан, норвежцев, финнов, шведов). Освещаются также региональные особенности становления и развития предпринимательства и благотворительности в России. Анализируется благотворительность как неотъемлемая часть предпринимательства, выделяются ее направления.

Ключевые слова: Россия второй половины XIX – начала XX в.; благотворительность; предпринимательство.

BABENKO O.V. Problems of the history of charity and entrepreneurship in Russia in the second half of the XIXth – early XXth cc. in new Russian studies

Abstract: The review presents the scientific works of Russian researchers covering various aspects of the history of charity and entrepreneurship in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. In addition to Russian entrepreneurship, the activities of Russian Jews and foreigners (Danes, Norse, Finns, Swedes) in this area are con-

* Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); o.v.babenko@mail.ru

sidered. Regional peculiarities of the formation and development of entrepreneurship and charity in Russia are also highlighted. Charity is analyzed as an integral part of entrepreneurship, its directions are highlighted.

Keywords: Russia in the second half of the XIXth – early XXth cc.; charity; entrepreneurship.

Для цитирования: Бабенко О.В. Проблемы истории благотворительности и предпринимательства в России второй половины XIX – начала XX в. в новых отечественных исследованиях. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 3. – С. 57–69. – DOI: 10.31249/hist/2023.04.04

Настоящий обзор посвящен тесно взаимосвязанным явлениям социально-экономической жизни пореформенной России – благотворительности и предпринимательству. В нем представлены научные труды отечественных исследователей по различным аспектам данной проблематики. Предпринимательство было важнейшей составляющей экономики капиталистической России. Благотворительная деятельность предпринимателей помогала решать задачи экономического роста и социальные проблемы, имела большое морально-нравственное значение. Изучение исторического опыта эффективного развития сферы малого и среднего предпринимательства как фактора развития и улучшения структуры экономики России способствует принятию надлежащих решений проблем современного российского предпринимательства и благотворительности.

В книге М.Л. Гавлина (ВНИИДАД, г. Москва) [2] рассматриваются источники и пути формирования крупных капиталов лиц еврейской национальности, проживавших в Москве во второй половине XIX – начале XX в., а также их благотворительная деятельность. Источниковую базу исследования составили неопубликованные архивные материалы (РГИА, ЦГАМ), мемуарные источники, справочники, письма, интервью и т.п.

Монография состоит из следующих частей: предисловия, пяти глав, главы «вместо заключения», списка литературы и источников. В предисловии автор подчеркивает, что история еврейского предпринимательства – это в первую очередь «вопрос о

больших деньгах, кредитах, государственных займах, который становился не однажды и темой большой политики» [2, с. 3]. Предпринимательство евреев в России – неотъемлемая часть общероссийского предпринимательства. Географические рамки исследования ограничиваются Москвой как крупным экономическим центром Российской империи, занимавшим исключительное положение в системе всероссийских экономических связей. Древняя столица России вобрала в себя все существенные особенности и противоречия торгово-промышленной жизни страны. «Крупнейшие предприятия с высокой концентрацией капитала соседствовали с массой полуремесленных предприятий и заведений; наличие отдельных передовых производств подчеркивало неразвитость торгово-промышленной структуры в целом», – констатирует Гавлин [2, с. 4].

Предметные рамки исследования охватывают гильдейское московское предпринимательство, находившееся под сословно-административным и податным контролем Московской купеческой управы и Московской казенной палаты. Автор обращает внимание читателей на один из главных источников формирования крупных капиталов евреев, о котором пишут лишь немногие исследователи, – на откупа [2, с. 8]. Одной из богатейших групп предпринимателей-евреев в России были откупщики, т.е. владельцы различных откупов (питейных, сбора таможенных пошлин, откупов аренд и доходов помещичьих имений и др.). Гавлин подчеркивает, что важнейшую роль на ранних этапах формирования еврейских капиталов сыграли «винные откупа, наряду с разного рода казенными подрядами и поставками...» [2, с. 9].

В середине XIX в. выходит ряд постановлений, способствовавших активизации торгово-промышленной деятельности еврейских предпринимателей. Так, 9 сентября 1848 г. был подписан указ, смягчивший ограничения в области передвижений для евреев-откупщиков. Согласно указу от 16 марта 1859 г., иностранным подданным еврейского происхождения (купцам, банкирам, главам торговых домов) было разрешено записываться в купечество 1-й гильдии и заниматься торгово-промышленной деятельностью в городах Российской империи. 4 января 1860 г. это положение было распространено на евреев Царства Польского, а 26 июля того же года введено в Закавказском крае. С 1863 г. евреи, наравне с рус-

скими купцами, обрели возможность получения потомственного почетного гражданства за многолетнее пребывание в 1-й и 2-й гильдиях. После смягчения ограничений, как отмечает Гавлин, «наблюдается активное переселение богатых купцов-евреев за пределы “Черты еврейской оседлости”» [2, с. 33].

В пореформенное время доля предпринимателей-евреев в составе гильдейской московской буржуазии росла быстрыми темпами: с 0,5% в середине 1860-х годов до 6,7% к концу века [2, с. 38]. По группе «местных» купцов и почетных граждан прирост был еще выше, а численность капиталов в ней возросла за указанный период в 94 раза [там же]. Автор анализирует также особенности расселения еврейских предпринимателей в Москве. Последние сначала селились в Зарядье, а позднее стали расселяться по всему городу. При этом банкиры, богатейшее купечество, промышленники и коммерсанты предпочитали следующие улицы: Тверскую, Мясницкую, Сретенку, Арбат и арбатские переулки. Мелкие торговцы и ремесленники жили в более удаленных районах: в Лефортово, на Якиманке, на Пятницкой и т.д. [2, с. 43].

Гавлин констатирует, что активизация предпринимателей-евреев, возрастание их роли в торговле и промышленности Москвы в конце XIX в. «обостряли конкуренцию, в некоторых случаях вызывая недовольство влиятельного старого московского купечества» [2, с. 54]. Жалобы русских купцов, наряду с ужесточением правительственной политики в отношении евреев, вызвали ряд ограничительных мер со стороны властей на ведение торгово-промышленной деятельности лицами еврейской национальности. В 1891–1892 гг. мелкие еврейские торговцы, мещане и ремесленники подверглись гонениям, которые, однако, не затронули крупных предпринимателей. Тем не менее, как полагает автор, «массовое изгнание евреев из Москвы самым серьезным отрицательным образом отразилось на развитии ее торговли и промышленности» [2, с. 55].

Следует отметить, что Гавлин первым рассматривает вопрос о благотворительности предпринимателей-евреев как самостоятельный. Он выяснил, что одной из приоритетных сфер благотворительности являлись пожертвования для организации «попечения о бедных» [2, с. 57]. Еще одной сферой были пожертвования на лечение и нужды душевнобольных. Существовали и другие

направления благотворительной деятельности: создание О.И. Левенштейном Арнольдовского училища для глухонемых (1860), помощь нуждающимся внутри московской еврейской общины и т.п.

Автор уделяет особое внимание деятельности целых династий еврейских предпринимателей и меценатов – Поляковых, Высоцких, Цетлиных, Гавронских, Гоцов, Фундаминских, Гиршманов, Малкиелей, Хишиных и Манасевичей. Так, например, Поляковы, которые именуются Гавлиным «московскими Ротшильдами», были самой известной еврейской предпринимательской династией. Лазарь, Самуил и Яков Поляковы в короткий срок создали целую финансово-промышленную империю, «включавшую многие железные дороги, банки, предприятия...» [2, с. 69]. Семейство Манасевичей тоже относилось к числу крупных династий предпринимателей. Они переселились в Москву в 1870-е годы, основали солидную фирму и часто появлялись в списках жертвователей на еврейские образовательные учреждения Москвы. Автор считает, что обращение к личностям крупных предпринимателей-евреев «ярко демонстрирует многообразие их усилий в различных областях коммерческой, общественной, культурной деятельности...» [2, с. 198].

В заключительной части книги Гавлин приходит к выводу о том, что еврейские предприниматели сыграли не последнюю роль в быстром промышленном развитии пореформенной России [2, с. 199]. Накопленный евреями капитал позволил учредить банки и акционерные общества, построить фабрики и железные дороги. Они же сыграли огромную роль в развитии внутренней и внешней торговли зерном, лесом и мануфактурными товарами. По данным переписи 1897 г., из занятых в торговле 618 926 человек 450 427 были евреями [2, с. 200]. На примере Москвы можно проследить разносторонние формы экономической деятельности еврейских предпринимателей. Автор отмечает также «определенную обособленность и отчужденность еврейского предпринимательства в происходившем процессе консолидации российского торгово-промышленного класса», конфессиональную замкнутость и семейственность в руководстве предприятиями, что было обусловлено особенностями политики российских властей в отношении евреев [2, с. 203].

Дополнением к монографии Гавлина служат исследовательские статьи. Так, в публикации Н.П. Баяндиной (Пермский государственный архив социально-политической истории, г. Пермь) [1], написанной на основе неопубликованных материалов РГИА и Госуд. архива Пермского края, освещаются условия становления купеческого предпринимательства на Урале. В уральском регионе в пореформенный период рождались и активно развивались новые отрасли промышленности, входящие в фабрично-заводскую перерабатывающую промышленность: кожевенная, салотопенная, мыловаренная, винокуренная, стекольная, бумажная и др. Как пишет автор, «именно в этих направлениях предпринимательской деятельности смогли реализовать свой потенциал представители купеческого сословия» [1, с. 4].

Разрешение на открытие промышленных предприятий выдавали губернские власти. Когда завод начинал работать, он попадал под целый ряд обременительных для мелкого и среднего предпринимательства налогов. Более того, местные власти ограничивали развитие промышленности в целях борьбы с загрязнением окружающей среды, появлением пришлого элемента в городах, с вырубкой леса и т.д. Регламентация, как утверждает Баяндина, «нередко принимала форму предъявления трудно выполнимых условий или даже прямого запрета» [там же].

Правом учреждать фабрично-заводские предприятия обладали лица, состоявшие в гильдиях и имевшие торговые гильдейские свидетельства. Над заведением устанавливался контроль фабричной инспекции, которая накладывала штрафы за нарушение «Устава о промышленности». В целях избежать обременительных налогов и штрафов купцы прибегали к разного рода ухищрениям, к примеру, «пытались скрыть действительное число рабочих на своем предприятии, чтобы выйти из-под фабричного надзора» [1, с. 5].

Во второй половине XIX в. развитие капиталистических отношений значительно ускорилось. По сравнению с 1860 г. к началу 1900-х годов число фабрик на Урале увеличилось в 4,7 раза, количество занятых в них рабочих – в 4,3 раза [1, с. 6]. Наибольшее количество купеческих фабрик и заводов возникло на Урале в 1880-е годы. Некоторые заведения были первыми в России по характеру отрасли: фосфорный завод Е.К. Тупицына в Перми, содовый завод И.И. Любимова в Березняках. В экономике края определяющим бы-

ло горнозаводское производство, в которое вкладывались основные капиталы.

Правительственная политика была направлена на поддержку монопольных объединений и крупнейших предприятий, в том числе горных заводов. Однако в области среднего и мелкого предпринимательства благоприятная политика не проводилась. Только к началу XX в. правительство «констатировало необходимость поощрения предпринимательской деятельности» [1, с. 7]. Тем не менее открытие купеческих заведений сопровождалось волокитой и было сопряжено с большими расходами.

Уральскому купечеству удалось создать многоотраслевые и многопрофильные фирмы, но в исторической памяти остались прежде всего его благотворительные дела. Так, на средства купцов финансировалось губернское попечительство детских приютов, общество Красного Креста, ведомства императрицы Марии и некоторые духовные учреждения. В 1878 г. при финансовой поддержке купца 1-й гильдии И. Любимова в Перми был построен каменный театр. Помощь оказывалась и учебным заведениям, а в 1916 г. при участии купечества и интеллигенции был открыт Пермский университет. Многие уральские купцы направляли значительные пожертвования на нужды церкви, поскольку купеческое сословие отличалось глубокой религиозностью. Баяндина заключает, что в пореформенной России купечество закладывало «фундамент будущего благосостояния России» [1, с. 11]. Но после революции новая власть сочла их своими врагами, и купцы оказались не у дел.

В статье В.Д. Горейковой и Л.М. Вотчель (Магнитогорский государственный технический университет им. Н.Г. Носова) [3] исследуются отдельные аспекты нравственно-мотивационного механизма благотворительной деятельности российского предпринимательства на примере филантропии уральского купца Алексея Семеновича Губкина (1816–1883), жителя г. Кунгура. Авторы осуществляют системный анализ истории его коммерческого успеха, выявляют истоки и причины благотворительной деятельности А.С. Губкина и ее роли в процессах становления предпринимательства России.

Семейное дело Губкиных было связано с кожаным производством, но после 1840 г., когда цены на кожаные изделия упали,

Алексей Семенович начал заниматься обменом мануфактурных товаров на чай в Китае. Побудительные мотивы благотворительности Губкина авторы видят в ранней смерти его жены и дочерей [3, с. 67]. Основными ее актами были устройство приюта для девочек-сирот (после 1870 г.) и создание технического училища (1877), здание которого обошлось предпринимателю более чем в 150 тыс. руб. Училище создавалось в целях содействия развитию технических знаний на Урале и в Сибири. Приют был также построен на деньги Алексея Семеновича, он занимался его материальной базой и выдвигал предложения по внутренним делам. Учреждение получило название «Елизаветинского дома призрения бедных детей в Кунгуре» и было принято под покровительство императрицы Марии Александровны, супруги Александра II. Горейкова и Вотчель приходят к выводу о том, что «благотворительная деятельность Алексея Семеновича Губкина носила искренний характер содействия развитию страны, добросовестной помощи детям, а также имела цель благоустройства родного города» [3, с. 69].

В исследовании И.В. Деминой (Государственный архив Пермского края, г. Пермь) [4] рассматривается деятельность видных представителей пермского купечества Павла Степановича и Дмитрия Степановича Жирновых. Автор изучила неопубликованные документы Государственного архива Пермского края, позволившие прояснить некоторые факты биографий этих купцов. Ей удалось выяснить, что П.С. Жирнов занимался торговлей лесом и дровами, а также пароходством, имел звание коммерции-советника. Д.С. Жирнов специализировался на сплаве леса на грузовых плотках по реке Чусовой, а позднее – на его продаже. Кроме того, он имел собственные изобретения: специальный «аппарат по связыванию мелкого подтоварного леса» и «особые цепи по укреплению лесной гавани и причалов» [4, с. 31].

Братья Жирновы были щедрыми благотворителями: в течение многих лет они помогали Белогорскому монастырю. П.С. Жирнов за свою благотворительную деятельность в 1901 г. был награжден большой серебряной медалью на Станиславской ленте (за пожертвования духовному ведомству Казанской епархии), а в 1906 г. – орденом Святой Анны 3-й степени. С 1910 по 1917 г. Жирновы состояли членами совета церковно-приходского попечительства при Пермской Рождество-Богородицкой церкви.

Другое направление их благотворительной деятельности – нужды образования. С 1900 г. П.С. Жирнов был попечителем Юго-Кнауфского мужского, Бымовского мужского и женского начальных училищ Осинского уезда. В 1904 г. он стал почетным смотрителем 1-го Пермского городского четырехклассного училища, а с декабря 1910 г. – почетным смотрителем Пермской женской учительской семинарии, был избран попечителем Пермского училища слепых. Более того, с 1908 по 1917 г. братья Жирновы состояли членами совета Пермского отделения попечительства императрицы Марии о слепых. Они регулярно помогали денежными средствами учебным заведениям Пермской губернии.

В статье И.И. Ковалевской (Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево) [6] рассматривается помощь Особого комитета Наследника Цесаревича (будущего императора Николая II) и Общества Красного Креста населению Поволжья во время эпидемии холеры и голода 1891–1892 гг. Исследование написано на основе официальных документов, неопубликованного дневника участника событий крестьянина Н.П. Молчанова, отечественных и зарубежных научных трудов.

В 1892 г. земские врачи установили, что холерные вибрионы зимуют в иле рукавов Волги под Астраханью. Считалось, что победить холеру можно путем введения карантина и устройства земских холерных барачков. В тот же период в Поволжье начался голод, который имел тяжелые последствия для сельского хозяйства: сократилось зерновое производство, количество крупного рогатого и рабочего скота (прежде всего, лошадей). С октября 1891 г. велась раздача хлеба от земства и от Общества Красного Креста, в селах стали устраивать бесплатные столовые. Одновременно развернул благотворительную деятельность Особый комитет Наследника Цесаревича. По его инициативе повсеместно открывались участковые комитеты и сельские попечительства, многочисленные бесплатные столовые для сирот и иногородних.

Общество Красного Креста осуществляло продовольственную помощь, закупку лошадей, корма для скота и земледельческих орудий. Ему удалось собрать 5 млн руб. в пользу голодающих. Кроме того, как пишет Ковалевская, «за счет частной благотворительности открывались столовые и питательные пункты (свыше 10 тыс.), пекарни (обслужившие в целом свыше 636 тыс. человек),

покупались лошади и корм – на этом поприще активно действовали В.И. Вернадский с сотрудниками и жертвователями, Л.Н. Толстой и др.» [6, с. 103].

В статье М.А. Рындач (Крымский федеральный университет им. В.Н. Вернадского, филиал в г. Ялте) [7] рассматривается предпринимательская деятельность генерала Александра Николаевича Витмера (1839–1916). Автор приводит также предысторию развития предпринимательства в Крыму с 1783 г. – времени присоединения Крыма к России.

Род Витмеров имел датские корни, а по матери Александр Николаевич происходил из русского дворянского рода Барановых. Ему удалось сделать блестящую военную карьеру в Петербурге, но вскоре в связи с ухудшением здоровья он вынужден был переехать в Крым, где поселился в Ялте. Здесь он практически с нуля начал свою предпринимательскую деятельность, в частности, скупал участки земли и ставил на них доходные дома. На рубеже XIX–XX вв. Витмер приобрел участки на Черноморском побережье и превратил их в курортную зону. Ему принадлежали гостиница «Ореанда», ресторан, купальни, ванны, почта и типография. Он имел также ряд особняков и некоторое время был хозяином гостиницы «Джалита». Кроме того, Витмер развернул предпринимательскую деятельность в Балаклаве, где владел поместьем «Благодать» с виноградниками, табачной плантацией, винодельческим хозяйством и лесными угодьями.

Предприниматель вел широкую и разностороннюю деятельность, что и подчеркивает автор статьи. В Севастополе он основал первый в России устричный завод, в Подгорно-Петровской волости Симферопольского уезда – завод буковой клепки для сибирского маслоделия и виноградных бочонков, который производил также липовую стружку для укладки крымских фруктов. Более того, Витмер являлся председателем правления Савинского юфтевого завода. Как заключает Рындач, он «был патриотом России, развивая южные территории, что способствовало популяризации Крыма не только как курорта, но и как новой территории для российского предпринимательства, активно развивая такие сферы бизнеса, как виноградарство, виноделие, сфера гостиничного бизнеса, устричное хозяйство и торговля» [7, с. 292].

Публикация Т.В. Киреевой (Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс, г. Козьмодемьянск, Республика Марий Эл) [5] посвящена нижегородскому лесопромышленнику, купцу 2-й гильдии Василию Ивановичу Шуртыгину (1855–1915), который, по мнению автора, принадлежал к «деловым и оборотистым предпринимателям» [5, с. 110]. Он был учредителем и главой «Товарищества лесопромышленности и торговли, устройства заводских предприятий и судоходства по рекам Волге, Каме, Ветлуге и их притокам и по Каспийскому морю Василия Ивановича Шуртыгина». Купец сплавливал лес по рекам, имел плавучую лесопилку и был изготовителем шпал, что особенно ценилось в период государственной политики строительства железных дорог. Кроме того, он держал собственный стекольный завод. Ему принадлежали также усадьба в деревне Кобылино Глуховской волости Макарьевского уезда Нижегородской губернии, дома в Козьмодемьянске. Конторы Шуртыгина были открыты в селе Воскресенском Нижегородской губернии и в городе Козьмодемьянске Казанской губернии.

Главное направление его благотворительной деятельности – помощь церкви. На средства купца и его родственников в 1862 г. в селе Глухово Макарьевского уезда Нижегородской губернии была построена деревянная церковь Космы и Дамиана. Василий Иванович состоял в ней церковным старостой и ежегодно жертвовал церкви большие денежные суммы. Умер Шуртыгин в 1915 г., поэтому не увидел ни конфискации накопленного имущества, ни национализации своих домов.

В статье В.В. Хуциевой и В.Д. Осиповой (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург) [8] на основе неопубликованных материалов из фондов РГИА, ЦГИА СПб и ЦГАКФФД анализируются организационные аспекты деятельности благотворительных обществ иностранных предпринимателей из Скандинавских стран в Петербурге конца XIX – начала XX в. Рассматриваются предпосылки и обстоятельства создания Скандинавского, Финского и Шведского благотворительных обществ, направления их деятельности и условия работы.

С середины XIX в. в России обнаруживается тенденция к созданию земляческих и религиозных (приходских) объединений иностранных предпринимателей. В то время частные формы бла-

готовительности стали уже привычными и начали получать распространение «коллективные формы помощи с привлечением средств и энергии родственников, земляков и компаньонов» [8, с. 91]. Во второй половине XIX в. в Петербурге действовали Германское, Великобританское, Французское, Швейцарское, Итальянское, Австро-Венгерское, Чешское и Скандинавское благотворительные общества. В последнем состояли шведы, финны, норвежцы и датчане. В это время деятельность иностранных предпринимателей в Петербурге расширялась, им приходилось устанавливать деловые отношения с поставщиками и потребителями, наемными работниками и партнерами. Иностранцы понимали, что их дальнейший успех зависел от прочных связей с общественными кругами города, от их благотворительной деятельности. В середине XIX в. традиции иностранной благотворительности были заложены усилиями Ф.Ф. Сан-Галли и развивались семейством Нобелей. А созданное в 1877 г. Скандинавское благотворительное общество способствовало открытию приюта для престарелых женщин, оказывало финансовую помощь частным лицам, учредило Народный дом и школу для детей рабочих. Общество было ориентировано на помощь всей северной общине Петербурга. Однако к 1910-м годам единство внутри него «было уже практически полностью утрачено, что и привело к его расколу» [8, с. 94].

Шведское и Финское благотворительные общества кардинально отличались от Скандинавского. Так, учрежденное в 1882 г. Финское общество оказывало поддержку только финнам низших сословий. А созданное в 1910 г. Шведское благотворительное общество и вовсе было основано на принципе «шведскости», постоянно подчеркивало свою национальную идентичность. При нем действовала женская организация «Муравейник», осуществлявшая материальную поддержку оказавшимся в России неимущим шведам.

Авторы делают вывод о тесной связи между социальными мерами, предпринимавшимися благотворительными обществами, и необходимостью поддержки корпоративных и земляческих интересов в условиях социально-экономических и политических изменений в России на рубеже XIX–XX вв. Они констатируют, что в Петербурге начала XX в. «менялся климат, деловой и общественный: складывалась новая социокультурная и хозяйственная среда,

в которой открывались новые возможности для благотворительной инициативы» [8, с. 97].

Список литературы

1. Баяндина Н.П. Условия становления купеческого предпринимательства на Урале // Благотворительность и меценатство в Пермском крае: исторический опыт и современные тенденции : сб. ст. / науч. ред. О.В. Игнатьева, М.А. Калинин. – Добрянка, 2019. – С. 3–11.
2. Гавлин М.Л. Еврейское предпринимательство, благотворительность и меценатство в Москве. Вторая половина XIX – начало XX в. – Москва : Маска, 2023. – 210 с.
3. Горейкова В.Д., Вотчель Л.М. Благотворительная деятельность уральских предпринимателей дореволюционной России: Алексей Семенович Губкин // Корпоративная экономика. – 2021. – № 4 (28). – С. 65–70.
4. Демина И.В. История семьи Жирновых: архивные документы свидетельствуют // Благотворительность и меценатство в Пермском крае: исторический опыт и современные тенденции : сб. ст. / науч. ред. О.В. Игнатьева, М.А. Калинин. – Добрянка, 2019. – С. 26–32.
5. Киреева Т.В. Предпринимательство и благотворительность поволжского лесопромышленника В.И. Шуртыгина // Чуваший национальный музей: люди, события, факты. – 2021. – № 16. – С. 109–113.
6. Ковалевская И.И. Благотворительная деятельность Особого комитета наследника цесаревича и Красного Креста в Поволжье во время эпидемии холеры и голода 1891–1892 гг. // Российские предприниматели – благотворители и меценаты : сборник материалов III Всероссийских морозовских чтений. – Орехово-Зуево : Гос. гум.-техн. университет, 2020. – С. 99–103.
7. Рындач М.А. Вклад А.Н. Витмера в развитие предпринимательства в сфере винного бизнеса в Крыму // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – Т. 11, № 2–1. – С. 289–294.
8. Хуциева В.В., Осипова В.Д. Направления, механизмы и традиции деятельности Скандинавского, Финского и Шведского благотворительных обществ в Петербурге на рубеже XIX–XX вв. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. – 2020. – № 20–2. – С. 88–99.

УДК 322; 303.446.4

DOI: 10.31249/hist/2023.04.05

АПАНАСЕНОК А.В.* ФЕНОМЕН СОВЕТСКОГО АТЕИЗМА
КАК ПРЕДМЕТ ОСМЫСЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ АНГЛОЯЗЫЧ-
НОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА
XXI в.

Аннотация. В статье обсуждаются особенности осмысления проблемы советского атеизма западными англоязычными исследователями с 1950-х годов до наших дней. Рассматривая эволюцию западной историографии, автор обращает внимание на постепенное смещение фокуса ее внимания с разрушительных свойств советского «безбожия» на его «конструктивный», социально-преобразующий потенциал. В статье исследуются подходы, в рамках которых советский атеизм изучался как «идеология насилия», идейная основа культурной революции, вариант секуляризма и специфический политико-идеологический проект.

Ключевые слова: СССР; атеизм; Союз воинствующих безбожников; секуляризация; антирелигиозная пропаганда.

APANASENOK A.V. The phenomenon of soviet atheism as a subject of comprehension in western english-language historiography of the second half of The XX – beginning of the XXI c.

Abstract. The paper discusses the peculiarities of understanding the problem of Soviet atheism by Western English-speaking researchers from the 1950 s to the present day. Considering the evolution of Western historiography, the author draws attention to the gradual shift of its focus from the destructive properties of Soviet “godlessness” to its

* Апанасенок Александр Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН; apanasenok@yandex.ru

“constructive”, socially transformative potential. The paper explores the approaches in which Soviet atheism was studied as an “ideology of violence”, the ideological basis of the cultural revolution, a variant of secularism and a specific political and ideological project.

Keywords: USSR; atheism; League of Militant Atheists; secularization; anti-religious propaganda.

Для цитирования: Апанасенок А.В. Феномен советского атеизма как предмет осмысления в западной англоязычной историографии второй половины XX – начала XXI в. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 4. – С. 70–88. – DOI: 10.31249/hist/2023.04.05

Введение

На протяжении всего периода существования советской цивилизации ее восприятие на Западе было неразрывно связано с понятием атеизма. Это обстоятельство было достаточно закономерным. Во-первых, отношение к религии как «опиуму» и / или пережитку последовательно декларировалось партией, пришедшей в 1917 г. к власти в России, а также постоянно подтверждалось ее практическими действиями. При этом попытка первых большевиков решительно порвать с традиционным мировоззрением и укладом жизни, основанным на религиозных ценностях, привела к тому, что уже с первых лет существования Советской республики многие противники новой власти не только внутри страны, но и за ее пределами фактически стали ставить знак равенства между коммунизмом и «безбожием». Во-вторых, в течение нескольких десятилетий антирелигиозная политика созданного в 1922 г. СССР в значительной степени формировала его образ на международной арене, давая, в том числе, геополитическим противникам аргументы для борьбы с советским влиянием в мире. Яркие примеры – выход знаменитой энциклики папы Пия XI в 1937 г., осуждавшей «атеистический коммунизм», призывы к «крестовым походам» против советского «безбожия», звучавшие в среде западноевропейского и американского сообществ в эпоху холодной войны [подробнее см.: 12; 25]. Соответствующая риторика свидетельствовала, что атеизм на Западе часто воспринимался не просто как

один из компонентов коммунистической идеологии, а как ее существенное ядро. В таких условиях вполне закономерным оказался и научный интерес западных исследователей к феномену «безбожия» в СССР: он стал особенно заметен в послевоенный период, во время роста популярности Soviet Studies.

Единого подхода относительно того, как изучать советский атеизм в западном научном сообществе не сформировалось, что оказалось связано не только с идейным плюрализмом и многообразием методологических подходов, но и отсутствием единства в определении самого понятия. Под атеизмом может пониматься как религиозное свободомыслие, так и религиозный агностицизм, часто он трактуется и в широком смысле – как отрицание сверхъестественного вообще. Кроме того, не исчез из литературы и сформировавшийся в Западной Европе еще в XVI в. взгляд на атеизм как «безбожие» с отрицательными коннотациями (согласно этому взгляду, атеист – это не просто нерелигиозный, но и безнравственный, агрессивный человек, не уважающий традиционных и значимых для общества устоев) [3]. Несмотря на свой архаизм, последний подход оказал заметное влияние на авторов, изучавших антирелигиозные кампании, а также репрессивные практики советского государства в отношении церкви и верующих.

Труды об атеизме как советской идеологии и практике, написанные западными исследователями на английском языке в течение второй половины XX и двух первых десятилетий XXI в. с разных концептуальных позиций, в целом составляют довольно значительный массив. Их содержание и выводы, несомненно, представляют интерес для отечественного исследователя, давая возможность расширить собственные методологические рамки изучения социально-политических и культурных процессов в СССР, а также посмотреть на последние «глазами извне». В данной статье автор ставит своей целью дать общий обзор англоязычной западной историографии советского атеизма. При этом представляется целесообразным рассмотреть ее эволюцию и охарактеризовать основные исследовательские подходы, сложившиеся в процессе этой эволюции.

История атеизма в СССР как история о насилии

Исторически первым из сложившихся на Западе подходов оказался тот, который акцентировал внимание на «агрессивной» природе атеизма в СССР. Согласно ему, советский атеизм – это не просто мировоззренческая установка и часть идеологии, но еще и инструмент борьбы с теми явлениями и людьми, которые духовно не вписались в предложенную большевиками картину будущего мира. Атеизм предстает как существенная (а то и базовая) часть тоталитарной «политической религии», стремящейся заменить традиционные ценности своими собственными, а потому не терпящей идейной конкуренции. Австро-американский историк культуры Р. Фюлеп-Миллер, путешествовавший по довоенному СССР, а затем написавший книгу о духовной жизни первой страны Советов, утверждал, что ярко выраженная враждебность большевизма по отношению к религии является доказательством стремления коммунистической партии занять место церкви. Именно в силу ожесточенной большевистской борьбы с традиционными конфессиональными ценностями, говорил Фюлеп-Миллер, можно «с наибольшей ясностью увидеть религиозный характер большевизма» [22]. На полурелигиозное (или милленаристское) сознание отечественных идеологов коммунизма обращали внимание и представители русской религиозной философии, в 1920-е годы оказавшиеся в эмиграции. Самый влиятельный из них, Н. Бердяев, в своем знаменитом труде «Истоки и смысл русского коммунизма» еще до Фюлеп-Миллера указал, что воинствующий атеизм и «непримиримо враждебное отношение» к религии в СССР были закономерными явлениями, поскольку коммунистическая идеология претендует на то, чтобы дать «ответы на религиозные запросы человеческой души» [7, р. 158].

Такого рода идеи сформировали в западной интеллектуальной среде дискурс, в соответствии с которым коммунистическая идеология не просто чужда религии, а является ее непримиримым (и ожесточенным) врагом. Не удивительно, что в послевоенный период для большинства авторов главным содержанием истории советского атеизма стала история насилия над отдельными верующими и церковью вообще. Безусловно, фактов для подготовки трудов соответствующей направленности хватало: первые десяти-

летия советской эпохи, как известно, озаменовались массовым закрытием приходов, преследованиями священнослужителей и принудительным свертыванием публичных конфессиональных практик; притеснения верующих (хотя и в меньшем масштабе) имели место и в послевоенном СССР. Характерным примером изучения советского атеизма через призму истории гонений стали книги британского исследователя Майкла Бурдо. Дважды побывав в СССР во время хрущёвской антирелигиозной кампании 1958–1964 гг., он по «горячим следам» подготовил и издал книгу «Опиум народа: христианская религия в СССР», в которой описал страну, где граждане вынуждены «тайно молиться о свержении безбожной системы» [9]. Спустя десять лет тот же автор написал труд «Патриарх и пророки...» с обновленными данными о преследованиях верующих в Советском Союзе [10]. О тяжелом положении религиозных советских граждан как следствии атеистического курса власти писали известный британский советолог Вальтер Коларц [33], а также канадский историк украинского происхождения Богдан Боцюрков [8; 45]. Подборку сюжетов о репрессиях атеистически ориентированной власти против верующих незадолго до тысячелетия Крещения Руси подготовил американский исследователь Джон Андерсон [4]. В наибольшей же степени подход к атеизму как идеологии и практике насилия проявил себя в трехтомнике знаменитого канадского ученого с русскими корнями Дмитрия Поспеловского с общим названием «История советского атеизма. Теория, практика и верующие», изданном в 1987–1988 гг. Находясь под влиянием так называемой «тоталитарной школы», Поспеловский представил духовную историю СССР как процесс наступления «преступного» государства на естественные права верующих с целью установления полного контроля над их жизнью. В первом томе своего исследования он изложил основы «марксистско-ленинского» атеизма и показал особенности антирелигиозной работы в СССР [41]. Во втором томе им были рассмотрены крупнейшие антирелигиозные кампании советской власти [42]; в третьем – проблема формирования атеистического дискурса в научной и околонучной среде СССР, а также реакция на атеизм со стороны притесняемых верующих [43].

С крушением советской системы тема насилия по отношению к верующим стала постепенно терять популярность на Западе

(в отличие от России, где она оказалась в ряду «свежих»). Среди англоязычных публикаций конца XX – начала XXI в., разумеется, можно найти работы, посвященные репрессивным практикам советской власти в религиозной среде, однако проблема противостояния власти, стремящейся к тотальному контролю над душами, с одной стороны, и граждан – с другой, выражена в них менее категорично [см., напр.: 19; 47].

Конечно, подавляющее большинство тех, кто описывал историю советского атеизма как историю насилия, в целом весьма скептически оценивали советскую цивилизацию. Пожалуй, единственным исключением здесь является изданный еще в 1953 г. труд американского историка Джона Кертиса о взаимоотношениях государства и церкви в СССР. Будучи представителем «левой» интеллигенции, автор взял за основу своей книги тезис о «контрреволюционной» деятельности церковных кругов. Опираясь на материалы советской периодики, а также некоторые другие опубликованные источники, Кертис обосновал закономерность атеистического движения (включая его «воинствующие» варианты) как необходимой реакции защитников «нового мира» на противодействие реакционных сил [14].

Учитывая ту большую роль, которую играли репрессивные практики во взаимодействии государства и его верующих граждан в советский (и особенно довоенный) период, нельзя не признать важность охарактеризованных выше исследований. Они дают масштабную картину разрушительных свойств советского атеизма, однако эта картина выглядит однобокой. Нельзя не признавать, что атеизм, как и советская идеология в целом, претендовал на обладание «созидательным» потенциалом, отвечал запросам какой-то части общества и при этом в чем-то вписывался в логику самой истории (именно за счет этого советский проект оказался достаточно длительным). На «созидательные», продуктивные свойства атеизма в СССР обратили внимание представители других направлений западной историографии.

Основа культурной революции или разновидность секуляризма?

К середине 1970-х годов стало более-менее очевидно, что советский строй существует слишком долго для системы, которая

держится преимущественно на насилии. Советский Союз стал самобытной цивилизацией и даже сверхдержавой (по крайней мере, в некоторых отношениях), масштабы преследований несогласных по сравнению со сталинским периодом здесь резко снизились. Эти обстоятельства заставили некоторых исследователей пристальнее рассмотреть позитивные (с исторической точки зрения) аспекты советской идеологии. Таковыми могли быть либо ее «вдохновляющий потенциал», либо существенное соответствие объективным потребностям общественного развития.

В 1975 г. британский историк Дэвид Пауэлл опубликовал в Кембридже книгу «Антирелигиозная пропаганда в Советском Союзе: исследование в области массового убеждения», в которой сделал акцент на беспрецедентной работе с массовым сознанием, которую провели представители советской власти. В книге показано, что большевики и их преемники – представители КПСС – предложили обществу идею тотального обновления и в том числе культурной революции. Если «старый мир» полагался на ценности религии, то новый, лучший мир должен был отвергнуть последнюю как пережиток. Увязывая борьбу с религией и наступление «светлого» будущего, большевики далеко не всегда нуждались в насилии: их атеизм выглядел для части населения жизнеутверждающим. Пауэлл признает, что коммунистические идеи являются утопией, в исторической перспективе атеистическая пропаганда не имеет шансов полностью уничтожить традиционное мировоззрение (он часто сравнивает конфессиональную культуру с улиткой, которая при стуке по панцирю не умирает, а просто прячется глубже), однако на определенном хронологическом отрезке она несет в себе довольно сильный энергетический заряд [44].

Через восемь лет американский религиовед Джеймс Фровер представил научному сообществу свою книгу о распространении в СССР атеистического мировоззрения [54]. Так же, как и Пауэлл, он видел в атеизме движущую силу культурной революции. При этом Фровер доказывал, что атеизм был не просто отрицанием религии, а набором идей позитивного содержания. По мнению автора, эти идеи были утопическими, однако данное обстоятельство не лишало их социальной значимости: на первых порах своего существования утопия, как правило, выглядит весьма привлекательно и может определять существенные культурные сдвиги.

Идею об атеизме как ядре культурной революции в раннесоветский период развивали американские историки Ричард Стайтс и Глен Янг. Первый, будучи специалистом в области русской культуры XIX – начала XX в., рассмотрел атеизм как средство воплощения «революционных мечтаний» о человеке нового типа, вызревавших в поздней Российской империи [51]. Вторая, занимаясь исследованием особенностей распространения коммунистической идеологии в 1920–1930-е годы, представила на суд читателей книгу об атеистической пропаганде в контексте культурной трансформации советского села [57]. Тому же периоду оказались посвящены и монографии известного финского историка и социолога Арто Луукканена, вышедшие в 1990-е годы. В них он последовательно анализирует методы атеистической работы в советском государстве в 1917–1929 и 1929–1938 гг., представляя «безбожие» как важнейший инструмент отмежевания новой культуры от «старых порядков» [36; 37]. Все три исследователя констатировали генетические предпосылки развития атеистического движения в СССР и вытекавшие из этих предпосылок ограниченные успехи, но в то же время указывали на утопичность надежд большевиков относительно коренного преобразования социокультурной реальности.

Проблемы атеизма как инструмента и результата культурной трансформации в Советском Союзе в конце XX – начале XXI в. касались и специалисты в области истории повседневности сталинской эпохи: исследователи из США Стивен Коткин [34], Уильям Хасбенд [29] и Йохен Хелльбек [2], а также историк из Израиля Игол Халфин [24]. Основным вопросом для них стала степень проникновения атеистических убеждений в духовный мир «обычных» советских граждан из разных социальных слоев и регионов, а основные выводы оказались связаны с явной ограниченностью успехов государства и партии в деле влияния на души советских граждан.

Изучение западными авторами советского атеизма в контексте исследования истории «коммунистической утопии» естественным образом приводило их к рассмотрению организаций и кадров, выступавших проводниками атеистических идей – коммунистической партии, комсомола, Союза воинствующих безбожников (СВБ) [см., напр.: 39; 55]. О последней из названных организаций

американским историком Даниэлом Перисом была написана солидная монография [40]. Этот исследователь серьезно обогатил сложившиеся к концу XX в. представления об атеизме в довоенном СССР, рассмотрев этот феномен и как теорию, и как практику на общесоюзном и региональном уровнях. В своем труде Перис последовательно характеризует партийно-государственные представления о целях культурного преобразования масс после революции 1917 г.; анализирует специфику антирелигиозной пропаганды начала 1920-х годов и одновременно – факторы, которые обусловили создание Союза; исследует содержание печатных изданий этой организации с целью разобраться, каким образом «безбожники» понимали атеизм. Далее он обращается к обстоятельствам создания и развития местных отделений СВБ, характеризует методы их работы в контексте общегосударственной политики, исследует вопросы кадрового обеспечения СВБ. Заключительная глава книги посвящена «закату» Союза, который связывается автором с изначальной ограниченностью в понимании феноменов религии и атеизма (религия для СВБ – это священники и церкви; атеизм – борьба с их влиянием; кризис организованной церковной жизни в середине 1930-х годов сделал СВБ практически ненужным при такой постановке вопроса). В ходе исследования американский историк делает достаточно оригинальные выводы. Например, он говорит о том, что атеизм в исполнении «воинствующих безбожников» страдал от «прохладного» отношения и даже враждебности со стороны комсомола, профсоюзов, образовательных учреждений [40, р. 9], что стало важным доказательством изначальной нереалистичности планов революционного изменения картины мира советских граждан.

Очевидно, что авторы, исследовавшие историю советского атеизма в контексте большевистского утопизма, так или иначе испытали на себе влияние «культурного поворота» в гуманитарной науке второй половины XX в. Это обстоятельство определило их повышенный интерес к проблемам сознания и жизненного мира «обычного» человека, который, в свою очередь, позволил обстоятельно реконструировать духовный ландшафт довоенного периода в жизни СССР. В то же время история атеизма в послевоенный период оказалась изучена ими довольно слабо: имеющиеся статьи чаще всего ограничиваются анализом хрущёвских антирелигиоз-

ных кампаний [см., напр.: 23; 38]. При этом анализ коммунистического утопизма эпохи «развитого социализма» оказался связан уже не столько с атеизмом, сколько со сциентизмом советской власти [см., напр.: 5; 15; 18; 21; 52].

В более широкой хронологической перспективе советский атеизм изучался теми исследователями, которые попытались увидеть в нем разновидность секуляризма. Эта идея стала популярна в начале 1990-х годов [46] и, судя по времени выхода соответствующих публикаций, осталась таковой и в первые десятилетия XXI в. Чаще всего секуляризм трактуется как политика, ориентированная на максимально рациональное (а значит – эффективное) управление обществом и воспитание рационально мыслящих / действующих граждан. Религия в государстве, ориентированном на секуляризм, рассматривается как нечто иррациональное и архаичное, а потому подлежащее вытеснению из публичной сферы в частную жизнь [13; 48; 53]. Такое государство по мере своей модернизации ограничивает проявления религии в тех или иных сферах и фактически определяет желательный уровень внешней религиозности населения [55], примеры чего можно найти не только в Европе, но и в Америке и Азии [56]. Как пишет представительница данного направления Кэтрин Уоннер, «именно потребности управления жизнью общества, изменяющиеся с ходом истории, провоцируют взлеты и падения интенсивности религиозных чувств и изменяют понимание того, что представляет собой вера и соответствующая практика» [50].

Советские реалии через призму охарактеризованной концепции стали изучаться недавно: наиболее значимые работы вышли во втором десятилетии XXI в. Кроме монографии уже упомянутой К. Уоннер тут необходимо вспомнить работы еще нескольких американских специалистов: труд Дэвида Хоффмана о «сталинских» ценностях как своеобразной вариации культуры модерна [26], книгу американского антрополога и религиоведа Сони Люрман [35], посвященную проблемам «светскости в советском стиле», а также исследование еще одного антрополога – Катрионы Келли. Последняя, опираясь на историю храмов Петрограда-Ленинграда в 1918–1988 гг., обстоятельно рассмотрела атеистическую риторику и государственные меры регулирования публичной конфессиональной жизни на протяжении семи десятилетий, назвав

соответствующую политику «радикальным секуляризмом» [31]. Разумеется, историография советского атеизма как разновидности секуляризма не исчерпывается указанными монографическими исследованиями: на эту тему имеется ряд статей [см, напр.: 6; 27].

Сторонников теории секуляризма с приверженцами концепции «культурной революции» сближает стремление увидеть «созидательный», конструктивный потенциал советского атеизма, который на определенных этапах оказывался востребован если не обществом в целом, то, по крайней мере, определенными институтами и социальными группами. Представители обеих историографических волн сосредотачивают свое внимание не на государственном насилии в отношении верующих (хотя, конечно, признают его), а на институтах идеологического производства, а также механизмах тиражирования атеистических установок. С другой стороны, очевидна и разница между указанными подходами: если для исследователей, писавших о «безбожии» как основе большевистской утопии, советский атеизм был явлением уникальным, неразрывно связанным с коммунистической идеологией, то для «секуляристов» это один из вариантов модернизации общества, процесса объективного, затронувшего в XIX–XX вв. значительную часть человечества. Уникальность советского атеизма в их глазах связана лишь с методами его насаждения, а не с идейным содержанием. Вполне закономерно, что авторы трудов про secularism / secularization изучают советский проект не изолированно, а в сравнительной перспективе, соотнося советский опыт с различными вариантами секулярности – французским, английским, турецким и даже индийским.

Отказ части западных исследователей в конце XX – первые десятилетия XXI в. рассматривать феномен советского атеизма преимущественно в категориях гонения / подавление в целом дал неплохие научные результаты. Где-то они оказались связаны с глубоким изучением особенностей духовной жизни советских граждан, где-то – с удачным сопоставлением социокультурных процессов в СССР и других странах. Кроме того, научному сообществу удалось в значительной степени отойти от образа СССР как «империи зла», вольно или невольно сформированном представителями «тоталитарной школы». В то же время появление двух новых историографических волн еще далеко не закрывало

всех вопросов, связанных с осмыслением официального «безбожия» в стране Советов. Исследование атеизма как основы коммунистической утопии было удобно лишь применительно к периоду 1920–1930-х годов, представление его как варианта секуляризма нередко оказывалось сопряжено с необходимостью подгонять разнообразные факты под общую теорию модернизации / секуляризации общества, жертвовать своеобразием советских процессов. Не удивительно, что в конце XX – начале XXI в. в западной историографии появилось еще одно направление, связанное с рассмотрением советского атеизма как идеологического и политического феномена одновременно.

Советский атеизм как политико-идеологический проект

Формирование данного направления оказалось связано с мыслью о том, что советский атеизм нельзя охарактеризовать как явление, обладающее стабильными идейными и институциональными характеристиками. Советское «безбожие» менялось, с точки зрения своих социальных проекций ситуативно выступая и как оправдание насилия, и как элемент культурной революции, и как движущая сила секуляризма. Постоянным в нем было только то, что оно воплощало в себе политический «заказ» власти, нуждавшейся в сохранении легитимности. «Заказ», в зависимости от исторической обстановки, корректировался, поэтому менялись (порой очень серьезно) теория и практика атеизма. Таким образом, появилась идея рассматривать «безбожие» не просто как идеологический, но как политико-идеологический проект, реализация которого была связана с борьбой за власть и с удержанием власти.

Мысли, примерно соответствующие такому подходу, периодически высказывались в последней трети XX – начале XXI в. Например, американский профессор Джоан Делани в 1971 г. опубликовала объемную статью о происхождении первых советских антирелигиозных организаций, в которой утверждала, что идейная повестка последних формировалась под влиянием внутрипартийной борьбы и одновременно выступала одним из средств этой борьбы [17]. Впрочем, будучи прежде всего специалистом по русской культуре, а не политике, Делани не стала рассматривать политически обусловленные деформации советского атеизма в ши-

рокой хронологической перспективе. В 1985 г. ее мысль поддержал американский историк венгерского происхождения Питер Кенез. В объемной монографии, посвященной развитию советской пропаганды в 1917–1929 гг., он неоднократно подчеркивает зависимость содержания атеистических лозунгов (как и атеистического дискурса в целом) от конкретных потребностей советской власти, в разных ситуациях для сохранения легитимности стремившейся продемонстрировать свою «прогрессивность», приверженность идеалам «нового мира», жесткость, решительность или терпимость к человеческим слабостям [32]. Анализировать историю советской пропаганды (в том числе атеистической) продолжил еще один исследователь из США – Давид Бранденбергер. В книге о периоде 1927–1929 гг. (впоследствии переведенной на русский язык под названием «Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941») он показал, что кризисные явления в политической и идеологической сфере не раз заставляли партийное руководство менять содержание атеистической риторики, при этом используя антирелигиозную пропаганду то как инструмент воспитания советского человека, то как средство для легитимации насилия [11]. На зависимость содержания атеистической пропаганды от политических дискурсов в послевоенном СССР в своих работах обратили внимание финский религиовед Киммо Каарияйнен [30], британский антрополог Кэролин Хамфри [28], а также американский советолог Майкл Дэвид-Фокс [16].

Однако всерьез о появлении нового самостоятельного подхода к изучению советского атеизма стало возможно говорить после выхода в 2018 г. труда «Свято место пусто не бывает. К истории советского атеизма», подготовленного сотрудницей департамента исследований России, Восточной Европы и евроазиатского региона Уэслианского университета (США) Викторией Смолкин [49]. В 2021 г. книга была переведена на русский язык [1]. Без сомнения, она может быть названа одним из самых фундаментальных трудов не только в области советского «безбожия», но и советской идеологии в целом. С одной стороны, эту фундаментальность характеризуют формальные характеристики: книга весьма объемна (552 страницы в русском переводе), автор рассматривает историю советского атеизма на протяжении всего периода существования

советской цивилизации, анализу при этом подвергся широчайший круг источников: архивные документы, периодика, мемуары, материалы взятых автором интервью. С другой стороны, учитывая исследовательский опыт предшественников, Смолкин создает достаточно стройную концепцию истории атеистического проекта как теории и практики.

Как заявляет автор, ее книга – это труд об идеологии на службе политики [1, с. 16]. Атеизм для нее – конструктивный, а возможно, и центральный элемент официальной советской картины мира, его существование в СССР – процесс поиска правящей партией путей «к сознанию, сердцам и душам» граждан в целях обеспечения своей легитимности [1, с. 69]. В раннесоветский период атеизм был предложен массам как идеология отрицания религии и «старого мира» в целом. В таком качестве он «расчищал дорогу» культурным новшествам и легитимизировал насилие в отношении верующих, а также церкви как института, политическая лояльность которого вызывала большие сомнения. В позднесталинский и особенно хрущёвский периоды миссия «идеологии безбожия» меняется: церковь перестает быть политической проблемой для власти, подавляющее большинство верующих лояльны, однако необходимость строительства коммунизма требует воспитания людей, которые мыслят по-коммунистически. Атеизм становится «научным» и стремится превратиться в систему позитивных убеждений, дать ответы на вопросы, которые традиционно относились к «компетенции» религии: о закономерностях исторического процесса, справедливости, смысле жизни, проблеме смерти (отсюда и название книги – «Свято место пусто не бывает...»). Однако, смещение задач из сферы политики в сферу идеологии не дает решающего импульса для победы «нового» над «старым». Оказывается, что победа «советского образа жизни» требует новой эстетики и норм быта, не обусловленных религиозной традицией. Как следствие, в позднесоветский (прежде всего брежневский) период атеизм становится еще и полем борьбы «за души» в условиях повседневной жизни, пытаясь повлиять на искусство, предложить советские «обряды», сопровождающие все важные моменты жизни человека с рождения и до смерти. Впрочем, эту борьбу он проигрывает, а потому оказывается отброшен во второй половине 1980-х годов коммунистической партией как не оправдавший надежд ин-

струмент укрепления влияния КПСС [1, с. 501]. Таким образом, история советского атеизма у Виктории Смолкин – это история того, как грубое отрицание религии под влиянием текущих политических задач КПСС постепенно превращалось в новую коммунистическую веру, располагавшую собственной космологией, этикой и эстетикой.

Заключение

Итак, англоязычная историография советского атеизма предлагает ряд интересных подходов и концепций, с разных точек зрения объясняющих природу и особенности развития этого феномена. Исторически первым оказался подход, связанный с преимущественным изучением атеизма как оправдания насилия против церкви и верующих. Он преобладал в западном историографическом поле как минимум до последнего десятилетия XX в. Представители этого подхода скрупулезно проанализировали разрушительные последствия распространения «идеологии безбожия», внеся свою лепту в формирование представления о СССР как «империи зла». Впрочем, будучи рассматриваемым в контексте перманентных притеснений и отдельных антирелигиозных кампаний, советский атеизм долгое время не проблематизировался в своей специфичности. Взгляд на него как «идеологию насилия» (наиболее выраженный у представителей «тоталитарной школы») смещал фокус исследования, произвольно или непроизвольно определяя феномен через призму истории религии и церкви.

В 1970-е годы под влиянием «культурного поворота» в гуманитарных науках на Западе появилось другое историографическое направление, представители которого стремились рассмотреть конструктивное содержание советского «безбожия». В атеизме они видели ядро культурной революции, а также идейное оружие строителей «нового мира», увлеченных «советской утопией». В фокусе их исследований чаще всего оказывались довоенные годы истории СССР, что дало дополнительный импульс для исследования духовного ландшафта Советского Союза в 1920–1930-е годы. Еще один подход, родившийся в последней трети XX в., оказался связан с идеей об «объективном» характере советского атеизма, который рассматривался как частный вариант присущего

многим странам секуляризма. Если для историков, представлявших «тоталитарную школу», а также авторов, исследовавших «безбожие» как базис большевистской утопии, советский атеизм был явлением уникальным, то для сторонников «секуляризма» атеизм был прежде всего средством и результатом модернизации общества, процесса более-менее закономерного, отражающего логику исторического процесса в XX в.

Наиболее «свежий» историографический подход к изучению советского атеизма связан с рассмотрением последнего как постоянно корректировавшегося политико-идеологического проекта, главный смысл которого заключался в обеспечении легитимности КПСС. История советского «безбожия» в рамках этого подхода – это история того, как партия боролась за умы и души советских граждан, постепенно переходя от грубого отрицания религии и насилия к созданию новой «коммунистической веры».

Список литературы

1. Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 552 с.
2. Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – 385 с.
3. Шахнович М.М. Генезис и трансформации понятия «атеизм» // Религиоведение. – 2010, – № 4. – С. 4–14.
4. Anderson J. Religion and the Soviet State: A Report on Religious Repression in the USSR on the Occasion of the Christian Millennium. – Washington, DC : Puebla Institute, 1988. – 67 p.
5. Andrews J.T. Inculcating Materialist Minds: Scientific Propaganda and Anti-religion in the USSR during the Cold War // Science, Religion and Communism in Cold War Europe / Eds. P. Betts, S.A. Smith. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2016. – P. 105–125.
6. Atheist Secularism and Its Discontents / Eds. T.T. Ngo, J.B. Quijada. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. – 293 p.
7. Berdyaev N. The Origin of Russian Communism [1937; repr.]. – Ann Arbor : Univ. of Michigan press, 1960. – 191 p.
8. Bociurkiw B. Religion and Atheism in Soviet Society // Aspects of Religion in the Soviet Union / Eds. R.H. Marshall, Jr., Th. Bird. – Chicago : Univ. of Chicago press, 1970. – P. 45–60.
9. Bourdeaux M. Opium of the People: The Christian Religion in the USSR. – London : Faber & Faber, 1965. – 244 p.
10. Bourdeaux M. Patriarch and Prophets: Persecution of the Russian Orthodox Church Today. – London : Mowbrays, 1975. – 360 p.

11. Brandenberger D. Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror under Stalin, 1927–1941. – New Haven : Yale univ. press, 2011. – 357 p.
12. Chamedes G. The Vatican, Nazi-Fascism, and the Making of Transnational Anti-communism in the 1930 s // J. of Contemporary History. – 2016. – Vol. 51, N 2. – P. 261–290.
13. Clark J.C.D. Secularization and Modernization: The Failure of a «Grand Narrative» // Historical Journal. – 2012. – Vol. 55. – P. 161–191.
14. Curtiss J. The Russian Church and the Soviet State. – Boston : Little, Brown, 1953. – 387 p.
15. Daniloff N. The Kremlin and the Cosmos. – New York : Knopf, 1972. – 258 p.
16. David-Fox M. Religion, Science, and Political Religion in the Soviet Context // Modern Intellectual History. – 2011. – Vol. 8, N 2. – P. 471–484.
17. Delaney J. The Origins of Soviet Antireligious Organizations // Aspects of Religion in the Soviet Union, 1917–1967 / ed. R. Marshall. – Chicago : Univ. of Chicago press, 1917. – P. 103–130.
18. Dobson M. The Social Scientist Meets the «Believer»: Discussions of God, the Afterlife, and Communism in the Mid-1960 s // Slavic rev. – 2015. – Vol. 74, N 1. – P. 79–103.
19. Freeze G.L. The Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941 // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg: Neue Wege der Forschung / Ed. M. Hildermeier. – Munich : Oldenburg Verlag, 1998. – P. 209–232.
20. Froese P. Forced Secularization in Soviet Russia: Why an Atheistic Monopoly Failed // J. for the Scientific Study of Religion. – 2004. – Vol. 43, N 1, Mar. – P. 35–50.
21. Froggatt M. Science in Propaganda and Popular Culture in the USSR under Khrushchev (1953–1964). Ph. D. thesis. – Oxford : Univ. of Oxford, 2006. – 248 p.
22. Fülöp-Miller R. The Mind and Face of Bolshevism: An Examination of Cultural Life in Soviet Russia. – New York : Harper & Row, 1965. – 355 p.
23. Grossman J.D. Khrushchev's Antireligious Policy and the Campaign of 1954 // Soviet Studies. – 1973. – Vol. 24, N 3. – P. 374–386.
24. Halfin I. From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. – Pittsburgh : Univ. of Pittsburgh Press, 2000. – 488 p.
25. Herzog J.P. The Spiritual-Industrial Complex: America's Religious Battle against Communism in the Early Cold War. – Oxford : Oxford univ. press, 2011. – 288 p.
26. Hoffman D.L. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941. – Ithaca, NY : Cornell univ. press, 2003. – 247 p.
27. Hosking G. The Russian Orthodox Church and Secularisation // Religion and the Political Imagination / Eds. I. Katznelson, G. Stedman Jones. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2010. – P. 112–131.
28. Humphrey C. The «Creative Bureaucrat»: Conflicts in the Production of Soviet Communist Party Discourse // Inner Asia. – 2008. – Vol. 10, N 1. – P. 5–35.
29. Husband W.B. «Godless Communists»: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932. – DeKalb : Northern Illinois univ. press, 2000. – 241 p.

30. Kääriäinen K. Discussion on Scientific Atheism as a Soviet Science, 1960–1985. – Helsinki : Suomalainen Tiedekatemia Akateeminen Kirjakauppa, 1989. – 196 p.
31. Kelly C. Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988. – DeKalb : Northern Illinois univ. press, 2016. – 413 p.
32. Kenez P. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. – New York : Cambridge univ. press, 1985. – 308 p.
33. Kolarz W. Religion in the Soviet Union. – London : Macmillan, 1961. – 518 p.
34. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. – Berkeley : Univ. of California press, 1995. – 639 p.
35. Luehrmann S. Secularism Soviet Style: Teaching Atheism and Religion in a Volga Republic. – Bloomington : Indiana univ. press, 2011. – 293 p.
36. Luukkanen A. The Party of Unbelief: The Religious Policy of the Bolshevik Party, 1917–1929. – Helsinki : Societas Historiae Finlandiae, 1994. – 274 p.
37. Luukkanen A. The Religious Policy of the Stalinist State. A Case Study: The Central Standing Commission on Religious Questions, 1929–1938. – Helsinki : Suomen Historiallinen Seura, 1997. – 214 p.
38. Paert I. Demystifying the Heavens: Women, Religion and Khrushchev's Anti-religious Campaign, 1954–64 // Women in the Khrushchev Era / Eds. M. Ilie, S.E. Reid, L. Attwood. – New York : Palgrave Macmillan, 2004. – P. 203–221.
39. Paine C. Militant Atheist Objects: Anti-religion Museums in the Soviet Union // Present Pasts. – 2009. – Vol. 1. – P. 61–76.
40. Peris D. Storming the heavens the Soviet League of the Militant Godless. – New York, 1998. – 237 p.
41. Pospelovskii D.V. A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Antireligious Policies. – New York : St. Martin's, 1987. – 189 p.
42. Pospelovskii D.V. Soviet Antireligious Campaigns and Persecutions. – New York : St. Martin's, 1988. – 275 p.
43. Pospelovskii D.V. Soviet Studies on the Church and the Believer's Response to Atheism. – New York : St. Martin's, 1988. – 325 p.
44. Powell D.E. Antireligious Propaganda in the Soviet Union: A Study in Mass Persuasion. – Cambridge, MA : MIT Press, 1975. – 206 p.
45. Religion and Atheism in the USSR and Eastern Europe / Eds. B. Bociurkiw, J. Strong. – Toronto : Univ. of Toronto Press, 1975. – 412 p.
46. Religion and Modernization: Sociologists and Historians Debate the Secularization Thesis / Ed. S. Bruce. – New York : Oxford univ. press, 1992. – 227 p.
47. Religious policy in the Soviet Union / Ed. by Sabrina Petra Ramet. – Cambridge : Cambridge univ. press, 1993. – 361 p.
48. Secularism and Its Critics / Ed. R. Bhargava. – New Delhi : Oxford univ. press, 1998. – 550 p.
49. Smolkin V. A Sacred Space Is Never Empty. A History of Soviet Atheism. – Princeton ; Oxford : Princeton univ. press, 2018. – 352 p.
50. State Secularism and Lived Religion in Soviet Russia and Ukraine / Ed. C. Wanner. – New York : Oxford univ. press, 2012. – 346 p.

51. Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. – New York : Oxford univ. press, 1989. – 324 p.
52. Stone A.B. «Overcoming Peasant Backwardness»: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union // Russian rev. – 2008. – Vol. 67. – P. 297–320.
53. Taylor Ch. A Secular Age. – Cambridge, MA : Harvard univ. press, 2007. – 874 p.
54. Thrower J. Marxist-Leninist «Scientific Atheism» and the Study of Religion and Atheism in the USSR. – New York : Mouton, 1983. – 500 p.
55. Tirado I. The Revolution, Young Peasants, and the Komsomol's Antireligious Campaigns (1920–1928) // Canadian-American Slavic Studies 26. – 1992. – N 1/3. – P. 97–117.
56. Warner M., Van Antwerpen J., Calhoun C.J. Varieties of Secularism in a Secular Age. – Cambridge, MA : Harvard univ. press, 2010. – 337 p.
57. Young G. Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village. – University Park : Pennsylvania State univ. press, 1997. – 307 p.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 303.446.4; 94(410).07

DOI: 10.31249/hist/2023.04.06

МИТЮРЁВА Д.С.* ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ ЖАНА БОДЕНА НА АНГЛИЙСКУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ МЫСЛЬ XVII в. (Историографический обзор)

Аннотация. В обзоре представлены исследования о восприятии идей Жана Бодена английскими политическими писателями XVII в. Исторические работы разделены на три группы. В первую вошли работы, непосредственно посвященные рецепции идей Бодена в Англии, во вторую – обращенные к влиянию Бодена на конкретных мыслителей, в третью – общие исследования по английской политической мысли XVII в. Анализ литературы показывает поле для дальнейших исследований по указанной проблеме.

Ключевые слова: гражданская война в Англии XVII в.; рецепция идей Ж. Бодена в Англии; Т. Гоббс; Р. Филмер.

MITYURYOVA D.S. The influence of Jean Bodin's ideas on english political thought in the 17th c. (Historiographical review)

Abstract. The review presents studies on the perception of Jean Bodin's ideas by English political writers of the 17th century. The first group includes works directly devoted to the reception of Bodin's ideas in England, the second group deals with the influence of Bodin on specific thinkers, and the third group includes general studies on English political thought of the 17th century. The analysis of the literature shows the field for further research on this problem.

* © Митюрёва Дарья Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Идеи. Контексты. События», Тюменский государственный университет; dmiturova@yandex.ru

Keywords: Civil war in England in the 17th century; reception of J. Bodin's ideas in England; T. Hobbes; R. Filmer.

Для цитирования: Митюрёва Д.С. Влияние идей Жана Бодена на английскую политическую мысль XVII в. (Историографический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 4. – С. 89–104. – DOI: 10.31249/hist/2023.04.06

Количество исследовательской литературы о французском теоретике и юристе раннего Нового времени Жане Бодене огромно и продолжает расти. Интерес к философии Бодена появился в середине XIX в., а активным и стабильным он становится во второй половине XX в. с общей сменой парадигм исторического знания и востребованности концепций альтернативных господствующим идеям. В области интеллектуальной истории значимый вклад внесла Кембриджская школа интеллектуальной истории, символическое начало которой относят к 1949 г. С этого периода предметом исследований становились самые различные аспекты философии Бодена: политическая теория, историческая концепция, натурфилософские и демонологические взгляды, экономические построения, а также рецепция этих идей.

Чтобы составить представление об этапах разворачивания интереса к идеям Бодена, можно обратиться к историографическим обзорам, составленным отечественными исследователями. М.С. Бобкова, основатель школы боденистики в России, в статье «Жан Боден в зеркале историографии: у истоков становления научного познания прошлого» выделяет этапы изучения исторических идей Бодена, связывая их с тенденциями в исторической науке [3]. Особый интерес представляет исследование Бобковой, посвященное российской традиции изучения трудов Бодена, начало которой можно найти уже в XVIII в. Оно включает в себя в том числе информацию о трактатах Бодена, хранящихся в фондах российских библиотек, и истории их появления [4, с. 69–94].

Историография изучения политических идей Бодена написана Г.И. Баязитовой в монографии «В преддверии рождения государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена» [1, с. 25–36]. Также Баязитова выделила несколько дискуссионных полей последних двух десятилетий: проблема власти в

трактатах Бодена, демонология, рецепция политических идей в разных странах, республиканская традиция и формирование мощного государства [2].

Вклад Бодена в политическую философию был оценен не только историками, но и его современниками в Западной Европе. Знаковой в этой тематике стала коллективная монография «Рецепция Бодена», которая была подготовлена под редакцией профессора Университета Халла Х. Ллойда [41]. В ней группа исследователей обращается к проблемам восприятия различных трактатов Бодена во Франции, Англии, Священной Римской империи, Испании, Италии, Нидерландах.

Здесь мы представим обзор исследований, посвященных рецепции идей Бодена в Англии XVII в., где его сочинения цитировались часто и благосклоннее, чем где бы то ни было. Их можно разделить на три группы.

Первая группа – это исследования, полностью или частично посвященные восприятию Бодена в Англии XVII в. Таких работ относительно немного. Одним из первых к указанной теме обратился американский историк Джордж Мосс в связи с его интересом к развитию идеи суверенитета в Англии в период правления королевы Елизаветы I и ранних Стюартов. В статье 1948 г. «Влияние “Республики” Жана Бодена на английскую политическую мысль» автор указывает, что уже к 1581 г., к моменту прибытия Бодена в Англию вместе с герцогом Анжуйским, трактат «Шесть книг о государстве» был хорошо известен англичанам [30]. Впоследствии этот тезис будет неоднократно повторяться в разных исследованиях и станет одним из базовых в вопросе о восприятии Бодена в Англии. Мосса интересует период до появления английского перевода 1606 г. и библиографические возможности знакомства англичан с трактатом. Автор развивает эту тему в монографии «Борьба за суверенитет в Англии от правления королевы Елизаветы до Петиции о праве», где доводит тезис о влиянии Бодена на английскую политическую мысль до 1629 г. [31].

Значительный вклад в развитие темы рецепции идей Ж. Бодена в Англии внес новозеландский историк Джон Сэлмон, основной интерес которого был связан с историей французской политической мысли XVI в. В монографии «Французские религиозные войны в английской политической мысли» он раскрывает идею о

том, что политический кризис, назревший в Англии к середине XVII в., заставлял англичан обращаться к прецедентам французских гражданских войн и там искать теоретические решения своих задач [35]. Сэлмон пишет, что англичане «могли производить различные комбинации французских идей (монархический суверенитет Бодена и народный суверенитет из «Иска против тиранов»), которые либо расширяли французские аргументы, либо искали компромисс между ними» [35, р. 12–13]. Хронологические рамки его исследования охватывают время от правления королевы Елизаветы I до начала XVIII в. Больше всего внимания автор уделяет осмыслению и адаптации идей Бодена, Франсуа Отмана, Филиппа Дюплесси-Морне, а также Теодора де Беза, Гуго Гроция, Иоганна Альтузия в работах известных английских теоретиков. Сэлмон показывает постепенную трансформацию восприятия Бодена от гражданской войны середины XVII в. к периоду протектората и реставрации Стюартов. Время гражданской войны автор определяет как период наибольшей значимости идей Бодена в Англии [35, р. 22–23].

Исследования Сэлмона стали магистральными в теме восприятия Бодена в Англии. Спустя годы ученый вернулся к данной теме. Интересны его наблюдения в статье «Наследие Жана Бодена: рецепция его политических идей в Англии и Германии XVII в.», подготовленной в рамках коллективной монографии «Жан Боден: природа, история, право и политика» [34]. Сравнивая восприятие идей Бодена в двух государствах в одно и то же время, автор приходит к выводу, что их обсуждение в германских княжествах продолжалось независимо от хода Тридцатилетней войны, а в Англии после 1640 г. идеи Бодена стали использоваться непосредственно в политической борьбе [34, р. 190]. Сэлмон отмечает, что «наследие Жана Бодена не было простым наследием»: во Франции оно приняло форму монархического абсолютизма, в Англии – воплотилось в теории Джона Локка [34, р. 199–200]. Хочется добавить к этому утверждению оговорку, что английская традиция теории общественного договора выковывалась из споров второй половины XVII в., в том числе с Боденом, а не прямо развивала линию, изложенную Боденом или его оппонентами монархологами.

Следующей вехой в историографии вопроса стало факсимильное издание трактата «Шесть книг о государстве» 1962 г., вы-

полненное канадским ученым К. Макреем [10]. Это первое переиздание английского перевода трактата «Шесть книг о государстве» с 1606 г. Издание сопровождается развернутой вступительной статьей, в которой представлены в том числе: текстологический сравнительный анализ французской и латинской версий «Шести книг о государстве» [10, р. A28–A38]; подробная характеристика английского перевода [10, р. A38–A52], а также раздел, посвященный месту английского перевода трактата в английской политической мысли [10, р. A62–A67]. Автор приходит к выводу, что английский перевод 1606 г. не был широко распространен. Он пишет, что из значительного числа авторов, цитировавших «Шесть книг о государстве» (в этом автор опирается на исследование Сэлмона, рассмотренное выше), может назвать только троих, кто точно пользовался английским переводом: Уильям Принн, Элетерий Филодемий (Eleutherius Philodemius) и сэр Роберт Филмер [10, р. A65].

Монография Й. Sommerвилья, американского историка политической мысли Англии XVII в., «Роялисты и патриоты: политика и идеология в Англии 1603–1640 гг.» впервые была опубликована в 1986 г.; второе издание, дополненное и переработанное, на которое мы будем ссылаться, появилось в 1999 г. Несмотря на частые упоминания имени Бодена в исследовании, они касаются, главным образом, некоторых идей французского философа. О рецепции идей Бодена речь практически не идет. Автор повторяет несколько известных тезисов, говоря, что трактат «Шесть книг о государстве» нашел в Англии своего читателя и издателя [40, р. 50–51]. Однако он отмечает, что теория неограниченного и неделимого суверенитета не принадлежит Бодену, соответственно, многие англичане могли высказывать подобные тезисы, не прибегая к его тексту [40, р. 41]. Также Sommerвилем были опубликованы сборники сочинений короля Якова I [27] и сэра Роберта Филмера [37], в которых нашел отражение тезис о влиянии Бодена на этих двух авторов.

Британский исследователь Г. Берджесс, историк политической мысли в Англии при Тюдорах и Стюартах, развивает традицию, заложенную Сэлмоном, изучения чтения, цитирования и влияния Бодена в Англии XVII в. В ранних монографиях «Политика древней конституции: введение в английскую политическую мысль 1603–1642 гг.» [13] и «Абсолютная монархия и конституция Стюартов» [11] Берджесс упоминает Бодена лишь вскользь. В мо-

нографии 2009 г. «Британская политическая мысль 1500–1660 гг.: политика пост-реформации» автор немного больше внимания уделяет вопросу влияния Бодена, в частности, на Т. Крэга [12, р. 153–155], короля Якова I [12, р. 163], Т. Гоббса [12, р. 300–301], Р. Филмера [12, р. 213–214].

Наиболее интересны его рассуждения в статье, опубликованной в упоминавшейся монографии «Рецепция Бодена». Статья посвящена восприятию идей Бодена в Англии в годы гражданской войны [41, р. 387–407]. Автор делает вывод, что идеи Бодена прямо или опосредованно оказали влияние на всех участников политической дискуссии о судьбе государства в середине XVII в. [41, р. 406–407]. Берджесс выделяет четыре категории цитирования Бодена английскими авторами [41, р. 389–391].

Первая категория – использование трудов Бодена как «энциклопедий»: цитирование исторических, географических, правовых примеров без взаимодействия с идеями Бодена. Вторая категория – апелляция к рассуждениям Бодена о власти и религии в порядке одобрения или критики. В третьей категории Боден выступает символом конкретной политической позиции – неограниченной власти монарха. К четвертой категории автор относит цитаты, в которых можно наблюдать подлинный интеллектуальный интерес с последующей их адаптацией к английской политической традиции [41, р. 389–391]. Предложенная Берджессом классификация позволяет сделать выводы не только о восприятии Бодена, но и в целом о структуре построения аргументов и о работе с источниками авторов Раннего Нового времени.

В защищенной в 1999 г. диссертации Э. Йео «Теория и практика парламентского суверенитета в Новое время: некоторые уроки истории» есть параграф «Британская трактовка идей Бодена» [45]. Автор отмечает, что идеи Бодена, несомненно, оказали влияние на многих английских авторов, однако подробно говорит только о тех, кто стал классиками политической мысли – Яков I, Р. Филмер, Т. Гоббс. Эти философы, по мысли автора, восприняли большую часть идей Бодена, но проигнорировали вводимые им ограничения суверенной власти. Примечательны рассуждения автора о причине этого явления. Йео утверждает, что это произошло вследствие адаптации идей Бодена к английским условиям: в XVI в.

парламентские решения выходили за пределы тех барьеров, которые воздвигало естественное право [45, р. 74–75].

Интересная статья греко-американского ученого И. Эвриджениса «Цифровые инструменты и история политической мысли: кейс Ж. Бодена» рассказывает о возможности создания корпуса текстов из всех вариаций «Шести книг о государстве» на разных языках. Говоря о значимости этого трактата, автор пишет, что он «одобрительно цитировался Т. Гоббсом, Дж. Ботеро, Д. Донном, Г. Гроцием, Д. Селденом, Р. Филмером, Г. Харви, Д. Мильтоном, М. Нидхэмом, Э. Стиллингфлитом, Дж. Тирреллом и теми, кто сформировал теории Локка, Руссо, Пуфендорфа, Ваттеля, Монтескье и Канта» [20, р. 186].

Еще одна статья Эвриджениса посвящена влиянию Бодена на взгляды Якова I [21]. Во вступлении автор напоминает историографические факты, создавшие эту традицию. Он дополняет ее статистическими данными из электронной базы Early English Books Online. У Эвриджениса получились следующие цифры за период с 1576 до 1699 г.: 2626 совпадений в 752 записях по термину «Bodin» и 778 совпадений в 279 записях по термину «Bodinus» [21, р. 2]. По рукописным пометкам в каталоге книг короля Якова I автор устанавливает, когда появился трактат «Шесть книг о государстве» в его библиотеке – примерно в 1576–1577 г., т.е. сразу после выхода первого издания [21, р. 2–3]. Также в копии Якова I есть несколько подчеркнутых сюжетов, которые автор анализирует и приводит соответствующие им места из «Истинного закона свободной монархии» и «Царского дара» [21, р. 3–13]. Данная статья является наиболее полным и доказательным исследованием влияния идей Бодена на Якова I.

Подробнее следует сказать о второй группе исследований, посвященных политической философии Т. Гоббса и Р. Филмера, в которых в большей или меньшей степени регулярно упоминается о влиянии Бодена на этих мыслителей.

Т. Гоббса чаще других английских авторов называют последователем политической теории Бодена. Начнем с монографии главы сорбоннской группы И.Ш. Зарки «Гоббс и современная политическая мысль», опубликованной в 1995 г. [46]. Автор пишет, что Гоббс развивает теорию суверенитета «по пути, проложенному теорией Бодена» [46, р. 148]. Сравнивая теорию Гоббса с теорией

Филмера и даже отмечая в них определенные сходства, автор указывает, что «суверенитет Бодена не тождественен суверенитету Филмера, а последний не тождественен суверенитету Гоббса» [46, p. 219].

Можно продолжить несколькими вышедшими друг за другом трудами, посвященными философии Гоббса. Коллективная монография «Политика, право и теология у Бодена, Гроция, Гоббса», выполненная под руководством Люка Фуано [33], разделена на три соответствующие части. Однако по представленным в них статьям можно наблюдать, насколько философии трех авторов переплетены между собой. Особенно это касается Бодена и Гоббса: в статье Дж. Боррелли «Юридическое обязательство и политическое послушание: времена дисциплины Нового времени для Бодена, Ботеро и Гоббса» мыслители показаны как представители одной политической традиции [33, p. 11–25].

В монографии «Левиафан 350 лет спустя» И.Ш. Зарка сравнивает понятие «гражданства» у Бодена и у Гоббса и показывает, какую эволюцию проходит термин от одного философа к другому [47, p. 177–179]. В следующей коллективной монографии «Левиафан Гоббса» Л. Фуано отмечает схожесть некоторых идей Бодена и Гоббса: например, тезис Гоббса, что «тот, кто связан только самим собой – не связан», уже был высказан Боденом [22, p. 280].

Один из ведущих представителей Кембриджской школы интеллектуальной истории Квентин Скиннер в статье «Томас Гоббс и ренессансная *studia humanitatis*» вспоминает о единственной цитате, в которой Т. Гоббс ссылается на Бодена. Это цитата из первого крупного сочинения Гоббса – «Элементы закона, естественные и политические» – которое было написано в 1640 г. в защиту королевских прерогатив Карла I. Гоббс ссылается на 1-ю главу II книги «Шести книг о государстве», где Боден описывает виды государств. В этой цитате содержится один из ключевых тезисов Гоббса о том, что суверенитет в государстве не может быть разделен. Скиннер отмечает, что Гоббс с уважением относился к взглядам французского философа [38, p. 74].

В исследованиях о Р. Филмере чаще встречаются развернутые сравнения текстов Филмера и Бодена, поскольку, в отличие от Гоббса, Филмер активно цитировал в своих сочинениях трактат «Шесть книг о государстве». Главным образом, историки отмеча-

ют серьезную опору Филмера на патриархальные элементы в теории Бодена и его утверждение, что суверенитет (а значит, и право законодательной власти) принадлежит монарху безраздельно. Так, много внимания влиянию идей Бодена на Филмера уделено в монографии Дж. Дейли «Сэр Роберт Филмер и английская политическая мысль». Автор пишет, что «Жан Боден повлиял на всех в XVII в.», а «Филмер без Бодена невыносим», хотя он и изменил теорию Бодена, создав совершенно новую [19, р. 21–22].

Во вступительной статье к упоминавшемуся сборнику сочинений Р. Филмера Й. Соммервиль пишет, что «во всех своих произведениях Филмер в значительной степени опирался на работы Бодена и Аристотеля» [37, р. XIII]. При этом автор справедливо отмечает, что свою патриархальную политическую теорию Филмер не воспринял от Бодена, так как последний не отождествлял королевскую власть с отцовской [37, р. XVI], хотя в «Шести книгах о государстве» немало примеров демонстрации отцовской власти. Автор, как и многие исследователи, делает акцент на том, что для обоих философов ключевым признаком суверенитета было право издавать законы [37, р. XXIII].

М. Голди в статье «Джон Локк и англиканский роялизм» объясняет актуальность трактатов Филмера в 1679–1680 гг. тем, что «в карикатурном плане его теория представляла соединение Бодена и Библии» [23]. В более поздней статье «Древняя конституция и языки политической мысли» автор обращает внимание, что сторонники Стюартов, обращаясь к «Шести книгам о государстве» говорили, что законодательная власть принадлежит английскому монарху. Интересно его утверждение, что «Право суверена беспрепятственно издавать законы было подарком Бодена английской юриспруденции: “современные” виги украли боденовскую одежду Стюартов, передав атрибуты суверенитета от короны парламенту» [24].

В исследовании «Конституционный роялизм и поиск урегулирования, 1640–1649 гг.» Д. Смит отмечает, что абсолютистские писатели были очень разными. Он пишет, что политическая активность группы, которую представляли Филмер и Боден, приравнивающей закон к проявлению власти суверена, не могла быть долгой, так как их взгляды проигрывали тем, кто считал Англию ограниченной монархией [39, р. 248–251].

В статье Ч. Куттика «Антииезуитский патриотический абсолютизм: Роберт Филмер и французские идеи (1580–1630)» вновь звучит тезис о том, что концепция Филмера обязана наследию Бодена [18, р. 563], а также, что английские абсолютисты вслед за Боденом считали суверенитет неделимым и вечным, находящимся исключительно в руках верховного правителя [18, р. 577].

В том же ключе Р. Коганзон в диссертации «Отцы и государи: использование отцовской власти в Раннее Новое время» называет и Филмера, и Гоббса последователями Бодена [28, р. 15]. Автор делает примечательный вывод: один – Филмер – «довел патриархальную логику Бодена до абсурда», другой – Гоббс – пытался разрешить существующие в теории Бодена противоречия [28, р. 25].

В недавней статье Дж. Харриса «Трактаты о правлении и трактаты об анархии: Локк против Филмера» также говорится о сильном влиянии трактатов Бодена на абсолютистскую теорию Филмера, особенно в вопросе о необходимости поставить обладателя суверенной власти над законом [26].

Наконец, третья, и вероятно, самая обширная группа исследований по политической мысли Англии XVII в. представляет те, в которых вскользь говорится о влиянии Бодена. К. Шарп в раннем исследовании «Фракция и парламент: очерки ранней истории Стюартов», с одной стороны, отмечает, что понятие суверенитета было чуждым традиционному английскому политическому мышлению, и некоторые англичане читали Бодена, не воспринимая его идеи. С другой стороны, он пишет: «...из речей, писем и второстепенных трактатов ясно, что несколько антикваров считали, что король Англии соответствовал большинству критериев суверенной власти, выделенных Боденом». Автор делает вывод, что текст Бодена приблизил Англию к континентальной политической мысли и отдалил от идеи «смешанной монархии» Джона Фортеस्कю [36, р. 29].

Некоторые исследователи затрагивают тему влияния трудов Бодена на менее известных авторов-правоведов. Даниэль Кокиллет в исследовании об английских цивилистах XVI в. отмечает, что Боден произвел сильное впечатление на итальянского юриста Альберико Джентили, ставшего королевским профессором в Оксфорде [15, р. 31]. Также автор пишет, что широкую известность

идеи Бодена приобрели после публикации английского перевода в 1606 г. [15, р. 51], что не является корректным суждением. Скорее всего, количество читателей трактата увеличилось после публикации авторского латинского перевода в 1586 г.

Статья Ф. Хамбургера посвящена судебному делу, которое вел английский юрист, верховый судья Англии (1689–1710) сэра Джон Холтон [25]. Автор отмечает, что «Шесть книг о государстве» были источником юридических прецедентов наряду с Кодексом Юстиниана и различными английскими прецедентами, поэтому Холтон обращается к этому трактату [25, р. 2121].

В исследованиях этой группы можно встретить много общих замечаний о широком распространении боденовских идей среди английских интеллектуалов. Так, в коллективном труде «Политическая мысль и тюдоровское государство (Commonwealth)» встречаем короткую заметку о значительном влиянии в английском обществе XVII в. работ Тацита и Сенеки, Бодена, Монтеня и Юста Липсия [44, р. 37].

В диссертации Дж. Вудворд «Ритуальное управление королевской смертью в Ренессансной Англии» отмечается, что Боден был хорошо известен в Англии. Автор также указывает на то, что стиль трактата короля Якова I «Истинный закон свободной монархии» похож на «Шесть книг о государстве» [43, р. 156].

В появившейся в том же году статье «Исторические истоки юриспруденции: Кок, Селден, Хейл» Г. Берман прямо говорит, что в трактате «Истинный закон свободной монархии» Яков I Стюарт заимствует многие идеи у Бодена [9, р. 1668]. Также он отмечает, что Боден является интеллектуальным предшественником Гоббса [9, р. 1669]. Эту же мысль чуть позже повторяет Дж. Бернс в монографии «Истинный закон королевства» [14, р. 231].

Последующие исследования в основном заимствуют выводы, ранее сделанные в историографии. Л. Пармели в работе «Хорошие новости из Франции», опираясь на выводы Сэлмона и Соммервиля, повторяет тезис, что английская политическая мысль находилась под влиянием континентальных мыслителей, а «ряд французских писателей, включая Бодена, Лангета, Морне, Франсуа и Жана Отмана, были знакомы английским дипломатам» [32, р. 43].

А. Кромарти в монографии «Конституционалистская революция: Очерк по истории Англии, 1450–1642 гг.» называет Жана

Бодена «мыслителем, оказавшим глубочайшее влияние на небольшую группу английских абсолютистов» [17, р. 31]. Автор также сравнивал политические взгляды Бодена со взглядами короля Якова I [17, р. 152].

Даже в статье У. Уоткинса «Народный суверенитет, верховенство судебной власти и американская революция», посвященной, казалось бы, совершенно иному вопросу, есть место для тезиса о влиянии Бодена на английскую политическую мысль. Автор пишет, что «размышления Бодена о суверенитете служат фоном для дискуссий между монархами Стюартов и парламентом о локусе суверенитета в английской системе» [42, р. 164]. Интересно его замечание, что «Славная революция ознаменовала начало парламентского суверенитета по образцу Бодена» [42, р. 173]. Уже было отмечено, что это мысль также прозвучала и у М. Голди.

Еще в одной коллективной монографии «Монархизм и абсолютизм в Европе раннего Нового времени» упоминания о рецепции Бодена встречаются у нескольких авторов. Но все они отсылают к исследованиям уже здесь приведенным – Сэлмону, Коммервиллю, Голди [29].

Исследования отечественных историков можно также отнести к третьей историографической группе: в работах С.В. Кондратьева [5; 6], А.А. Паламарчук [7], И.М. Эрлихсон [8] присутствует утверждение о влиянии Жана Бодена на английскую политическую мысль XVII в.

Представленный обзор исследований во второй и третьей группах не является исчерпывающим. Тем не менее обилие повторяющихся тезисов позволяет сделать вывод об общих местах в историографии, а также о том, что тема рецепции идей Бодена, обозначенная как актуальная еще в 1984 г. Роландом Крахеем на коллоквиуме в Анже [16, р. 31], остается таковой. Это подтвердила прошедшая в 2021 г. в ИВИ РАН и МГИМО (У) международная конференция «Универсум Жана Бодена», посвященная 490-летию со дня рождения французского философа. На конференции были представлены несколько докладов о рецепции идей Бодена: доклад М.С. Бобковой был посвящен рецепции Бодена в России, О.И. Тогоевой – рецепции демонологических идей Бодена в Англии XVI–XVII вв., А. Гийо – переводу «Шести книг о государстве» на испанский язык, Г.И. Баязитовой – переводу «Шести книг

о государстве» на немецкий язык. Также Й. Дюро, Т.В. Черниковой, М.П. Айзенштат были представлены доклады, посвященные сравнению взглядов Бодена и английских писателей. По результатам конференции в 2023 г. вышла коллективная монография «Интеллектуальные горизонты мира Жана Бодена» [4].

Таким образом, при частом обращении и заметном интересе к теме рецепции идей Бодена в Англии XVII в. самая фундированная работа по данному вопросу была написана в 1959 г. Д. Сэлмоном. Серьезный вклад в разработку этой темы внесли также Дж. Мосс, Й. Соммервиль, Г. Берджесс, вышедшие на нее через разные аспекты истории политической мысли Англии XVII в. Большинство исследователей, обращаясь к вопросу о влиянии Бодена на англичан XVII в., опираются на исследования перечисленных авторов.

Однако приведенные работы охватывают лишь часть возможных сочинений англичан, через которые может быть раскрыта тема. Используемые исследователями источники ограничены, как правило, двумя критериями. Во-первых, хронологическим: так, Мосс описывает распространение трактата «Шесть книг о государстве» в Англии с 1581 до 1629 г., Берджесс – использование трактата в 1640-х годах. Во-вторых, выборкой авторов: чаще всего историки говорят о влиянии идей Бодена на короля Якова I, Филмера и Гоббса. Даже Берджесс, вводя большое количество авторов, обращавшихся к Бодену, называет в основном знаковые имена для политической полемики 1640-х годов. Таким образом, огромный массив нарративных источников, появившихся в Англии XVII в., остается без внимания. В расширении хронологических рамок и источниковой базы можно видеть возможности для выделения закономерностей цитирования Бодена, выявления общих мест и сюжетов.

В историографии встречается тезис о том, что на Бодена утвердительно ссылались сторонники противоборствующих сторон во время гражданской войны, однако, не затрагивается вопрос, как использование трактата «Шесть книг о государстве» в этой борьбе повлияло на образ Бодена в короткой и отдаленной перспективе. На самом же деле это могло бы стать предметом отдельного исследования, поскольку то, как англичане воспроизводили тексты Бодена во второй половине XVII в. закрепило за ним в ис-

тории политической мысли карикатурный образ защитника ничем не ограниченной королевской власти, который не пересматривался до середины XX в.

Список литературы

1. Баязитова Г.И., Митюрёва Д.С. В преддверии рождения государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена. – Тюмень : Тюменский гос. ун-т, 2012. – 240 с.
2. Баязитова Г.И. О понятиях «семья» и «домохозяйство» в политической теории Жана Бодена // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 130–148.
3. Бобкова М.С. Жан Боден в зеркале историографии: у истоков становления научного познания прошлого // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература : реферативный журнал. Серия 5: История. – 1993. – № 2. – С. 3–27.
4. Бобкова М.С., Черникова Т.В., Рогожин А.А. Интеллектуальные горизонты мира Жана Бодена. – Москва : МГИМО-Университет, 2023. – 644 с.
5. Кондратьев С.В. «Все могут короли, все могут короли?..» Королевская власть и свобода подданных в парламентских дебатах и судебных тяжбах предреволюционной Англии. – Тюмень : Тюменский гос. ун-т, 2018. – 196 с.
6. Кондратьев С.В. Королевская власть в трактовке юристов общего права предреволюционной Англии // Европа. Международный альманах / отв. ред. С.В. Кондратьев. – Тюмень : ТюмГУ, 2002. – Вып. 2. – С. 98–125.
7. Паламарчук А.А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. – 326 с.
8. Эрлихсон И.М. Роберт Филмер и политическая философия абсолютизма периода поздней Реставрации (1679–1689) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-а. Серия История. Политология. – 2009. – № 9 (64). – С. 50–55.
9. Berman H.J. The Origins of Historical Jurisprudence: Coke, Selden, Hale // The Yale law j. – 1994. – Vol. 103, N 7. – P. 1651–1738.
10. Bodin J. The Six Bookes of a Commonweale / ed. by K.D. McRae. – Cambridge : Harvard univ. press, 1962. – 1030 p.
11. Burgess G. Absolute Monarchy and the Stuart Constitution. – New Haven : Yale univ. press, 1996. – 229 p.
12. Burgess G. British Political Thought, 1500–1660: The Politics of the Post-Reformation. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. – 448 p.
13. Burgess G. The Politics of the Ancient Constitution: An Introduction to English Political Thought, 1603–1642. – Basingstoke ; London : Palgrave Macmillan, 1992. – 293 p.
14. Burns J.H. The True Law of Kingship: Concepts of Monarchy in Early-modern Scotland. – Oxford : Clarendon Press, 1996. – 315 p.
15. Coquillette D.R. Legal Ideology and Incorporation I: The English Civilian Writers, 1523–1607 // Boston university law rev. – 1981. – Vol. 61. – P. 1–89.

16. Couzinet M.-D. Jean Bodin: état des lieux et perspectives de recherche // Bulletin de l'Association d'étude sur l'humanisme, la réforme et la renaissance. – 1995. – N 4. – P. 23–36.
17. Cromartie A. The Constitutionalist Revolution: An Essay on the History of England, 1450–1642. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2006. – 309 p.
18. Cuttica C. Anti-Jesuit patriotic absolutism: Robert Filmer and French ideas (c. 1580–1630) // Renaissance Studies. – 2011. – Vol. 25, N 4. – P. 559–579.
19. Daly J. Sir Robert Filmer and English Political Thought. – Toronto : Univ. of Toronto press, 1979. – 212 p.
20. Evrigenis I.D. Digital Tools and the History of Political Thought: The Case of Jean Bodin // Redescriptions: Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory. – 2015. – Vol. 18 (2). – P. 181–201.
21. Evrigenis I.D. Sovereignty, mercy, and natural law: King James VI/I and Jean Bodin // History of European Ideas. – 2019. – URL: <https://doi.org/10.1080/01916599.2019.1660136> (дата обращения: 10.05.2023).
22. Foisneau L. Omnipotence, Necessity and Sovereignty: Hobbes and the Absolute and Ordinary Powers of God and King // The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan / ed. by P. Springborg. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2007. – P. 271–290.
23. Goldie M. John Locke and Anglican Royalism // Political Studies. – 1983. Vol. 31, N 1. – P. 61–85.
24. Goldie M. The Ancient Constitution and the languages of political thought // The Historical j. – 2019. – Vol. 62, N 1. – P. 3–34.
25. Hamburger P.A. Revolution and Judicial Review: Chief Justice Holt's Opinion in City of London v. Wood // Columbia law rev. – 1994. – Vol. 94, N 7. – P. 2091–2153.
26. Harris J.A. Treatises of Government and Treatises of Anarchy: Locke versus Filmer Revisited // Locke Studies. – 2019. – Vol. 19. – P. 1–32.
27. King James VI and I: Political Writings / ed. by J.P. Sommerville. – Cambridge : Cambridge univ. press, 1994. – 329 p.
28. Koganzon R. Fathers and Sovereigns: The Uses of Paternal Authority in Early Modern Thought : Doctoral dissertation. – Harvard : Harvard University, 2016. – 288 p.
29. Monarchism and Absolutism in Early Modern Europe / ed. by C. Cuttica, G. Burgess. – London ; New-York : Routledge, 2016. – 320 p.
30. Mosse G.L. The Influence of Jean Bodin's 'Republic' on English Political Thought // Medievalia et Humanistica. – 1948. – Vol. 5. – P. 73–83.
31. Mosse G.L. The Struggle for Sovereignty in England from the Reign of Queen Elizabeth to the Petition of Right. – East Lansing : Michigan State College press, 1950. – 191 p.
32. Parmelee L.F. Good Newes from Fraunce: French Anti-league Propaganda in Late Elizabethan England. – Rochester : University Rochester press, 1996. – 204 p.
33. Politique, droit et théologie chez Bodin, Grotius et Hobbes / sous la dir. L. Foisneau. – Paris : Éditions Kimé, 1997. – 314 p.

34. Salmon J.H.M. L'héritage de Bodin: la réception de ses idées politiques en Angleterre et en Allemagne au XVIIe siècle // Jean Bodin. Nature, histoire, droit et politique / sous la dir. Y. Ch. Zarka. – Paris : Presses univ. de France, 1996. – P. 175–200.
35. Salmon J.H.M. The French Religious Wars in English Political Thought. – Oxford : Clarendon press, 1959. – 202 p.
36. Sharpe K.M. Faction and Parliament: Essays on Early Stuart History. – Oxford : Clarendon press, 1978. – 292 p.
37. Sir Robert Filmer: 'Patriarcha' and Other Writings / ed. by J.P. Sommerville. – Cambridge : Cambridge univ. press, 1991. – 327 p.
38. Skinner Q. Thomas Hobbes and the Renaissance *studia humanitatis* // Writing and Political Engagement in Seventeenth-Century England. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2000. – P. 69–88.
39. Smith D.L. Constitutional Royalism and the Search for Settlement, c. 1640–1649. – Cambridge : Cambridge univ. press, 1994. – 392 p.
40. Sommerville J.P. Royalists and Patriots: Politics and Ideology in England 1603–1640. – Second edition. – London ; New-York : Longman, 2014. – 304 p.
41. The reception of Bodin / ed. by H.A. Lloyd. – Leiden : Brill, 2013. – 467 p.
42. Watkins W.J. Popular Sovereignty, Judicial Supremacy, and the American Revolution: Why the Judiciary Cannot be the Final Arbiter of Constitutions // Duke j. of constitutional law & public policy. – 2006. – Vol. 1. – P. 159–258.
43. Woodward J.K.A. The Ritual management of Royal death in Renaissance England: 1570–1625: PhD thesis. – Warwick University, 1994. – 439 p.
44. Woolf D.R. The power of the past: history, ritual and political authority in Tudor England // Political thought and the Tudor Commonwealth / ed. P.A. Fidler, T.F. Mayer. – London ; New-York : Routledge, 1992. – 287 p.
45. Yeo A.D.R. The modern theory and practice of parliamentary sovereignty: some lessons from history: PhD thesis. – Bristol : University of Bristol, 1999. – 485 p.
46. Zarka Y.C. Hobbes and Modern Political Thought / trans. by J. Griffith. – Edinburgh : Edinburgh univ. press, 2016. – 278 p.
47. Zarka Y.C. The Political Subject // Leviathan After 350 Years / ed. by T. Sorell, L. Foisneau. – Oxford : Clarendon press, 2004. – P. 167–182.

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 32.019.51; 371.671.11

DOI: 10.31249/hist/2023.04.07

ПЕТРУХИНА Д.В.* НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ГУМАНИТАРНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Аннотация. Для формирования и развития устойчивой национальной идентичности граждан страны каждому государству необходимо уделять большое внимание системе образования, как одному из ключевых механизмов внедрения исторического нарратива и конструирования исторической памяти. Важное место в этих процессах занимают учебные издания, которыми на регулярной основе пользуются учащиеся и педагоги. В поликультурных обществах возникает необходимость учитывать множественность интерпретаций исторических событий, что порождает дискуссии и споры о содержании учебников. Образовательный процесс должен гибко и адекватно подстраиваться под изменения политической обстановки и социокультурных процессов, которые могут повлиять на пересмотр исторических нарративов в будущем. Представленный обзор работ зарубежных авторов показывает высокую значимость представленного в учебниках нарратива для формирования идентичностей и его зависимость от сложившихся в стране геополитических реалий.

Ключевые слова: национальная идентичность; исторические нарративы; историческая память; школьные учебники; учебники истории.

* Петрухина Дарья Валерьевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); darkamercante@gmail.com

PETRUKHINA D.V. National identity and historical narratives in humanities textbooks

Abstract. In order to create and develop a sustainable national identity of its citizens, every state needs to pay great attention to the education system as a key mechanism for the introduction of historical narrative and the construction of historical memory. School textbooks regularly used by students and teachers play an important role in these processes. In multicultural societies, there is a need to take into account the multiplicity of interpretations of historical events, which leads to debate and discussions about the content of textbooks. The educational process should be flexible and adequately adapted to changes in the political environment and socio-cultural processes that may affect the revision of historical narratives in the future. The review of the works of foreign authors shows the high significance of the narrative presented in textbooks for the formation of identities and its dependence on geopolitical realities in the country.

Keywords: national identity; historical narratives; historical memory; school textbooks; history books.

Для цитирования: Петрухина Д.В. Национальная идентичность и исторические нарративы в школьных учебниках гуманитарных предметов. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 4. – С. 105–122. – DOI: 10.31249/hist/2023.04.07

Важная роль системы образования в процессе формирования и развития идентичностей граждан страны давно подчеркивается как политическими, так и научными деятелями. В XXI в. детальное изучение вклада конкретных школьных предметов началось как результат развития дискурса о политике исторической памяти. Задача консолидации населения в национальные и наднациональные сообщества обусловила необходимость создания единого исторического и гражданского нарратива, который распространялся и укоренялся бы посредством школьного образования. Особую актуальность конструирование таких нарративов приобретает в условиях поликультурных государств и стран с «дискуссионными» событиями и периодами в истории. Представленный обзор объединяет исследования учебников для детей и подростков, проведенные в США, Великобритании, Нидерландах, Турции, на Кипре и острове

Тайвань. В каждой из перечисленных стран перед учебными изданиями стоят определенные цели, достижение которых направлено на решение текущих (гео)политических, социальных и этнокультурных проблем.

Разработка и применение методов анализа учебных изданий представляют определенную сложность. Как показали в своей статье М. Гревер и Т. ван дер Флис, учебники истории выступают сложным материалом для анализа, поскольку реализуют различные социальные и политические функции. Во-первых, они предоставляют историческую информацию в упрощенной и доступной для изучения форме. Во-вторых, предполагается, что содержащиеся в них знания являются точными, достоверными и обязательными для усвоения. Таким образом должна осуществляться передача научных исторических знаний из поколения в поколение. Тем не менее путем анализа можно выявить содержащуюся в учебниках определенную идеологическую основу [4, р. 288]. Авторы отмечают, что некоторые из изучаемых сюжетов оказываются включенными в учебники даже в случае их исторической недостоверности, поскольку они вносят значительный вклад в развитие национальной идентичности и воспитание патриотизма.

Учебники истории, отражая ценности, нормы и идеи, актуальные для общества на данный момент времени, становятся инструментами социализации и формирования идентичности. Отсутствие стандартизации и единой государственной системы контроля над учебной литературой стимулируют политиков, ученых, активистов и учителей на борьбу за ее содержание. Исследование учебников истории можно рассматривать как часть образовательной или школьной историографии. Они позволяют отследить изменение взглядов на уроки истории и влияние различных акторов на формирование образовательной программы.

В последние десятилетия анализ учебников значительно обогатился качественными и количественными методами исследования, заимствованными из разных гуманитарных наук, а также новыми цифровыми сервисами для анализа текстовых структур [4, р. 292].

В процессе анализа учебников первое, на что обращает внимание исследователь – это отсутствие упоминания определенных исторических событий. Часто спорные вопросы замалчиваются,

игнорируются или исключаются, особенно при смене политического режима. Однако само по себе отсутствие конкретных тем в тексте не дает ясного представления о причинах их исключения, поэтому большинство исследователей уделяет основное внимание фактам, присутствующим в учебнике. Важной задачей также является анализ влияния, которое учебники оказывают на учителей и учащихся. В статье приводятся несколько конкретных примеров исследований в этой области. Другая проблема состоит в определении авторства учебников истории, поскольку компетентность автора непосредственно влияет на качество учебника. Например, в США известны случаи, когда издательства нанимали сомнительных авторов, а известным историкам платили за использование их имен на обложке [4, р. 291].

Появление в учебниках истории большого количества иллюстративного материала, изображающего объекты культурного наследия, привело к необходимости разработки соответствующих методов анализа. В частности, один из них направлен на выявление канонических изображений, поддерживающих национальный нарратив [4, р. 293]. Кросс-культурный анализ карт и изображений в учебниках разных стран может способствовать пониманию особенностей национального нарратива относительно одних и тех же исторических событий и персоналий.

Еще одним методом анализа учебника является предложенный К.Ф. Фелдманом целостный подход, основанный на утверждении, что национальные нарративы имеют определенную общую структуру, и их характерные модели остаются неизменными, несмотря на различия в содержании. Организация материала в учебнике тесно связана с его содержанием и, следовательно, способствует формированию национального нарратива.

Новый подход, предложенный Т. Хонне, позволяет изучать общий дискурс учебника. Конструированию определенных нарративов способствует не только содержание учебного издания, но и его структура, поэтому взаимосвязи содержания и структуры также имеют важное значение. Например, информация, которая ранее могла быть представлена в виде дополнительного текста, после изменения общего политического дискурса может быть перенесена в основной текст [4, р. 294]. Это может также происходить под

давлением определенных социальных или этнических групп, меньшинств, стремящихся к общенациональному признанию.

Т. ван дер Флис предложила термин «многовекторные нарративы» для описания комплекса нарративов учебника истории, охватывающих различные события, но объединенных общим смыслом и создающих единую картину. В качестве примера в статье приводится сравнение угроз от испанской Великой Армады и немецкого Блицкрига в английских учебниках, где различия эпох и исторического контекста в целом уступают место общей идее угрозы завоевания Англии.

Целостный подход к анализу учебника истории позволяет выявить методы организации исторического знания, общий сюжет, в который встраиваются выбранные исторические события, а также особенности хронологического изложения материала. Учебник рассматривается как единая историческая репрезентация, и исследователь может выявить основные концепции изложения истории: связь настоящего с прошлым и будущим, интерпретацию развития, упадка, целей и задач. Точки, обозначающие начало или окончание событий в национальном нарративе, являются ключевыми, так как разделяют информацию на блоки, изучение которых обеспечивает логичность построения нарратива и его укрепление в сознании школьников [4, p. 295].

В формировании американской национальной идентичности и воспитании патриотизма одну из ключевых ролей играет концепт свободы. Дж. Павлик посвятила свою статью анализу дискурса свободы в учебниках по истории США.

Автор подчеркивает сложность и противоречивость концепта свободы в контексте американской истории: с одной стороны, в Декларации независимости США от 1776 г. провозглашается право на свободу для всех людей, с другой – большой вклад в социально-экономическое развитие этой страны внесли рабовладельческие хозяйства, просуществовавшие до XIX в. [5, p. 483]. На современном этапе риторика «свободы» и «демократии» позволила США оправдать политику антитеррористических атак на другие государства после событий 11 сентября 2001 г. Концепт свободы часто используется общественными организациями в борьбе за права различных групп [5, p. 484].

В США некоторые сообщества, особенно меньшинства, не имеют возможности влиять на систему образования, в том числе и на содержание учебников истории. Они вынуждены ограничиваться упоминаниями о своей культуре и истории, что считается проявлением социальной несправедливости [5, р. 486].

Дж. Павлик приводит примеры создания во второй половине XX в. альтернативных учебников, направленных на пересмотр существующих трактовок истории и освещения социальных проблем. Хотя каждый штат США имеет право самостоятельно выбирать содержание и методы образования, в создании учебников истории можно отметить общие тенденции, что лучше всего заметно на примере крупных штатов, например, таких, как Техас и Калифорния.

Для проведения исследования были отобраны четыре учебника, рекомендованных организацией «The American Textbook Council» (АТС), в каждом из которых автор проанализировала основной текст, не принимая во внимание дополнительные материалы и иллюстрации [5, р. 488].

Анализ показал, что слово «свобода» наиболее часто употребляется в отношении периода, непосредственно предшествующего Гражданской войне в США (1861–1865), и в период после нее. Противоречивая ситуация возникает в отношении рабов, так как они упоминаются и как единственная группа, лишенная свободы, и как группа, приобретающая свободу. По мнению автора, подобное представление направлено на формирование позитивного образа соответствующего исторического периода [5, р. 492].

Что касается определения свободы, она чаще всего рассматривается как цель и идеал, к которым нужно стремиться. Один из главных аспектов свободы связан с правами человека и часто используется в контексте нарушения этих прав как посягательства на свободу. В то же время, по мнению автора, неправомерно говорить о приобретении рабами прав в контексте их освобождения, так как, фактически, оно не приравнивалось для них к обретению прав свободных людей. Наиболее часто упоминаются свободы, провозглашенные в первой поправке к Биллю о правах: свобода религии, свобода слова и свобода прессы [5, р. 495–496].

Дж. Павлик также обращает внимание на грамматические конструкции предложений, используемых при описании процесса

достижения свободы. Часто употребляются пассивные конструкции, которые создают впечатление, что свобода приходит сама по себе, а не достигается усилиями конкретных групп или личностей.

В заключение автор отмечает необходимость пересмотра содержания учебников и предлагает использовать более разнообразные и проблемные материалы, чтобы учащиеся могли получить наиболее полное представление о многообразии исторических событий и периодов, связанных с концептом свободы и его значением для американской идентичности. Важно создавать учебные материалы, направленные на объективное и глубокое понимание истории США, которые позволят учащимся анализировать и осознавать различные аспекты свободы и патриотизма [5, p. 500].

Профессор Стамбульского университета К. Чаиш в своей монографии «Кто мы? Идентичность, гражданство и права в турецких учебниках» также обращает внимание на иллюзорность объективности представленного в учебниках знания, поскольку они практически всегда имеют идеологический подтекст. Содержание учебных изданий часто вызывает дискуссии о необходимости включения различных взглядов на социум и его историю [1, p. 2].

В Турции система образования централизована, что отражается на стандартизации учебной литературы. Развитию национальной идентичности способствуют не только уроки истории, но и других предметов, таких, как музыка, литература и даже английский язык [1, p. 9]. В то же время в учебниках национальная идентичность строится исключительно на истории турок, что противоречит попыткам государства решить проблемы других этнических и религиозных групп, проживающих в стране.

Нарратив национальной идентичности, представленный в турецких учебниках, можно свести к нескольким главным тезисам:

- турки ведут свое происхождение от древнего населения Центральной Азии;
- турки – нация воинов;
- древние государства турок отличались демократией, светскостью и равенством мужчин и женщин;
- турки, принявшие ислам, сохранили свою этническую идентичность, в то время как другие тюркские народы, принявшие «несоответствующие их естеству» религии, утратили ее;

– из-за геополитического положения страны территория и язык турок находятся под постоянной угрозой.

Эти тезисы прослеживаются в учебниках гуманитарных предметов начиная с первого класса [1, р. 10]. В учебниках по истории постулируются фундаментальные отличия и исключительность древних турок по сравнению с «менее развитыми» соседями. Объединение турок в нацию произошло благодаря их воинскому искусству.

К. Чаиж подробно анализирует каждое из приведенных утверждений, иллюстрируя их цитатами из различных учебников и отрывками из методических материалов для учителей, в которых даются рекомендации по обязательному рассмотрению определенных вопросов на уроке. В случае если учитель не планирует использование учебника непосредственно на уроке, он все равно ориентируется на информацию, представленную в тексте, при подготовке к занятиям.

В завершение анализа вышеперечисленных тезисов отмечается, что в учебниках национальная идентичность строится вокруг необходимости сплочения нации перед возможными угрозами извне. Тема угрозы, врагов и борьбы с ними появляется в учебниках начиная с 1 класса, т.е. с ней знакомятся даже дети, которые еще не научились полноценно читать и писать [1, р. 46].

По мнению автора, учебники могут стать эффективным инструментом демократизации турецкого общества при условии, что они продемонстрируют равенство всех этнических и религиозных групп. Эта проблема тесно связана с дискуссиями вокруг понимания термина «турецкая нация» как этнической или надэтнической категории. Проанализированные тексты учебников для 6 и 8 классов направлены на развитие этнического понимания нации, более того, некоторые отрывки прямо говорят о богоизбранности турецкого этноса [1, р. 24–25].

Учебники турецкого языка, обществознания и истории начиная с 4 класса содержат упоминания «Тюркского мира», который охватывает страны и отдельные народы Центральной и Северо-Восточной Азии, объединенные сходством языков, традиций и праздников. В то же время при описании традиционных исламских праздников нет упоминаний о курдах, проживающих на территории Турции. Таким образом, в перечисленных учебниках термин

«турки» относится к представителям тюркской ветви алтайской языковой семьи, независимо от места их проживания.

На обязательных занятиях по «Религиозной культуре и морали», а также на некоторых других уроках, считается нормальным делать предварительные выводы о религиозной принадлежности учащихся. Учебники для таких уроков должны быть нейтральными и не использовать теологический подход, однако в настоящее время под «нашей религией» в них понимается исключительно ислам.

Национальный нарратив, представленный в учебниках, основывается на доминирующей турецкой этничности и исламе, при этом существование других этнокультурных и социальных групп в стране либо полностью игнорируется, либо значительно упрощается [1, р. 28–30].

Среди положительных тенденций автор отмечает включение параграфа об алевизме в учебник по «Религиозной культуре и морали» для 12 класса. Тем не менее алевизм описывается в общих чертах, что не позволяет школьникам глубже понять особенности этого направления и его отличия от традиционного суннитского ислама. Как религиозное течение алевизм сформировался на территории Анатолии примерно в XVI в., и к настоящему моменту его последователями по разным данным являются 10–20% населения Турции. Алевизм можно классифицировать как региональное (анатолийское) направление шиизма с элементами синкретизма¹. Таким образом, вероучение алевитов коренным образом отличается от суннизма.

Особое место в учебниках Турецкой Республики занимает вопрос этнических меньшинств, в частности, курдов и армян. Термин «армяне» чаще всего появляется в контексте так называемой «армянской проблемы», из-за которой на Турцию оказывается давление со стороны международного сообщества. «Армянская проблема» упоминается в учебниках истории для 10–11 классов, а также на уроках обществознания в 7 классе. Автор подчеркивает, что для всех учебников, освещающих армянский вопрос, характерны схожие проблемы: однобокость рассмотрения и защитная

¹ Жигульская Д.В. Алевизм и его место среди прочих исламских течений в Турции // Проблемы востоковедения. – 2013. – № 4 (62). – С. 82.

позиция турок, а также возможное развитие негативного отношения к гражданам Турции армянского происхождения из-за постоянного использования обобщающего термина «армяне». Таким образом, с одной стороны, в учебниках часто игнорируется факт поликультурности страны, а с другой – в текстах с описанием отличных от турок этнокультурных общностей используются характеристики, которые ведут к образованию предрассудков и стереотипов [1, р. 30–33].

После политики игнорирования даже такой незначительный факт, как появление в некоторых школах элективных уроков курдских диалектов курманджи и зазаки, может выступать косвенным свидетельством шага Турции к признанию существования курдов. При этом автор обращает особое внимание на парадоксальный факт отсутствия в учебниках по этим предметам какого-либо упоминания о курдах. В целом, ни в одном из учебников такого упоминания нет, хотя некоторые тексты посвящены в том числе и традициям курдов: например, праздник Навруз широко отмечается ими, хотя в текстах он представлен как исключительно тюркский.

Далее в монографии подробно рассматривается отражение в учебниках отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Главной проблемой здесь является формирование у школьников стереотипа, что все люди с ОВЗ являются отклонением от нормы и нуждаются в помощи.

Таким образом, отсутствие в учебниках текстов, посвященных социальному и культурному разнообразию, влечет за собой отрицательные последствия. Вместо того чтобы готовить школьников к реалиям жизни, учебники искажают получение детьми знаний о современном обществе. Игнорируя и маргинализируя отдельные группы в учебно-методических материалах, система образования способствует углублению социального неравенства. В Турции считается, что школа не должна быть политизирована, и в то же время образовательная программа построена вокруг черт национальной идентичности, нехарактерных для многих граждан страны.

По мнению К. Чаижа, система образования Турции нуждается в реформатировании учебной литературы с учетом признания этнических идентичностей всех народов страны и их равноправного положения как граждан одного государства [1, р. 36–37].

Если в полиэтнических государствах решаются проблемы интеграции меньшинств и развития этнокультурной компетентности в образовании, то в надгосударственных объединениях, таких, как, например, Европейский союз (далее – ЕС), стоит задача углубления внутрирегиональной интеграции и поддержания наднациональной идентичности.

Группа авторов из Великобритании провела исследование, в котором соотнесла результаты анализа учебников граждановедения, использующихся на территории Англии и Германии, с опросами жителей этих территорий относительно их идентичностей. Этот выбор был обусловлен сходством экономического развития территорий, но различным отношением к ЕС, демонстрируемом в официальном дискурсе [2, р. 1]. Авторы выбрали для анализа учебники Англии (а не Великобритании в целом), поскольку именно в этой области Британии обучение граждановедению вызывает наиболее ожесточенные споры.

Внутри Великобритании каждая историческая область имеет собственные образовательные программы и нормативные акты. В Германии также каждая федеральная земля самостоятельно определяет содержание и методику обучения в школе, хотя существуют и общие направления. В частности, с 1976 г. действуют три принципа преподавания нового материала: отсутствие идеологизации; рассмотрение всех точек зрения на проблему, включая противоположные; стимулирование учеников к анализу идей и явлений. В целом, в обеих странах политическому образованию уделяется мало внимания: всего около 20 минут в неделю, что закономерно проявляется в политической пассивности большинства молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. Ситуация вызывает опасение у старшего поколения, так как молодежь признается не способной обеспечить демократическое будущее [2, р. 4].

Статья предваряется подробным анализом политического контекста, в котором развивается образование в обеих странах. Так, по состоянию на 2019 г. 68% немцев проголосовали за сохранение Германии в составе ЕС, в Британии же 54% населения выразили желание выйти из ЕС, что и было осуществлено в начале 2020 г.

Авторы приводят сравнение результатов опросов жителей Германии и Англии, проведенных в 1994 и 2014–2016 гг., с целью

определить динамику эффективности уроков граждановедения в сфере развития общеевропейской идентичности.

Сравнение показало значительное снижение осведомленности респондентов о жизни Единой Европы. Опросы проводились среди населения старше 15 лет, разделенного на четыре возрастные группы. По сравнению с 1994 г. европейское самосознание среди немцев снизилось, а среди англичан увеличилось [2, р. 12]. Для выяснения соотношения между европейской и национальной идентичностью респондентам был задан так называемый «вопрос Морено», в котором предлагалось продолжить предложение, указав приоритеты в идентичности, например: «Вы считаете себя... (1) немцем; (2) немцем и европейцем; (3) европейцем и немцем; (4) европейцем». Также оценивались личные ценности участников опроса и их мнение о ценностях ЕС. К личным ценностям респонденты в обеих странах отнесли индивидуальную свободу и уважение чести и достоинства человека, а к общеевропейским – демократические ценности и главенство закона. В обе категории попали права человека и мирная жизнь [2, р. 13].

Приверженность молодых людей идеалам ЕС и их европейское самосознание резко контрастируют с различиями в текстах немецких и английских учебников. На основании восьми разработанных критериев авторами были проанализированы девять учебников граждановедения из Германии и несколько учебников из Англии. Например, учитывался общий объем текстов, посвященных единой Европе и отдельным государствам в ее составе; описание политических, экономических, социальных и культурных характеристик ЕС; освещение проблемных вопросов миграций, безопасности и радикализации [2, р. 16–17].

Результаты анализа учебников граждановедения по указанным критериям показали, что в Германии более детально освещаются вопросы экономического и культурного единства ЕС, в то время как в Англии упор делается только на политическую интеграцию.

В заключение авторы статьи подчеркивают недостаток информации о Европе, получаемой современной молодежью. Несмотря на широкое использование социальных сетей и других интернет-ресурсов, упадок традиционных новостных источников и недостаточное содержание учебников значительно снизили осве-

домленность молодежи в Германии и Англии о ЕС. Внимания также заслуживают различные панъевропейские организации, членами которых являются страны, географически не относящиеся к Европе. Описание особенностей этих организаций может быть включено в образовательную программу для школьников с целью расширения их представлений о Европе.

Особый интерес представляет процесс формирования национальной идентичности в странах и регионах, исторические и культурные корни населения которых восходят к этническим группам других государств. Примером такой территории может служить остров Кипр.

В фокусе исследования А. Демосфенос – восприятие различий между греками-киприотами и турками-киприотами, которое формируется посредством школьных учебников у населения государственных образований на обеих сторонах острова. Основное внимание автор уделил предрассудкам и стереотипам, которые формируются через учебники предметов гуманитарного цикла (история, география, обществознание, литература), и их роли в развитии национальной идентичности [3, p. 254].

На территории острова можно найти как местные учебники, так и изданные в Греции и Турции. С 2011 г. учителям на греческой части Кипра разрешено пользоваться и другими источниками информации, а также самостоятельно выбирать методы преподавания на уроках с целью развития критического мышления и творческих способностей учащихся. При анализе учебных изданий автор сосредоточился на изучении прямого содержания текстов и скрытых подтекстов.

Краткий обзор истории конфликта на острове позволяет понять причины современного геополитического положения. Концепт «другого» проявляется здесь особенно ярко через языковые и религиозные различия между греками и турками. В турецких учебниках расселение на острове греков-киприотов либо игнорируется, либо отрицается их связь с греками Греции. В то же время турки-киприоты, согласно этим учебникам, рассматриваются как неотъемлемая часть турецкого этноса, переселившаяся на остров еще в XVI в. [3, p. 257].

С конца XIX в. было предпринято несколько попыток переосмыслить Кипрский конфликт, отразившийся на содержании

школьных учебников истории. До обретения Кипром независимости от Великобритании (1960) основные различия между двумя группами населения заключались в их религиозной принадлежности. Однако после 1960 г., и особенно после турецкого вторжения в 1974 г., конфликт был представлен как «современная версия прошлых сражений» [3, р. 259], и каждая из групп поставила перед системой образования собственные цели. Греческие учебники истории, выпускавшиеся до 2004 г., представляли турок как исторических врагов, агрессоров, и содержали иллюстрации физического уничтожения османами христианского населения. Около 30 лет жители острова тщетно ожидали разрешения своего конфликта со стороны материковых «материнских» стран.

Следующая попытка переосмысления была предпринята после вступления Кипра в Европейский союз, когда при поддержке Организации Объединенных Наций началась работа по культурному объединению разделенных частей острова путем создания «среды мирного сосуществования и сотрудничества» [3, р. 260]. Учебники, выпущенные в этот период (2004–2009), характеризовались взаимным признанием законного существования другой стороны, а также осознанием прошлых негативных событий и современных проблем. С греческой стороны были выпущены учебники, представляющие различные точки зрения на конфликт, и были удалены тексты и иллюстрации, изображавшие турок как «варваров». С турецкой стороны были предприняты попытки изменить дискурс учебников с целью формирования территориальной идентичности, подчеркивая уникальность культуры турок-киприотов и их отличия от турок Турции. Однако эта идея была признана нежизнеспособной.

В 2009 г. к власти на турецкой части Кипра пришел новый президент, который провозгласил националистическую политику, основанную на ценностях модернизации, демократии, социальной справедливости и господстве права. С греческой стороны школьникам предлагалась сбалансированная образовательная программа, способствующая формированию понимания необходимости мирного сосуществования с соседями ради общего блага острова [3, р. 262].

После столкновений между сторонами в 1963 г. на греческой части острова образовалось новое движение – неокиприотизм, которое в настоящий момент считается этнически нейтральным и

поддерживается многими греками-киприотами. Его последователи подчеркивают уникальность культуры острова и отличия его экономических, политических и социальных целей от Греции и Турции. В это же время турки четко обозначают свои связи с материком, что подтверждается рассмотрением Северного Кипра как провинции Турецкой Республики. При этом необходимо учитывать, что к началу XXI в. в результате активной иммиграции из Малой Азии население на севере острова на 90% состоит из турок Турции, и только на 10% из турок-киприотов (потомков смешанных браков с греками) [3, р. 266].

По мнению А. Демосфенос, для проведения эффективных реформ в системах образования на Кипре существует несколько препятствий. Так, тексты современных учебников способствуют развитию предрассудков и стереотипов с обеих сторон, при этом власти настаивают на неприкосновенности их содержания. Кроме того, как для учебников, так и для политической и социальной реальности для турецкой стороны характерно преувеличение глубины конфликта с греческим населением острова. Еще одним препятствием выступает отсутствие интерпретаций конфликта с различных точек зрения. Автор сравнивает сосуществование греков и турок на Кипре с сосуществованием различных идентичностей внутри одного человека [3, р. 269].

Несмотря на светский характер образования, религиозные различия также используются для активизации националистических настроений с обеих сторон. Обращение к религиозным чувствам легко находит отклик у молодежи, так как многие родители воспитывают детей с ощущением страха перед божьей карой.

В заключение автор отмечает, что учебники на Кипре более точно отражают политические изменения, чем общественное мнение. Каждое новое правительство вносит свои коррективы в образовательную программу. Главным нарративом в греческих учебниках стали обвинения турок в разрушении единства острова в попытках присоединиться к Турции, а в турецких – сомнения по поводу отношения греков-киприотов к греческому этносу. Хотя и очень медленно, но происходят и позитивные изменения: многие издатели учебной литературы и учителя открыты для новых идей [3, р. 273].

Проблеме формирования национальной идентичности другого острова с богатой историей – Тайвань – посвящена работа К. Сангасенакул, которая провела анализ влияния на тайваньскую идентичность политических процессов и китайской культуры, отраженной в учебниках для средней школы.

Краткий очерк истории Тайваня автор начинает с XVI в., когда на остров, населенный малайскими племенами, высадились португальцы. Первые иммигранты с восточного побережья Китая появились здесь в XVII в. после основания Голландской Ост-Индской компании. Голландцы были изгнаны с острова армией Чжэн Чэнгуна (Коксинги), который после войны на материке с маньчжурами выбрал Тайвань для основания собственного королевства. Коксинга привнес на остров китайскую культуру, развивал образование и транспортную систему, что, по мнению некоторых исследователей, явилось причиной укоренения китайских обычаев среди тайваньцев.

В конце XVII в., после установления над островом владычества империи Цин, произошла следующая крупная миграция китайских переселенцев с материка [6, р. 3]. Тем не менее к началу японской оккупации в 1895 г., большинство населения продолжало говорить на тайваньском языке, классический китайский использовался только для письменной речи в традиционных частных школах.

Японцы создали систему начального образования для детей элит Тайваня, где обучали японскому языку, истории и культуре Японии. Китайский и местный языки были запрещены, а жителей активно поощряли за переход на японские имена [6, р. 5].

После Второй мировой войны Тайвань вернулся в сферу влияния Китая, и уже в 1945 г. в результате гражданской войны на остров мигрирует правительство Чан Кайши.

После установления его правления начинается обратная трансформация от японского языка и образа жизни к китайскому, особое значение придается патриотизму как главному принципу китайского национализма на Тайване [6, р. 6].

Несмотря на неоднократное изменение вектора формирования идентичности тайваньцев, в настоящее время национальная идентичность жителей Тайваня основана на китайском компоненте. Это обусловлено тесными историческими связями острова с

материковым Китаем и китайским наследием, которое продолжает сохраняться на Тайване.

В конце XX в. власти Тайваня взяли курс на демократизацию, что отразилось в поправках к Конституции относительно выборов, многопартийной системы, свободы демонстраций и выражения политического мнения. В 1996 г. прошли первые всеобщие выборы президента [6, p. 12].

Исследование автора включало опрос учителей относительно учебников для 10, 11 и 12 классов, выпущенных в период с 2005 по 2020 гг. Учебники на Тайване издаются в соответствии с официальными предписаниями, но школы имеют свободу выбора конкретных линий учебников.

Согласно статистике, 95% населения Тайваня являются ханьцами, при этом всего на острове проживают представители 16 этнических групп. Китайский язык выступает официальным языком острова. Большинство опрошенных педагогов идентифицировало себя как тайваньцы, главным языком общения которых был обозначен китайский [6, p. 19].

В основной части анкеты из предложенного списка школьных произведений китайской литературы преподавателям необходимо было выбрать те, которые, по их мнению, отражают китайские или тайваньские национальные ценности. Результаты данного опроса в статье представлены в виде подробных таблиц со списком указанных произведений.

В последние годы на острове наблюдается тенденция к тайванизации, отражающаяся в том числе и на образовании. Так, уроки классического китайского языка сократились в среднем до 40% от уровня начала XXI в. Однако сами тайваньцы не склонны отрицать культурную общность с китайцами: многие опрошенные учителя высказались за сохранение обучения классическому китайскому языку [6, p. 26].

Таким образом, процесс формирования национального нарратива, основанного на объективных исторических знаниях, посредством системы образования является сложным и многогранным. Он требует постоянного диалога между всеми заинтересованными сторонами с целью поиска решения, основанного на взаимном признании, взаимопонимании и взаимоуважении. В настоящем обзоре представлена только малая часть существующих исследова-

ний роли учебной литературы в процессе конструирования и развития идентичностей. В то же время рассмотренные работы дают представление о разнообразии подходов к анализу учебников и его актуальности для государств в разных регионах мира.

Список литературы

1. Çayır K. Who are We? Identity, Citizenship and Rights in Turkey's Textbooks. – Istanbul, Turkey : History Foundation Publications, 2014. – 169 p.
2. Constructing Europe and the European Union via Education / Brown E., Szczepek Reed B., Ross A., Davies I., Bengsch G. // J. of Educational Media, Memory & Society. – 2019. – Vol. 11, N 2. – P. 1–29. – URL: <https://www.jstor.org/stable/48587754>
3. Demosthenous A. Cyprus: National Identity and Images of Self and Others in History Textbooks // Multiple Alterities. Views of Others in Textbooks of the Middle East / Ed. by Podeh E., Alayan S. – Cham : Palgrave Macmillan, 2017. – P. 253–279.
4. Grever M., van der Flies T. Why national narratives are perpetuated: A literature review on new insights from history textbook research // London rev. of education. – 2017. – Vol. 15, N 2. – P. 286–3015.
5. Pavlick J. Reproducing Patriotism: An Exploration of «Freedom» in US History Textbooks // Discourse & Society. – 2019. – Vol. 30, N 5. – P. 482–502. – URL: <https://www.jstor.org/stable/26748607>
6. Sangkasenakul K. Taiwanese Identity and Chinese Culture in Chinese Textbooks in Taiwan. – Taiwan : National Taiwan Normal univ., 2022. – URL: https://www.academia.edu/80256388/Taiwanese_Identity_and_Chinese_Culture_in_Chinese_Textbooks_in_Taiwan

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(38).02

DOI: 10.31249/hist/2023.04.08

МЕДОВИЧЕВ А.Е.* Рец. на кн.: ГУЩИН В.Р. АФИНЫ НА ПУТИ К ДЕМОКРАТИИ: VIII–V вв. до н.э. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 456 с. – Библиогр.: с. 431–455.

Ключевые слова: Древняя Греция; Афинское государство; полис древнегреческий; афинская демократия.

Keywords: Ancient Greece; Athenian state; ancient Greek polis; Athenian democracy.

Для цитирования: Медовичев А.Е. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 4. – С. 123–143. – Рец. на кн.: Гушин В.Р. Афины на пути к демократии: VIII–V вв. до н.э. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 456 с. – Библиогр.: с. 431–455. – DOI: 10.31249/hist/2023.04.08

Изучение афинской демократии традиционно является одним из центральных направлений исследований в области античной истории. Попытки объективного анализа данного феномена предпринимались уже в древности (в рамках той культурной традиции, которая создала демократию), но особенно активно в Новейшее время, когда демократия стала нормой политического устройства общества. Неудивительно, что ввиду актуальности данной темы количество монографий и статей по афинской демократии (как общего плана, так и по отдельным ее аспектам) постоянно растёт.

* Медовичев Александр Евгеньевич – ведущий редактор отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); asandr53@yandex.ru

Внимание к проблеме афинской демократии в зарубежной историографии резко усилилось с 90-х годов XX в. в связи с отмечавшимся тогда 2500-летием демократии, датой рождения которой было решено считать реформы Клисфена 508/7 г. до н.э. Несмотря на явно вненаучный импульс данного мероприятия¹, его политическую ангажированность, оно тем не менее послужило мощным стимулом для дальнейших исследований. Результаты проведенных в те годы в рамках реализации проекта под общим названием «Демократия-2500» серии научных конференций и семинаров, публикации ряда монографий и сборников статей показали существенные различия в оценках природы самого феномена, его институциональной и социальной основы и даже времени оформления в качестве политической системы.

Значительный вклад в изучение античной демократии за последние десятилетия внесли и российские историки (Г.А. Кошеленко, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов, С.Г. Карпюк, И.Е. Суриков, Т.В. Кудрявцева и др.). Впрочем, появление крупных работ по данной теме в отечественной науке не столь частое явление, как на Западе, что естественно. Поэтому уже сам по себе выход в свет фундаментальной монографии канд. ист. наук В.Р. Гущина, в которой обобщены результаты многолетних исследований ученого по истории Афин и эволюции ее политической системы и социальных отношений, является важным событием в российском антиковедении.

В современной историографии одной из широко признанных особенностей греческой цивилизации архаического и классического периодов является приоритет политической сферы, который понимается как проникновение политики в другие области общественной жизни. Более того, политика, как возможность реализации альтернативных вариантов упорядочения социальной жизни, рассматривается в качестве наиболее важной инновации греческо-

¹ Подробнее см.: Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению. – Москва, 2007. – С. 21–22; Гушин В.Р. Афины на пути к демократии: VIII–V вв. до н.э. – Москва, 2021. – С. 10–11; Медовичев А.Е. Новые тенденции в изучении афинской демократии в исторической науке конца XX – начала XXI в.: аналитический обзор. – Москва, 2019. – С. 9–11.

го полиса¹. Вовлеченность граждан в политику, их «политизированность», достигают в полисе, вероятно, никогда более не превзойденного в истории человечества уровня. И в этом плане афинская демократия представляет собой кульминацию развития данной тенденции².

Примечательно, что Аристотель, по-видимому, считал демократию последней фазой эволюции полиса (Pol., 1286 b, с. 14–21). С точки зрения ряда современных историков, демократию вряд ли можно рассматривать как логический результат присущего полису как таковому пути развития. Результатом мог быть целый спектр политических форм, включающий как демократии, так и олигархии разных типов³. Впрочем, другие исследователи, разделяя позицию Аристотеля, отмечают практически повсеместное распространение демократических режимов в полисах эллинистического времени. С их точки зрения, движение в сторону демократии было общей тенденцией развития греческого общества⁴. В любом случае, очевидно, что ее возникновение было обусловлено именно полисной формой государства. Соответственно, рассматривать демократию необходимо в контексте полиса и его эволюции⁵.

Этот подход в полной мере реализован в монографии В.Р. Гуцина, который рассматривает формирование Афинского полиса и афинской демократии как взаимосвязанные процессы. В его книге, состоящей из введения, четырех глав и заключения, детально анализируются механизмы политической эволюции, которые в конечном итоге приводят к установлению власти «большинства» – тех, кто обладал политическими правами.

Материалы дискуссий 90-х годов XX в. показали, пишет исследователь, что в современном антиковедении не вполне преодолена тенденция, когда обсуждение античной демократии превра-

¹ Arnason J.P. Exploring the Greek Needle's Eye: Civilizational and Political Transformations // The Greek Polis and the Invention of Democracy: A politico-cultural transformation and its interpretations / Ed. by Arnason J.P., Raaflaub K.A., Wagner P. – Malden (MA), 2013. – P. 36.

² Raaflaub K.A. Perfecting the “Political Creature”: Equality and “the Political” in the Evolution of Greek Democracy // Ibid. – P. 323–324.

³ Arnason J.P. Op. cit. – P. 32, 43.

⁴ Маринович Л.П. Op. cit. С. 26–27.

⁵ Arnason J.P. Op. cit. – P. 27; Raaflaub K.A. Op. cit. – P. 323.

щается в ее сопоставление с демократией современной. Такой подход, по его мнению, часто предопределяет направление и результаты анализа. Поэтому свою задачу автор видит, в частности, в том, чтобы «избежать подобного сопоставления и проанализировать суждения самих афинян относительно их государственного устройства» (с. 14). Разумеется, анализ и интерпретация оценок современников имеют приоритетное значение для понимания сути изучаемого феномена. Следует, однако, заметить, что само по себе такое сопоставление (т.е. сравнительный анализ) не лишено смысла, поскольку позволяет лучше понять принципиальное различие между древней и современной демократиями и тем самым более адекватно оценить специфику первой. В этом случае станет очевидна ошибочность попыток рассматривать античную (прямую) и современную (представительную) демократии как варианты, в сущности, одного и того же вида политического устройства, что нередко имеет место. А признание родового различия между ними, в свою очередь, позволит, как справедливо заметила Т.В. Кудрявцева, устранить диссонанс между представлениями о характере и эволюции афинской демократии у античных писателей и современных историков¹.

В исследованиях по античной демократии последних десятилетий, отмечает автор, с одной стороны, присутствует тенденция отодвигать дату рождения демократии вглубь веков, чуть ли не в гомеровскую эпоху, и находить ее во многих (если почти не во всех) греческих полисах, что, по его мнению, вряд ли правомерно. С другой стороны, ряд историков склонны подчеркивать уникальность афинской демократии и относить время формирования демократического режима к концу 60-х и к 50-м годам V в. до н.э. Сами афиняне этого столетия, по-видимому, считали основателем своей демократии Клисфена, государственного деятеля конца VI в. до н.э. Во всяком случае, их современник, «отец истории» Геродот, утверждал как неоспоримый факт, что именно Клисфен «установил филы и демократию для афинян» (Hist., VI, 131.1). Впрочем, афиняне IV в. до н.э. претендентами на эту роль выдвигали законодателя начала VI в. до н.э. Солона и даже легендарного

¹ Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 434.

царя Афин Тесея. Кандидатура последнего современными историками, естественно, всерьез не рассматривается. Однако версия Аристотеля о том, что Солон упразднил «крайнюю олигархию» и установил «прародительскую демократию», тогда как Клисфен лишь содействовал укреплению уже сложившейся в Афинах демократии, заслуживает внимательного анализа, поскольку ее поддерживают некоторые ученые. И, как отмечает Гуцин, она имеет под собой определенные основания, если демократию связывать исключительно с ролью народного собрания в политической системе, как это обычно и делается (с. 12–13).

Действительно, пишет исследователь, о народном собрании в Афинах до Солона практически ничего не известно. Но, поскольку этот институт был свойственен всем полисам эпохи архаики, его наличие в Афинах надо признать вполне вероятным. При этом, учитывая ведущую роль фратрий в общественной жизни, голосование в собрании, скорее всего, происходило по фратриям, что, в свою очередь, предполагает безраздельное доминирование в нем аристократии. На фактическое бесправие демоса в досолоновских Афинах недвусмысленно указывает и Аристотель в «Афинской политике» (*Ath. Pol.*, 2.2) (с. 37).

Коллективным органом власти аристократии («эвпатридов») являлся Ареопаг – совет, комплектовавшийся, если верить Аристотелю, из представителей знати, отслуживших годичный срок в должности архонтов. Ареопаг не только был высшим судом, а также блюстителем существующих законов, но фактически распоряжался большинством важнейших дел в государстве. В частности, именно ареопагиты избирали архонтов – высших должностных лиц полиса, принимали их отчеты и кооптировали в состав совета. Значение должности самих архонтов, по мнению Гуцина, было не столь велико в силу краткосрочности пребывания в ней. Она была начальной ступенью в политической карьере, хотя и открывала дорогу в Ареопаг (с. 36). Впрочем, чуть ранее, автор, говоря об истоках влияния Ареопага, отмечал, что авторитет данного органа власти определялся не только знатностью происхождения его членов, но и тем опытом в административной, военной, судебной и законодательной сферах, который они получали в период своей деятельности в качестве архонтов (с. 32). Примечательно, что Солон для проведения своих реформ был избран именно на эту

должность (хотя и, судя по всему, с особыми полномочиями). Следует также заметить, что годичные магистратуры в античных полисах были практически нормой, и значимость той или иной должности, во всяком случае, зависела не от срока пребывания в ней.

В целом, однако, можно согласиться с автором в том, что искать наиболее влиятельный политический институт в архаических Афинах едва ли вообще имеет смысл. Реальная политическая власть, скорее всего, осуществлялась неформально, т.е. вне политических институтов, представителями наиболее знатных и влиятельных кланов или семей, опиравшихся на частные формирования (гетерии). По форме это были сообщества, включавшие родственников и друзей-соотрапезников, возможно, связанные с институтом фратрий. Обострение борьбы между ними во второй половине VII в. до н.э. Гущин объясняет крайне слабой институционализацией власти, отсутствием формализованного механизма смены политических лидеров. Результатом была нарастающая олигархизация политической системы и ее дальнейшее движение в сторону тирании (с. 42).

Однако на рубеже VII – VI вв. до н.э. на первый план выходят противоречия между аристократией и демосом, который оказался в бедственном положении, вызванном беспрецедентным по масштабам закабалением земледельцев. Соответственно, растет его политическая активность, которую, как полагает автор, возможно, подогревала часть аристократии, оттесненная от политической власти. На этом фоне закономерным выглядит появление новой политической фигуры – так называемых простатов («защитников») демоса. И первым в этой роли выступил Солон, избранный в 594 г. до н.э. архонтом и диаллактом («примирителем»). При этом, согласно гипотезе, выдвинутой И.Е. Суриковым, к которой присоединяется автор, Солон стал первым из архонтов, избранным путем всенародного голосования, а не Ареопагом (с. 53).

Одной из первых предпринятых им мер для разрешения кризиса стала сисахфия («страхивание бремени»), под которой античные писатели (Аристотель, Плутарх) понимали одномоментную кассацию всех долгов. Было также запрещено впредь обеспечивать ссуды личной кабалой. И, как справедливо отмечает автор, нет оснований для пересмотра традиционной трактовки сисахфии имен-

но как отмены долговых обязательств, хотя попытки иных интерпретаций неоднократно предпринимались (с. 58).

Наиболее известной реформой Солона в политической сфере является разделение гражданского коллектива Афин на четыре имущественных «класса», которые различались по объему производимой на их наделах сельскохозяйственной продукции (в натуральном исчислении), характеру военной службы и, как следствие, по объему политических прав. Таким образом, пишет исследователь, гражданскими правами наделялись лишь собственники участков земли, хотя бы минимального размера (с. 61). Вместе с тем он не согласен с высказывавшимся в литературе мнением о том, что реформа, по сути, имела целью лишить неземледельческое население (например, купцов и ремесленников) прав гражданства. Впрочем, позиция автора в этом вопросе остается не вполне понятной. Его предположение, что гражданских прав лишались (или не наделялись ими) не те, кто не занимался земледельческим трудом, а те, кто не имел права владеть землей в Аттике (с. 63–64), выглядит весьма сомнительным. Не имели права владеть землей (как и вообще недвижимостью) именно неграждане. Соответственно, не было нужды лишать гражданских прав тех, у кого этих прав не было.

По мнению Гуцина, существование имущественных разрядов и их связь преимущественно с военной сферой, вероятно, имело место уже в предшествующий реформам Солона период. Теперь же, после цензовой реформы, эта связь отходит на второй план (с. 63). Однако имеются серьезные основания говорить о приоритете именно военных целей в солоновской классификации, которую, скорее всего, надо рассматривать в контексте перехода в античных полисах Средиземноморья VII–VI вв. до н.э. к фаланговой системе в рамках так называемой гопплитской революции (или гопплитской реформы) в военной области¹. Примечательно в этом плане, что *hippies*, *zeugitai* и *thêtes* цензовой («тимократической» –

¹ Концепцию «гопплитской революции» в том плане, что она якобы подорвала господство аристократии, поддерживают далеко не все исследователи. Однако вряд ли можно отрицать тот факт, что формирование «гопплитской системы» не только отражало ряд важных социальных и политических изменений, но и стимулировало их. См., например: Manville Ph.B. The origins of citizenship in ancient Athens. – Princeton, 1990. – P. 13.

в греческом варианте, от *timē* – «честь», «почет», «оценка») системы Солона соответствуют *equites*, *classis* и *infra classem* центуриатной организации, введенной в середине VI в. до н.э. царем Сервием Туллием в Риме. Оба варианта цензовой системы подразделяли граждан на всадников, гоплитов и всех остальных, т.е. тех, кто не соответствовал критериям гоплитского статуса по своему имущественному положению и в силу своей незначительной военной ценности пользовался весьма ограниченными политическими правами. Фактически эти реформы можно рассматривать в плане формальной институционализации «гоплитской системы» в военной сфере¹. Впрочем, не менее, а может быть даже более важным, был их политический аспект. Цензовая (тимократическая) реформа Солона, несмотря на определенный архаизм в плане взаимосвязи политических прав с землевладением, явилась, как отмечает Гуштин, важной инновационной мерой, поскольку ставила объем этих прав в зависимость от размера дохода, а не от благородства происхождения.

Однако главной заслугой Солона, по мнению автора (правда, высказанному в порядке предположения), «все же было восстановление роли народного собрания. По-видимому, – пишет Гуштин, – с этого времени оно начинает созываться регулярно, т.е. вновь получает официальный статус» (с. 70). Действительно, создание Солоном Совета 400 (буле), в обязанности которого входили предварительное обсуждение выносимых на народное собрание вопросов и подготовка проектов постановлений, т.е. разработка повестки дня заседания, должно было активизировать и упорядочить деятельность экклесии. К тому же, если к народному собранию, как полагает сам автор, перешла от Ареопага функция избрания должностных лиц, то оно, по крайней мере, формально, если

¹ Cornell T.J. The beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze age to the Punic wars, (c. 1000–264 BC). – London ; New York, 1995. – P. 182–188; Forsythe G. The Army and Centuriate Organization in Early Rome // A Companion to the Roman Army / Ed. by Erdkamp P. – Malden (MA) ; Oxford : Blackwell, 2007. – P. 31–33; Raaflaub K.A. The Breakthrough of *Dēmokratia* in Mid-Fifth-Century Athens // Origins of Democracy in Ancient Greece / Ed. by Raaflaub K.A., Ober J., Wallace R.W. – Berkeley etc., 2007. – P. 130–131; Wees H. van. Citizens and Soldiers in Archaic Athens // Defining Citizenship in Archaic Greece / Ed. by Duplouy A., Brock R. – Oxford, 2018. – P. 143.

не фактически, становилось центральным элементом политической системы. Поэтому несколько странно звучит его утверждение о том, что «в результате (учреждения Совета 400. – *А. М.*) народное собрание лишилось прежней самостоятельности» (с. 67). Не понятно, о какой «прежней самостоятельности» может идти речь, если, как ранее отмечал сам автор, в период до Солона оно созывалось «от случая к случаю, и его политическое значение едва ли было велико» (с. 66). Напротив, благодаря Совету 400, который, по существу, функционировал как постоянный комитет Экклесии, организующий ее работу, эффективность этого института должна была значительно усилиться. И даже если членами Совета могли быть лица не ниже класса зевгитов, он, несомненно, был более демократичным по составу, чем Ареопаг¹.

Как известно, Аристотель, оценивая законодательство Солона, отмечал, что он установил демократию (независимо от своих действительных намерений), учредив народный суд (гелиэю) из граждан любого имущественного положения. Гелиэя, действовавшая в качестве высшей апелляционной инстанции на судебные решения архонтов, должна была существенно повысить политическое значение народной массы. Не все исследователи считают это свидетельство Аристотеля заслуживающим доверия. Однако многие, включая автора, готовы его принять. Хотя, как отмечает В.Р. Гуцин, остается неясным, была ли гелиэя новым выборным органом или всего лишь специальной сессией народного собрания, созванного для рассмотрения апелляций (с. 69–70).

В целом, по мнению автора, реформы Солона хотя и упразднили крайнюю олигархию, но не затронули основ аристократического режима. Созданный им политический строй был не столько разновидностью демократии («прародительской демократией», по терминологии Аристотеля) или ее начальной стадией, сколько порядком, основанным на политическом равновесии, который сам Солон определял понятием *eunomia* («благозаконие») (с. 72–73).

Однако главная цель реформ – прекращение политических распрей – достигнута не была. Борьба политических группировок («партий»), возглавляемых лидерами наиболее могущественных

¹ Wallace R.W. *Revolutions and a New Order in Solonian Athens and Archaic Greece // Origins of Democracy in Ancient Greece* / Ed. by Raaflaub K.A., Ober J., Wallace R.W. – Berkeley etc., 2007. – P. 64.

аристократических кланов, после Солона разгорается с новой силой. У античных писателей эти «партии» представлены как чисто региональные группировки, борьбу между которыми Аристотель описывает как конфликт между сторонниками олигархии (жители равнины во главе с Ликургом), приверженцами демократии (обитатели горной области, так называемые диакрии или гиперакрии, возглавляемые Писистратом) и теми, кто придерживался идеи некоего «среднего образа правления». Эти последние населяли прибрежные районы, а их предводителем был Алкмеонид Мегакл. С точки зрения Гущина, как и большинства других современных ученых, узко региональный характер этих группировок крайне сомнителен, впрочем, как и наличие у них конкретных политических программ. Тем не менее наличие демократических устремлений у Писистрата, а также симпатий к нему у беднейшего крестьянства Аттики, по мнению автора, не следует отрицать (с. 75). Во всяком случае, первый захват им власти в Афинах в 561/560 г. до н.э., скорее всего, произошел не без поддержки демоса, если это вообще не было формальным наделением его полномочиями выборного тирана – эсимнета. Основанием для такого предположения, считает автор, может служить предоставление Писистрату народом, т.е., по-видимому, народным собранием, права иметь телохранителей (с. 88–93).

Окончательно Писистрат утвердился у власти в Афинах только в 546/5 г. до н.э., и на этот раз вполне традиционным для многих тиранов путем, опираясь не только на своих многочисленных сторонников в городе и сельских районах Аттики, но и на отряды наемников. Тем не менее, полагает Гущин, не исключено, что и тогда Писистрат продолжал оставаться эсимнетом. Достаточно позитивная оценка его тирании Аристотелем и в целом демократическая направленность политики свидетельствуют о том, что он фактически выполнял функции примирителя и посредника, т.е. эсимнета (с. 96). Однако автор верно подчеркивает то обстоятельство, что афинская тирания, «несмотря на ее более или менее ярко выраженные демократические черты, была порождением эпохи господства аристократии», результатом борьбы за власть политических группировок афинской знати (с. 98). Тем не менее тирания явилась важным этапом на пути развития Афинского полиса в направлении демократии. Подчеркнуто антиаристократиче-

ская политика тиранов привела к тому, что в глазах рядовых афинян власть элиты полиса перестала выглядеть абсолютно безальтернативной. Конечным итогом явилось то, что можно назвать «гражданским самосознанием афинского демоса»¹.

В отличие от Солона, Клисфен, с именем которого чаще всего связывают установление демократии в Афинах, вероятно, не занимал никакой официальной должности. Его положение, как считает Гуцин, в чем-то, возможно, было близко к положению Писистрата. Оставаясь неформальным лидером, он в качестве простата («защитника») демоса проводил свои реформы, скорее всего, посредством постановлений народного собрания (с. 105).

Главной реформой Клисфена явилась радикальная перестройка административно-территориальной структуры Аттики. Вместо четырех традиционных ионийских фил – *philai* («племен») – было создано десять новых, на основе которых строилась вся политическая и военная организация Афинского полиса. При этом каждая новая фила включала в себя территории из трех разных исторически сложившихся регионов Аттики, что в перспективе должно было устранить возможность формирования крупных региональных политических группировок (с. 117). Важным аспектом реформы стало также расширение самоуправления демов и придание им особого политического статуса. В доклизфеновскую эпоху демы в виде поселков и больших деревень уже существовали в качестве естественных локальных центров Аттики, но формально не играли никакой роли в политическом и административном устройстве. Теперь членство в деме стало единым и четким критерием принадлежности индивида к гражданскому коллективу полиса. Дем, таким образом, стал тем местом, где удостоверялся (в собрании демонов – соседей по дему) гражданский статус личности, что превращало эти сообщества в базовые структурообразующие единицы государства, в фундамент демократии².

Не вполне понятна позиция автора относительно созданного Клисфеном Совета 500 вместо прежнего Совета 400, существо-

¹ См.: Ober J. Mass and elite in democratic Athens: Rhetoric, ideology and the power of the people. – Princeton (N.J.), 1989. – P. 66–67.

² См., например: Osborne R. Demos: The discovery of Classical Attica. – Cambridge etc., 1985. – XIV, 284 p.; Wood E.M. Peasant-citizen and slave: The foundations of Athenian democracy. – London ; New York, 1989. – P. 102–105.

вавшего со времени Солона. С одной стороны, он утверждает, что «создание нового совета могло быть техническим следствием реформы фил – создания десяти новых фил вместо четырех прежних» (с. 140). С другой стороны, далее он пишет, что «появление Совета 500 не выглядит простым следствием реформы фил. Наоборот, его создание плохо увязывается с предыдущими реформами и в первую очередь с реформой фил» (с. 141). Основанием для последнего заключения, с точки зрения исследователя, является тот факт, что каждая фила избирала в совет по 50 человек, что не соответствует делению каждой филы на три тритии («трети»). Таким образом, считает он, при создании Совета 500 клисфеновская реформа была проигнорирована или откорректирована. Правда, вопрос о сути корректировки и ее цели он оставляет открытым. Дело в том, что создание нового совета В.Р. Гуцин относит к 501/500 г. до н.э., увязывая начало его работы с установлением так называемой клятвы булевтов (т.е. членов Совета – буле). А к этому времени Клисфен уже сошел с политической сцены. В таком случае, как, по-видимому, полагает автор, в течение нескольких лет между реформой 508/7 г. до н.э., ликвидировавшей Совет 400, и появлением нового органа с аналогичными функциями, но иного по структуре и системе комплектования, никакого совета вообще не существовало (с. 139).

Однако вполне допустимы и другие варианты. Например, трудно представить, что мешало Совету работать первоначально без принесения его членами присяги. Ведь прежний Совет, по-видимому, как-то обходился без нее. По крайней мере, о существовании такой присяги до 501/500 г. до н.э. в источниках нет сведений. Возможно, существует вероятность и того, что, как считают некоторые историки, до Клисфена не было вообще никакого другого совета, кроме Ареопага¹. И тогда Совет 500, сформированный в 501/500 г. до н.э., на самом деле является первым государственным институтом с пробулевтическими (преимущественно) полномочиями. Впрочем, как кажется, все-таки нет достаточных оснований отвергать создание Совета 500 самим Клисфеном только по причине недостаточной якобы согласован-

¹ См., например: Hignett C.A. A history of the Athenian constitution to the end of the fifth century B.C. – Oxford, 1952. – P. 92–96.

ности с реформой фил, поскольку, очевидно, не ставилась вообще задача сделать равным представительство в нем триттий. На самом деле, и на это справедливо указывал ранее сам автор (с. 113), выборы в Совет происходили на базе демов, а не триттий. Каждый дем имел собственную квоту представителей в зависимости от численности своих граждан-демотов. Эти квоты могли сильно отличаться, но распределялись они так, чтобы общее число представителей от каждой филы всегда было одинаковым, равным 50. В результате, действительно, «имело место непропорциональное представительство в Совете отдельных триттий», как справедливо отмечает автор (с. 141), но из этого отнюдь не следует, что при создании Совета 500 клисфеновская реформа фил игнорировалась.

Триттии, несомненно, играли важную роль в организации пространства полиса. Однако отсутствие данных о существовании каких-либо органов управления в триттиях в виде собрания граждан и выборных должностных лиц делает эти территориальные подразделения несопоставимыми по значимости (в политическом плане) с демами и филами, у которых указанные органы управления, а также общественное имущество (в том числе, земля) и право им распоряжаться имелись. Филы, кроме того, являлись основой военной организации полиса. На их основе формировалось десять «полков» (таксисов) гоPLITской армии Афин.

Созданный Клисфеном политический строй нередко называют исономией (*isonomia*). У Геродота термин *isonomia*, который понимается как «равноправие» или «равенство перед законом», ассоциируется с «народным правлением» (*Ist.*, III. 80). Другим таким термином у него служит исегория (*isegorie*), что означает «равное право на публичное высказывание» (V. 78). В.Р. Гуцин склонен рассматривать клисфеновскую исономию «как устройство, безусловно имеющее отношение к демократии и обладающее некоторыми ее чертами» (с. 116). Однако трактовать исономию как государственное «устройство» или тем более как форму правления все-таки нет оснований. Исономия, как и исегория, – это, скорее, принципы, основополагающие черты, характеризующие политическую систему, которую Геродот в другом месте своего труда (VI, 131) прямо называет демократией, связывая ее установление именно с реформами Клисфена.

Впрочем, вопрос о наименовании клисфеновской *politeia* остается открытым. Ряд исследователей считает, что концепция *isonomia*, впервые сформулированная как аристократическая ценностная категория, вполне могла использоваться для обозначения клисфеновской политии. Но, по-видимому, в 460-е годы до н.э. ей на смену приходит понятие *dēmokratia*, создание которого означало сдвиг в сознании афинян, вызванный тем, что *dēmos* действительно стал обладать властью¹. Другие, напротив, доказывают, что исономия не могла быть лозунгом клисфеновских реформ именно потому, что подчеркивала аристократическое равенство «равных». Лишь позднее заключенная в этом термине идея «равенства» трансформировалась в идею «равенства всех граждан». Официальным же названием созданной Клисфеном *politeia* служил термин *dēmokratia*².

Вместе с тем следует отметить, что составной частью его реформ был закон об остракизме, который, как совершенно верно подчеркивает Гуцин, является явным отражением в праве ключевого принципа политики афинского реформатора – исономии (с. 198). Действительно, институт остракизма, согласно Аристотелю, был свойственен чаще всего именно демократическим полисам с характерной для них тенденцией развития в сторону всеобщего равенства. В силу этого гражданские коллективы таких полисов не были склонны терпеть в своих рядах лиц, слишком выделяющихся из общей массы своим могуществом и влиянием (Arist. Pol., 1284a5–11, 18–23).

Тем не менее большинство исследователей согласно с тем, что формальный суверенитет народа отнюдь не отменил фактическую монополию «благородных и богатых» на замещение государственных должностей. На это обстоятельство обращает внимание и Гуцин, особо подчеркивая тот факт, что Клисфен сохранил солоновскую систему имущественных классов, что, как отмечает автор, «вполне могло означать сохранение политического доминирования прежней аристократии» (с. 117). Действительно, ее доми-

¹ Raaflaub K.A. The Breakthrough of *Dēmokratia* in Mid-Fifth-Century Athens // *Origins of Democracy in Ancient Greece* / Ed. by Raaflaub K.A., Ober J., Wallace R.W. – Berkeley etc., 2007. – P. 112.

² Fornara Ch.W., Samons L.J. Athens from Cleisthenes to Pericles. – Berkeley etc., 1991. – P. 44, 48–49.

нирование (или, скорее, традиционное лидерство) в политической сфере никуда не исчезло. Однако сам по себе факт существования системы имущественных классов аргументом в пользу этого тезиса не является, поскольку данная система вполне успешно (хотя, отчасти, и формально) продолжала функционировать и в эпоху «радикальной демократии», когда никакого господства «прежней» аристократии уже не было.

Период между реформами Клисфена и битвой при Саламине (507–480 гг. До н.э.), по мнению автора, можно назвать «прелюдией демократии» (с. 214). Показатель роста политической активности демоса и его влияния на государственные дела он видит в проведении первых остракофорий в 80-е годы V в. до н.э., которые не были связаны с интригами влиятельных политиков, но, как полагает исследователь, осуществлялись по инициативе самого демоса (с. 223–224). Действительно, победа при Марафоне в 490 г. до н.э., вероятно, существенно повысила самооценку афинского демоса. Однако в условиях «политического доминирования прежней аристократии» тезис об «инициативе самого демоса» вызывает некоторые сомнения. Во всяком случае, хорошо известно, что институт остракизма служил орудием в борьбе за власть между представителями аристократической элиты, который они использовали для устранения политических конкурентов руками демоса¹.

С началом реализации Морской программы Фемистокла и особенно после побед над персами в морских сражениях у Саламина и мыса Микале, в которых афинские эскадры составляли большинство союзного греческого флота и сыграли в битвах решающую роль, в политической жизни Афин Гуцин выделяет две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, значительно повысился авторитет Ареопага, выступившего главным организатором сопротивления персидскому вторжению. С другой стороны, рост морского могущества Афин и значения флота в качестве главного компонента вооруженных сил неизбежно сопровождался и ростом влияния «корабельной черни» (*nautikos ochlos*) – низшего, но самого многочисленного разряда афинских граждан – фетов. Результатом было усиление демократических тенденций в обществе. При этом, как отмечает автор, связь между ростом морского

¹ Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. – Москва, 2006. – С. 319, 349.

могущества, прогрессом демократии и афинским империализмом, очевидная уже античным писателям, стала общим местом и в современной историографии (с. 291).

Примечательно, однако, пишет автор, что вплоть до реформы Эфиальта в 462/1 г. до н.э. в Афинах не наблюдалось никаких сколько-нибудь важных конституционных изменений, которые можно было бы расценивать как результат возросшего значения демоса (с. 300). Толчком к таким изменениям, как показывает Гущин, в значительной степени послужили внешнеполитические события.

Внешняя политика Афин, которой после изгнания Фемистокла руководила аристократическая группировка во главе с Кимон, сыном Мильтиада – победителя персов при Марафоне в 490 г. до н.э., была направлена, с одной стороны, на поддержание дружественных отношений со Спартой и, соответственно, невмешательство в дела Пелопоннеса и Центральной Греции, которые признавались сферой влияния лакедемонян. С другой стороны, целью Кимона и его сторонников было продолжение войны с Персией, расширение сферы афинского влияния за пределами материковой Греции и укрепление гегемонии Афин в рамках возглавляемого ими Делосского союза. Однако ситуация «афино-спартанского дуализма» (по определению В.М. Строецкого¹) не могла устроить Спарту, поскольку фактически означала утрату Лакедемоном единоличной гегемонии в Греции и признание Афин в качестве равного партнера. Рост могущества и авторитета Афин вызывал большие опасения у спартанской элиты, и трения между двумя ведущими государствами греческого мира возникали постоянно по разным поводам. Прямое столкновение между ними могло произойти уже в 465 г. до н.э., когда спартанцы согласились оказать военную помощь Фасосу, восставшему против Афин. Этому помешали катастрофическое землетрясение в Лакедемонии и восстание илотов, известное как Третья Мессенская война. Последовавшая затем история может показаться несколько странной. Спартанцы обратились за поддержкой к Афинам, и те, по настоянию Кимона и под его предводительством (вопреки мнению ан-

¹ Строецкий В.М. Афины и Спарта: Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478–431 гг.). – Санкт-Петербург, 2008. – С. 143.

тиспартански настроенного лидера демократической группировки Эфиальта), направили на помощь Спарте большой отряд афинских гоплитов. Однако вскоре спартанцы неожиданно и в демонстративно оскорбительной форме отказались от услуг афинян и единственных из всех прочих союзников попросили удалиться из Лакедемона. Независимо от того, был ли это один поход (по версии Фукидида), или имел место еще один, возможно, уже без участия самого Кимона (если верить Плутарху, точку зрения которого разделяет Гуцин), результатом была дискредитация его внешнеполитического курса. Закономерно возникает вопрос о логике действий спартанских властей, которые, скорее всего, как отмечает автор, прекрасно осознавали их последствия как лично для Кимона – самого лаконофильского афинского политика, так и для афино-спартанских отношений в целом.

Высылку возглавляемого Кимоном афинского контингента Гуцин расценивает как непростительную ошибку спартанской правящей элиты (с. 286). Результатом ее было изгнание Кимона из Афин в 461 г. до н.э. на 10 лет (по закону об остракизме) «как сторонника спартанцев и врага демократии» (Plut. Per. 9). Но, возможно, это и было целью спартанской элиты, для которой неизбежность конфронтации с Афинами, скорее всего, давно была очевидной. Во всяком случае, явно в интересах Спарты было лишить афинян их наиболее способного и авторитетного полководца накануне перехода политической конфронтации в фазу открытого вооруженного конфликта, который действительно начался и получил в историографии наименование Первой (или Малой) Пелопоннесской войны. Надо иметь в виду, что Кимон, несмотря на преклонение перед спартанскими порядками и образом жизни, несомненно, оставался афинским патриотом, который внес, пожалуй, наибольший вклад в укрепление могущества и авторитета Афин. Именно Кимон, как пишет Плутарх в его биографии (VI), «отнял у лакедемонян верховное владычество над Грецией» (пер. В.В. Петуховой). Он же положил и начало строительству так называемых Длинных стен, которые должны были соединить Афины с городом-портом Пиреем. Создание целого укрепленного района с выходом к морю делало абсолютно бесперспективной блокаду Афин с суши. Не случайно строительство стен вызвало протесты со стороны спартанцев, которые с полным основанием

рассматривали это как прямой вызов их гегемонии. Таким образом, дискредитация Кимона в глазах афинян, несмотря на все его лаконофильство, очень даже отвечала интересам Спарты.

Судебный процесс над Кимоном и его изгнание, как отмечает автор, справедливо рассматриваются в историографии как переломное событие в истории Афин, символизирующее наступление новой эпохи. Ее началом считается реформа Эфиальта 462 г. до н.э., превратившая Ареопаг практически в декоративный орган, лишенный большинства своих прежних полномочий. Одновременно происходит и смена внешнеполитического курса. Афины разрывают союз со Спартой, борьба с которой надолго становится приоритетом афинской политики.

В научной литературе, пишет Гущин, высказывалось мнение о том, что на самом деле в результате реформы Ареопаг утратил отнюдь не свои исконные права, а дополнительно приобретенные, точнее – присвоенные, с молчаливого согласия народа, благодаря моральному авторитету, приобретенному во время персидского нашествия. Однако, как доказывает исследователь, речь шла именно об исконных полномочиях, поскольку, выступая резко против реформы, Кимон и его сторонники боролись за возврат к установленному Клисфеном строю, при котором аристократия сохраняла значительную степень влияния (с. 311).

Впрочем, позиция автора в связи с данной реформой выглядит не вполне последовательной. С одной стороны, он пишет, что «период доминирования Ареопага совпадает с так называемой эпохой Кимона, который, не будучи ареопагитом, представлял аристократическое направление в афинской политике» (с. 316). С другой стороны, на следующей странице он приходит к заключению о том, что «доминирование Ареопага вряд ли возможно считать историческим фактом» (с. 317).

Рассматривая вопрос о причине (или причинах) реформы, Гущин подчеркивает тот факт, что побудительным мотивом для Эфиальта послужил «не столько моральный авторитет Ареопага, сколько его политическое значение» (с. 313). Однако далее следует прямо противоположный вывод: «...после Саламинской битвы Ареопаг ни разу не заявил о себе как политический орган» (с. 337). Не вмешивался он и в судебные решения, выносимые гелизей или народным собранием (с. 341).

Мотивы действий Эфиальта автор склонен искать в биографии этого афинского политика. Дело в том, отмечает Гуцин, что приобрести хоть какую-то популярность среди демоса Эфиальт мог, лишь активно выступая против аристократии. Соответственно, свою политическую, или, лучше сказать, демагогическую (уточняет автор), деятельность он начал как яростный гонитель ареопагитов. «Борьба с Ареопагом и ареопагитами (а равно и с его сторонниками типа Кимона), – пишет исследователь, – была для него, если так можно сказать *idée fixe* – навязчивой идеей. В этом состояла его демагогическая программа» (с. 342). Тем не менее, помимо субъективного фактора, имелись также и объективные причины. Реформа 462 г. до н.э., полагает автор, явилась логическим следствием более ранней реформы 488/7 г. до н.э., когда избрание на должность архонта стало осуществляться путем жеребьевки. В результате в Ареопаг стали попадать случайные люди, лишённые политической значимости. Более того, в политической системе Афин он со временем превратился, по существу, в лишнее звено, дублируя функции других, более массовых демократических органов. Поэтому реформа выглядела внешне как всего лишь административное усовершенствование. На деле же, отобрав у Ареопага все, за малыми исключениями, судебные дела, и передав их народному суду (гелиэе), Эфиальт сделал демос, по словам Плутарха, «хозяином судилищ и отдал город в руки сторонников крайней демократии...» (Plut. Cim. 15) (с. 405).

Таким образом, реформа Эфиальта, отмечает Гуцин, стала своего рода водоразделом в развитии демократии (или исономии, которую автор считает ранней формой демократии). Сместив баланс политических сил в сторону демоса, реформа нарушила равновесие, являвшееся базовой чертой клисфеновской *isonomia*. Само появление в середине V в. до н.э. термина *dēmokratia*, вероятно, связанное, как полагает исследователь, с резким усилением роли народных судов, зафиксировало окончательный переход всей власти в руки демоса. И в немалой степени именно в связи с деятельностью судов, в которых демос проявил себя не с лучшей стороны, демократия заслужила негативную оценку таких выдающихся современников, как Платон и Аристотель (с. 405, 421).

В современной историографии представление о том, что народные суды, а не народное собрание, были, скорее всего, глав-

ным инструментом колоссальной власти демоса, получает все более широкое признание. Действительно, и в «Афинской политике», и в «Политике» Аристотеля, суды предстают как главный фактор подъема демократии. Благодаря им *dēmos* сделался *kyrios*, «господином» в государстве, и дальнейший рост его могущества был прямым результатом превращения контролируемых демосом судов фактически в карательные политические органы¹. Этим и объясняется трактовка Аристотелем радикальной (крайней, по его терминологии) демократии в афинском варианте как тирании демоса, т.е. власти, стоящей над законом и действующей в своих интересах (Pol., 1292 a15–20; 1317 b) (с. 424).

Примечательно, что одновременно с ее радикализацией, в середине V в. до н.э., Афинский морской союз трансформируется в Афинскую архэ, т.е. империю, которая становится материальной основой афинской демократии. Тогда же, пишет автор, обнаруживается и стремление афинян устанавливать демократические режимы в союзных полисах (с. 410–411).

Завершая обзор монографии В.Р. Гущина, следует отметить, что, несмотря на некоторые спорные или противоречащие друг другу утверждения, его исследование представляет собой ценный вклад в изучение сохраняющей свою актуальность проблемы античной (афинской) демократии. Его работа основана на тщательном анализе всего комплекса имеющихся по данной теме источников с учетом достигнутых к настоящему времени результатов, новых подходов и тенденций в ее изучении. Тем не менее трудно согласиться с заключительным выводом автора о том, что *dēmokratia* не является формой государственного устройства, что она не связана с политическими институтами – ни с народным собранием, ни с гелизей. Собственно демократия, по мнению Гущина, – это «система общественных отношений, при которой демос ... именно в силу своего большинства стал играть значительную роль» (с. 427). Нельзя, разумеется, отрицать тот факт, что демократия – это отнюдь не только политические институты и процедуры, но также комплекс политических идеалов и ценностей, ко-

¹ См.: Cammack D.L. Rethinking Athenian Democracy: Doctoral dissertation. 2013 [Электронный ресурс]. – Cambridge (Mass.): Harvard University, 2018. – Febr. 24. – P. 22–23, 44–45. – URL:https://www.academia.edu/3092510/Rethinking_Athenian_Democracy

торые в значительной степени определяют облик этих институтов. Но возникает вопрос: как демос, то самое большинство, могло бы реализовывать преимущество своего численного превосходства без соответствующих институтов? Очевидно, что не могло.

УДК 329.12; 94(47).083

DOI: 10.31249/hist/2023.04.09

БАБЕНКО О.В.* Рец. на кн.: ХАЙЛОВА Н.Б. ЦЕНТРИЗМ В РОССИЙСКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ НАЧАЛА XX в. / ИРИ, РАН, Центр гуманитарных инициатив. – Москва : ИРИ РАН, 2022. – 640 с. – (Historia Russica).

Ключевые слова: либерализм в России начала XX в.; центризм российского либерализма.

Keywords: liberalism in Russia in the early 20th century; centrism of Russian liberalism.

Для цитирования: Бабенко О.В. [Рецензия] / Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 4. – С. 144–150. – Рец. на книгу: Хайлова Н.Б. Центризм в российском либерализме начала XX в. / ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив. – Москва : ИРИ РАН, 2022. – 640 с. – (Historia Russica). – DOI: 10.31249/hist/2023.04.09

Опыт либералов-центристов является актуальным наследием отечественной истории. Активное участие их лидеров в общественно-политическом процессе привлекало внимание дореволюционных и советских историков, но статус самостоятельной проблемы тема либерального центризма обрела лишь в начале 1990-х годов. В 2000-е годы серьезные исследования в области данной проблематики проводили немногие российские ученые¹, оставив-

* Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); o.v.babenko@mail.ru

¹ Помимо Н.Б. Хайловой, к ним относятся В.М. Шевырин, В.В. Шелохаев, А.А. Кара-Мурза, И.С. Розенталь, К.А. Соловьев, Е.В. Мурашева и Н.В. Макаров. В последние годы из этой «команды» исследователей вышли вышедший на пенсию В.М. Шевырин и ушедший из жизни И.С. Розенталь (1929–2018).

шие незаполненными ряд лакун. Поэтому выход в свет рецензируемой монографии д-ра ист. наук Нины Борисовны Хайловой (ИРИ РАН), являющейся результатом ее многолетних научных изысканий, был весьма значимым и долгожданным событием. Книга написана на основе докторской диссертации автора, имеет солидный объем и разветвленную структуру: введение, разделенные на параграфы четыре главы, заключение, приложение, библиографический словарь, избранную библиографию в четырех частях и указатель имен. В ней удачно сочетаются хронологический и проблемный подходы.

К несомненным достоинствам данной работы следует отнести использование Хайловой большого массива неопубликованных материалов из АРАН и его санкт-петербургского филиала, ГА РФ, ОР РГБ, ОР РНБ, Отдела письменных источников ГИМ, РГАЛИ, РГИА и РО ИРЛИ. В числе архивных находок автора переписка центристов К.К. Арсеньева и М.М. Стасюлевича с единомышленниками, мемуары лиц, причастных к «срединному» течению в российском либерализме и др. Во введении характеристика этих документов отсутствует. Информацию о них можно почерпнуть из пространных комментариев в сносках, которые являются ее отличительными особенностями. Многословные пояснения автора, сделанные в постраничных ссылках, – это своего рода отдельное исследование, заслуживающее пристального внимания специалистов.

Следует отметить, что Хайлова не менее внимательно отнеслась к источникам личного происхождения и к периодическим изданиям либералов-центристов. Она проделала огромную работу – тщательно изучила «Вестник Европы», «Страну», «Московский еженедельник», «Русскую молву» и «Отечество» за весь период их выхода в свет.

Автор задалась целью показать процесс становления и развития центризма в российском либерализме – «срединного» течения между кадетами и октябристами. Особое внимание уделяется организационному оформлению либерального центризма в период первой русской революции 1905–1907 гг., прежде всего, образованию и деятельности Партии демократических реформ и Партии мирного обновления. Целесообразным представляется выделение основных вех и ключевых этапов в эволюции идеологии и практики либерального центризма до 1917 г. включительно. Вехи Хайло-

ва видит в создании определенных партий и фракций: Партии демократических реформ (ПДР), основанной на платформе журнала «Вестник Европы» и газеты «Русские ведомости»; Партии мирного обновления (ПМО), которую создал граф П.А. Гейден; фракции прогрессистов во главе с И.Н. Ефремовым в III и IV Думе и одноименной партии, лидерами которой были И.Н. Ефремов, А.И. Коновалов, братья Рябушинские и др. (с. 7). Что касается этапов эволюции либерального центризма, то они отражены в названиях глав: «У истоков центризма в российском либерализме», «Политические организации либералов-центристов в 1906–1907 гг.», «На пути к массовой общероссийской партии прогрессистов (середина 1907 г. – июль 1914 г.)» и «Упрочение позиций прогрессизма в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – 1917 г.)».

Справедливым представляется мнение автора о том, что нельзя дать четкого определения понятию «центризм» «ввиду ускользающего содержания, различного в зависимости от историко-политического контекста» (с. 32). В рецензируемой монографии речь идет об историческом явлении, которое являлось «центром центра», т.е. было связано с либеральным движением и занимало срединную позицию между консервативным и социалистическим течениями общественно-политической жизни России. В связи с этим Хайлова выбрала наиболее подходящий путь – «выделение смыслового ядра либерального центризма» (с. 33). При этом она задействовала «человеческое измерение» изучаемых процессов, т.е. мировоззренческие установки, психологические характеристики и поведенческие модели их участников. В данном случае нельзя не присоединиться к мнению автора, считающей «оптимальным использование термина “центризм” в распространенной трактовке, подразумевающей дистанцирование от крайностей, признание ценности плюрализма мнений и установку на конструктивный диалог» (там же). Ключевую роль в этом контексте, как утверждает Хайлова, играет стремление центристов к общественному согласию и «расширению сферы доверия» (там же).

Новизна рассматриваемой работы заключается, с нашей точки зрения, в том, что это первое комплексное исследование становления и развития «срединного» течения в российском либерализме, выполненное на основе нового в данной области методологического инструментария, о котором мы сказали выше. Новизной от-

личается также широкая постановка проблемы, нацеленная на охват большого количества ее аспектов. Автор представляет политические программы центристов, состав их партий, идеологию и этические установки. Она определяет место и роль центристов в публичной политике, а также в деятельности просветительских, научных и филантропических организаций России.

Хайлова совершенно оправданно обращается к предыстории вопроса. Она справедливо отмечает, что «срединное» течение российского либерализма «пробивало себе дорогу на протяжении XIX столетия» (с. 36). Большой интерес представляют рассуждения о роли художественной литературы в «укоренении» либерализма в России, о поиске в ней путей формирования «нового человека», о преобладании литературно-политических журналов в чтении образованного русского общества. Особое внимание уделяется центризму на земских съездах 1902–1905 гг. Антиземская политика министра внутренних дел В.К. Плеве способствовала созыву общероссийских съездов деятелей местного самоуправления, которые, по меткому замечанию автора, «стали важным индикатором ускорения формирования общественного мнения» (с. 78).

Как подчеркивает Хайлова, «срединное» в либеральном движении положение с конца XIX в. занимали представители круга журнала «Вестник Европы» (с. 82). На съездах земских деятелей активно выступали будущие лидеры ПДР – К.К. Арсеньев, М.М. Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев, а также ПМО – П.А. Гейден, Н.Н. Львов, М.А. Стахович, Е.Н. Трубецкой. Нельзя не согласиться с автором в том, что именно в то время, в ходе дебатов, проявилась «особость» центристской позиции «упомянутых лиц, которая позднее обусловила их “срединное” положение между кадетами и октябристами» (с. 83).

Необходимо отметить, что автор постоянно подчеркивает характер отношений либералов-центристов с недавними союзниками, ярыми врагами и властью. Интересно, что после Манифеста 17 октября 1905 г. стало реальностью сближение представителей «срединного» течения с царизмом. В качестве кандидатов на министерские посты рассматривались центристы А.С. Посников, В.Д. Кузьмин-Караваев, Е.Н. Трубецкой и С.Д. Урусов. Последний

действительно получил высокую должность¹. Однако, как верно заметила Хайлова, «надежды либералов вскоре сменились разочарованием», и в ноябре 1905 г. группа центристов заложила организационные основы «Союза 17 октября» (с. 100–101). Этих политиков не устраивали отсутствие у власти четкой программы действий, ее колебания и полумеры, а также действия левых радикалов.

Заслуживает внимания информация автора о зарождении и начале деятельности Партии мирного обновления в I Думе. Она подчеркивает основную мысль идеологов мирнообновленчества – «о насущной задаче создания широкой конституционной партии, вокруг которой сгруппировались бы все элементы, стремящиеся к укреплению конституционного строя в России и считающие необходимым средством для осуществления этой цели создание в законодательном учреждении страны прочного конституционного центра» (с. 300–301). Хайлова к месту приводит слова видного деятеля ПМО И.Н. Ефремова о необходимости «поставить Россию выше партий и классовых интересов и помнить, что без конституции, без культуры... не будет не только партий и классов, но и нас самих как культурных людей, какими мы привыкли себя мыслить; не будет и России как свободного великого государства» (цит. по: с. 301).

Важнейшую роль в рецензируемой книге играют, на наш взгляд, анализ идей прогрессизма и рассмотрение роли прогрессистов в консолидации думского большинства в начале Первой мировой войны. Автор пишет о мнении центристов по вопросам трактовки природы войны, ее характера, интересов стран-участниц, перспектив и последствий войны. Она подчеркивает, что публикации «Вестника Европы» и «Русских ведомостей» имели много общего с таковыми в других либеральных изданиях, но «в то же время по ряду вопросов либералы-центристы выступали с особым мнением, предлагали свой ракурс оценки влияния войны на разные стороны жизни общества» (с. 382). Хайловой удалось заметить двойственность позиции идеологов «срединного» течения российского либерализма в дискуссиях о причинах и происхождении войны. С одной стороны, они признавали, что война

¹ Урусов стал товарищем министра внутренних дел при П.Н. Дурново (с. 100).

стала для них неожиданностью, так как они до последнего надеялись на мирное урегулирование спорных вопросов. С другой стороны, прогрессисты сквозь призму ретроспективного взгляда на мировую политику оценили наступательную войну как закономерную, давно продуманную и хорошо организованную Германией. В связи с этим к положительным моментам рецензируемого исследования можно отнести большое внимание автора к разного рода дискуссиям и полемикам, проходившим в среде центристов.

Хайлова пишет, что «именно “под знаком” прогрессизма, его коренных идей и ценностей в годы войны активизировались общественные организации, развивалась кооперация» (с. 394). Однако остается непонятным, в какой части книги можно найти эти «коренные идеи и ценности». Автор в ходе всего исследования предлагает читателям ознакомиться с позициями по тем или иным вопросам отдельных либералов-центристов либо их периодических изданий, но основные идеи не сведены воедино.

Отдельный параграф монографии посвящен либералам-центристам «образца» 1917 г., которые представляли собой тогда особую политическую группу. Как отмечает автор, «они улавливали в ожиданиях страны то, что упустили из виду представители крайних течений революционной демократии, а также соратники П.Н. Милюкова» (с. 466). Тем не менее центристы оказались проигравшими, в том числе и по результатам выборов в Учредительное собрание в ноябре 1917 г.¹ Вместе с тем, как доказательно заключает Хайлова, «общий вектор усилий прогрессистов соответствовал должному (с учетом долговременной перспективы) направлению развития страны» (с. 467). Она считает, что в то время большими реалистами были лидеры бывших думских прогрессистов (там же). И это утверждение проливает свет на вопрос о том, почему современники неоднозначно оценивали историческую роль лидеров либерального центризма. Последние, как пишет автор, выступали в лучшем случае в амплуа «диких» – такими они были для большинства политической элиты из-за попыток «преодолеть односторонние, партийные и классовые, точки зрения», способствовать «достижению наибольшей степени терпимости,

¹ Ни один из кандидатов от Партии прогрессистов не прошел в Учредительное собрание, а из трех бывших членов думской фракции прогрессистов удача сопутствовала лишь одному – Я.Ю. Гольдману (с. 467).

искренности и альтруизма» (с. 468). В то же время нередко отмечался их консолидаторский талант, востребованность и незаменимость идеологов центристов. Поэтому невозможно оспорить вывод автора о том, что «факт политического банкротства прогрессистов в 1917 г. вовсе не перечерчивает ценность их опыта» (там же).

Большой интерес вызывают приведенные Хайловой факты о судьбах либералов-центристов, оставшихся после Октябрьской революции на Родине. Она констатирует, что «эти деятели сохраняли верность своим принципам и жизненным установкам» (там же). Многие из них избежали репрессий. Будучи искренними патриотами-государственниками, они внесли большой вклад в советскую науку и образование.

Тем не менее в книге не использованы материалы «Муромцевских чтений», проводящихся на базе кафедры теории и истории государства и права Юридического института Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева с 2009 г. Сборники конференций размещены в сети Интернет в открытом доступе¹. Нам представляется, что они помогли бы автору в постоянно ведущемся ею поиске «новых оттенков в истории российского либерализма» (с. 34). Кроме того, стремление охватить большое количество аспектов рассматриваемой проблематики, по нашему мнению, помешало Хайловой более четко выделить основные идеи либералов-центристов. Но это ничуть не умаляет достоинств рассматриваемой книги.

Таким образом, рецензируемая монография представляет собой фундаментальный и новаторский научный труд, выполненный на высоком профессиональном уровне. Автору удалось провести всеобъемлющий анализ становления и развития «срединного» течения в российском либерализме, используя новый методологический инструментарий. Она убедительно доказывает актуальность подходов либералов-центристов к пониманию «мирного обновления», анализирует их позиции по широкому кругу вопросов.

¹ См., напр.: Материалы Международной научной конференции Муромцевские чтения – XII. «Общественно-политическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX вв.». – 2020. – URL: <https://oreluniver.ru/public/file/science/confs/2020/muromcev/muromtsev2020.pdf>

УДК 303.686; 94(47).084.3

DOI: 10.31249/hist/2023.04.10

ДУНАЕВА Ю.В.* Рец. на кн.: БУДНИЦКИЙ О.В. КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 416 с. – (Что такое Россия).

Ключевые слова: Гражданская война в России; Красная армия; Белая армия; А.В. Колчак; Л.Д. Троцкий; М.В. Фрунзе; А.И. Деникин.

Keywords: Russian Civil War; Red Army; White Army; A.V. Kolchak; L.D. Trotsky; M.V. Frunze; A.I. Denikin.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 4. – С. 151–158. – Рец. на кн.: Будницкий О.В. Красные и белые. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 416 с. – (Что такое Россия). – DOI: 10.31249/hist/2023.04.10

Темы Октябрьской революции и Гражданской войны являются актуальными и активно исследуемыми в исторической науке. Память об этих событиях до сих пор болезненна и вызывает яркие и разные по содержанию эмоции. В умах людей революция и война еще не закончились. Прошедшие юбилеи этих событий породили значительное количество научной и научно-популярной литературы, изданий эго-документов, свидетельств очевидцев и т.п. Для рецензии выбрана оригинально написанная книга известного историка, д-ра истор. наук, профессора О.В. Будницкого, директора Института советской и постсоветской истории НИУ ВШЭ, специалиста по истории XX века.

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); jvd@inbox.ru

Автор избрал необычный подход к изложению материала, последний представлен в коротких, но весьма информативных очерках. Таким образом историку удастся создать красочное описание разных событий и разных исторических фигур. Будницкий показывает деятелей революции живыми людьми, оказавшимися в сложных драматических обстоятельствах.

Книга состоит из предисловия от автора, биографических очерков, очерков, посвященных образованию воинских формирований – Красной армии и Добровольческой армии, Конармии, затронуты судьбы воинов царской армии, перешедших на сторону красных и т.п.

В очерке «Адмирал Колчак верховный правитель России» Будницкий подчеркивает, что даже если бы А.В. Колчак избрал штатский путь, его имя было бы вписано в историю как исследователя полярных морей. Колчак участвовал в полярной экспедиции знаменитого географа Э.В. Толля. За фундаментальную научную работу «Лёд Карского и Сибирского морей» Колчак был награжден Константиновской медалью и принят в члены Русского географического общества.

Борьба Колчака с Советской властью, как пишет Будницкий, началась с апреля 1918 г. Вначале Верховному правителю сопутствовал успех, но весной 1919 г. ситуация изменилась. Войска под командованием красных командиров М.В. Фрунзе и М.Н. Тухачевского нанесли поражение колчаковцам. Вскоре был захвачен и сам Колчак. Он был арестован и расстрелян 7 января 1920 г.

Следующий биографический очерк посвящен Л.Д. Троцкому. Основное внимание автор сосредотачивает на Троцком как организаторе Красной армии. Революционер занимал должность председателя Реввоенсовета Республики (6 сентября 1918 г. – 26 января 1925 г.). Троцкий строил армию, опираясь на три принципа: принудительный призыв, дисциплина, привлечение специалистов по военной науке, в том числе и бывших царских офицеров. Будницкий подчеркивает, что Троцкий считал необходимым применение репрессий, например, создал «расстрельные войска». Недаром в письмах и телеграммах Троцкого того времени чаще всего используется слово «расстрелять». Но наряду с этим революционер прибегал к популистским мерам. В историю вошел знаменитый «поезд Троцкого», на котором он неумоимо разъезжал

по территории страны. Троцкий обладал качествами выдающегося политика. Среди большевиков он отличался особым красноречием и умел повести за собой массы.

Отдельный очерк посвящен двум уникальным, по мнению автора, воинским формированиям Гражданской войны. Это Добровольческая армия белых и Конармия – подразделение Красной армии. По мнению автора, история этих армий недостаточно освещена, только с открытием архивов появилась возможность исследовать их в полной мере.

27 декабря 1917 г. в газетах официально было сообщено о создании Добровольческой армии. Ее возглавили М.В. Алексеев, который отвечал за политику и финансы, командующим был назначен Л.Г. Корнилов. Командиром первой дивизии стал А.М. Каледин. Автор описывает знаменитый «Ледяной» поход 9 (22) февраля – 30 апреля (13 мая) 1918 г., когда белые с боями прорвались на Кубань. Причину успеха этой военной операции автор видит в том, что воинам Добровольческой армии было некуда отступать, а также в том, что в профессиональном плане она превосходила армию большевиков. Кубань, Северный Кавказ и Екатеринбург оказались под властью белых.

Освещая создание Красной армии, Будницкий приводит цитаты из записок царского офицера, генерала Б.В. Геруа. Фактически, его материалы представляют аналитический разбор формирования армии большевиков. Например, Геруа подчеркивает классовый характер армии, что отразилось в ее названии – рабоче-крестьянская, она задумывалась как авангард мировой революции, отсюда ее название – Красная. Геруа довольно подробно рассматривает разные аспекты формирующейся армии – от снаряжения и одежды, до дисциплины и уровня военной подготовки комиссаров, которые, по мнению Геруа, были мало образованны в военном отношении.

По оценке Будницкого, критические высказывания Геруа в отношении личного состава Красной армии вполне справедливы, особенно на начальном этапе ее формирования. Тем не менее в скором времени рабоче-крестьянская армия, укомплектованная в том числе и бывшими царскими военными, стала наносить поражение войскам белых. Большую роль, считает историк, в этом

сыграли царские военнослужащие, перешедшие на сторону большевиков.

Далее приводится биография выдающегося представителя Белого военного движения А.И. Деникина. В самом начале Будницкий обращает внимание на то, что с именем Деникина связаны как выдающиеся военные успехи (его войска ближе всего подошли к Москве), так и позорные страницы – еврейские погромы, массовое разложение в армии, грабежи и насилие. Судьба Деникина не стандартна для военного царской армии. Он происходил из семьи крепостного. Его отец – военный рекрут – прошел путь от рядового до майора пограничной стражи. Сам Деникин окончил Академию Генерального штаба, где, полагает Будницкий, и сформировались политические взгляды военного. Он придерживался либеральных взглядов, выступал за конституционную монархию и мирный реформаторский путь развития страны.

Будницкий подчеркивает, что по мере расширения занятых территорий и роста численного состава дела в армии Деникина шли все хуже. Ей не хватало снабжения, а значит, войска занимались мародерством. Военнослужащие деникинской армии устраивали еврейские погромы, зверские экзекуции над мирным населением. Командиры не предпринимали никаких мер, чтобы остановить эти позорные явления.

Что касается формирования Красной армии, то историк особо отмечает принудительный призыв в нее царских военнослужащих. В 1918 г. бывшие царские офицеры составляли 76% командного состава армии. Причины, по которым военные шли служить большевикам, были самые разные: у кого-то просто стоял вопрос о выживании, кто-то рассчитывал на быструю военную карьеру.

Одним из самых ярких представителей военных Красной армии Будницкий называет М.В. Фрунзе. Он одерживал победы над армией Колчака и Врангеля, пройдя путь от профессионального революционера до командующего фронтом. Будницкий подчеркивает, что Фрунзе сотрудничал с военными специалистами – бывшими военнослужащими царской армии. Вершиной его военной карьеры стало назначение его в 1925 г. председателем Реввоенсовета Республики и наркомом по военным и морским делам.

Первую конную армию Будницкий характеризует как уникальное военное формирование. На счету Конармии были как блестящие военные победы, например, в битвах против войск Деникина, так и поражения. Самый сильный урон она понесла в Советско-польской войне осенью 1920 г.

В 1920–1930-х годах Конармия была уже овеяна легендами и героическими мифами. Такое возвышенное отношение сохранялось долго в советской историографии, подчеркивает историк. Однако при новом подходе и близком рассмотрении проявляются и неприглядные картины. По мнению историка, армия представляла собой не регулярное воинское формирование, а своего рода казачью вольницу. Он упоминает и о позорных действиях красных конников – изнасилованиях, разбоях, еврейских погромах. Можно сказать, что это было типичное военное формирование времен Гражданской войны, в действиях которого сочетались как одержание героических побед, так и зверская жестокость, насилие над мирными жителями, пишет историк.

Затем Будницкий переходит к малоизвестным страницам жизни и раннего этапа творчества писателя С.Я. Маршак. В первые революционные годы он публиковал антибольшевистские стихи и критиковал цензуру. Однако впоследствии Маршак стал советским детским писателем, лауреатом Ленинской и четырех Сталинских премий.

Далее Будницкий обращается к необычной фигуре – деятелю преступного мира Михаилу Винницкому, более известному как Мишка Япончик. Автор рассматривает, как формировался образ одесского налетчика, а затем красного командира.

Яркой фигурой среди военных большевиков является Михаил Тухачевский, представитель старого обедневшего дворянского рода. Он служил в царском лейб-гвардейском Семеновском полку. А затем стал военачальником в Красной армии. Занимая пост командующего армией на Восточном фронте, он одержал победы над армией Комуча, над войсками Колчака. Затем был назначен командующим Кавказским фронтом и разгромил войска Деникина. Будницкий описывает военные походы и показывает, что Тухачевский был талантливым военачальником, однако не лишенным авантюризма. Не обходит автор вниманием жестокость, с которой

войска Тухачевского подавляли Кронштадтское и Антоновское восстания.

Тема Советско-польской войны – предмет следующего очерка. Война длилась с 25 апреля по 12 октября 1920 г., когда было заключено перемирие. Итогом этой войны историк считает то, что, с одной стороны, часть Украины и Белоруссии была освобождена, но Красная армия понесла большие потери. С другой стороны, Польша остановила продвижение армии большевиков дальше в Европу.

Далее перед нами предстает культовая фигура Белого движения – барона П.Н. Врангеля, который вначале был командиром Добровольческой армии, затем стал командовать Кавказской армией. И на этом посту самая известная его победа – взятие Царицына. Затем он возглавил Вооруженные Войска сил Юга России, преобразовав их в Русскую армию. Успехи П.Н. Врангеля Будницкий объясняет тем, что тот был харизматичным и талантливым военачальником, сумевшим к тому же после разгрома организовать эвакуацию и вывезти порядка 150 тыс. военнослужащих и гражданских лиц.

Ситуация в Крыму в 1920 г. раскрывается на основе письма адвоката и политического деятеля В.А. Маклакова своему другу – ученому и политическому деятелю Б.А. Бахметеву. Маклакова историк называет одним из блестящих людей того времени, бывшим до революции звездой русской адвокатуры, выдающимся оратором. Кроме того, он состоял депутатом Государственной думы нескольких созывов, членом партии кадетов. Маклаков посетил Крым в то время, когда там у власти находился Врангель. Маклаков написал своему коллеге обширное письмо, а по сути, аналитическую записку о ситуации на полуострове. Он делится своими впечатлениями, обстановку на полуострове характеризует как сложную, дает меткую оценку Врангелю, уделяя особое внимание ему не как военачальнику, а как человеку, вынужденному заниматься политикой. И в этом новом деле, по мнению Маклакова, он преуспел.

Интересный и малоизвестный сюжет посвящен деятельности баронессы Марии Дмитриевны Врангель, собиравшей свидетельства «русского исхода» и жизни эмигрантов. Разные люди присылали ей свои материалы: политические деятели, писатели, фило-

софы, художники. Особое внимание Будницкий уделяет письму казака Якова Чернышева, эмигрировавшего в составе армии Врангеля. В отличие от других материалов, написанных представителями разных слоев элиты, это письмо простого человека. Когда архив разросся, материалы были переданы на хранение в Гугеровский архив.

И завершает книгу очерк «От погон до погон: Символы и идеалы Красной армии». В начале революции были упразднены все воинские звания, знаки и ордена. Однако со временем большевики поняли, что армия без знаков различия и наград не может существовать. Была учреждена красная звезда на головном уборе, затем Троцким был написан текст присяги, а в 1919 г. были возвращены знаки различия для разных родов войск и разных уровней военнослужащих.

Перед нами предстает глубокая и серьезная работа, посвященная Гражданской войне. Способ подачи материала напомнил мне такое направление в живописи как пуантилизм, когда из, казалось бы, хаотичных точек и мазков складывается живописная и красочная картина. Так и книга Будницкого, состоящая из информативных очерков, живописует героические, страшные и тяжелые страницы в истории нашей страны. Несмотря на название «Красные и белые» историк, образно говоря, использовал всю палитру красок. Следует отдать должное автору, который сумел удержаться от субъективных суждений и излишне эмоциональных оценок и максимально объективно исследовать события. Заметно, что его интересуют в первую очередь не военные подробности, а человеческие судьбы, человеческое измерение войны. Автор уделяет внимание как героическим, так и позорным страницам военного времени.

Высокой оценки заслуживают материалы – биографии, посвященные выдающимся военачальникам Белой и Красной армии. Даже о тех, о ком уже много написано, историк находит свою интонацию, свою манеру изложения, или малоизвестные факты. Например, Колчак предстает перед нами не только как военачальник, а как известный и заслуженный исследователь северных морей, автор научного труда. Особое внимание привлекает материал, в котором рассматривается такая малоизвестная тема, как сотруд-

ничество поэта С.Я. Маршака с правительством белых в Екатеринодаре.

Научное исследование, написанное литературным языком, несомненно, привлечет внимание специалистов. Ведь историку удалось найти свой ракурс, свою манеру изложения событий военного времени. Он показывает, в частности, как объективные обстоятельства военного времени ставили людей разных рангов, от простых до выдающихся, перед сложным нравственным выбором. На мой взгляд, вот эта особенность придает книге новизну и оригинальность. Весомости исследованию добавляет использование архивных материалов и эго-документов. Бесценные свидетельства очевидцев, дошедшие до наших дней, передают колорит и своеобразие эпохи. При этом автору удастся показать восприятие войны и эмиграции представителями разных социальных слоев. Исследование Будницкого вносит свой вклад в историю Гражданской войны, в биографии военачальников, в историю Белой и Красной армий.

МИНЦ М.М.* Рец. на кн.: BRUNSTEDT J. THE SOVIET MYTH OF WORLD WAR II: PATRIOTIC MEMORY AND THE RUSSIAN QUESTION IN THE USSR. – Cambridge etc. : Cambridge univ. press, 2021. – XV, 306 p. : ill. – (Studies in the social and cultural history of modern warfare).

Ключевые слова: историческая память; политика памяти; политическая мифология; культ Победы; концепции патриотизма; концепции идентичности.

Keywords: collective memory; politics of memory; political mythology; cult of World War II; concepts of patriotism; concepts of identity.

Для цитирования: Минц М.М. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 4. – С. 159–165. – Рец. на кн.: Brunstedt J. The soviet myth of World war II: patriotic memory and the russian question in the USSR. – Cambridge etc. : Cambridge univ. press, 2021. – XV, 306 p.: ill. – (Studies in the social and cultural history of modern warfare). – DOI: 10.31249/hist/2023.04.11.

Рецензию на первую монографию Джонатана Брунстедта (доцент истории Техасского университета А&М, Колледж-Стейшен, Техас, США) стоит начать с необходимых пояснений по поводу ее заглавия, поскольку выражение «советский миф о Второй мировой войне» многим российским читателям может показаться излишне претенциозным или даже оскорбительным. В действитель-

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональная страница: <http://inion.ru/ru/about/personalities/mints-mikhail-mikhailovich/>.

ности автор, естественно, ни в коей мере не утверждает, что Вторая мировая война или вклад СССР в победу над нацизмом сами по себе являются мифом: его книга посвящена эволюции ретроспективного образа Второй мировой войны в послевоенном СССР. Автор использует определение, предложенное канадским историком и социологом Жераром Бушаром, рассматривающим миф как «прочные, глубоко укорененные, приемлемые для всех представления, которые охватывают национальное прошлое, настоящее и будущее системой ценностей, идеалов и верований, выраженных в идентичности и памяти»¹. Свои военные мифологии, подчеркивает Дж. Брунстедт, существуют в самых разных странах, переживших травматичный военный опыт; данное явление характерно отнюдь не только для авторитарных режимов. Исходя из этого, в своем исследовании он фокусируется «не столько [...] на том, чтобы отделить “миф” от “реальности”, сколько на том, как мифы структурируют реальность» (с. 7). Близким по значению является понятие коллективной памяти (исторической памяти), которая в книге Брунстедта определяется как «комплекс верований и идей о прошлом, помогающих обществу понять и его прошлое, и настоящее, и, косвенно, его будущее»; на практике такой комплекс идей и верований формируется в непрерывном взаимодействии между официальной и народной культурой (с. 7). Из этих двух компонентов автора интересует прежде всего именно официальный советский культ Победы, поскольку в современных исследованиях массовой памяти ее официальная составляющая обычно остается в тени. В его работе, таким образом, рассматриваются прежде всего «механизмы власти, мировоззрение и цели политических элит и методы, посредством которых эти элиты стремились сформировать общее чувство идентичности через память о войне» (с. 11).

Автор подчеркивает, что его книга не является всеобъемлющим исследованием советского культа Победы и в целом памяти о Второй мировой войне. Вместо этого он сосредотачивается на тех образах прошлого, которые советское руководство пыталось внедрить в массовое сознание на разных отрезках послевоенного периода, и на конфликтующих тенденциях в официальной идеологии,

¹ Bouchard G. National myths: constructed pasts, contested presents. – New York : Routledge, 2013. – P. 277.

на которых базировались эти образы. Как показано во введении, пропаганда времен войны строилась на сочетании двух концепций, уходящих корнями еще в предвоенные годы. Автор определяет их как «русоцентричную» (представление об особой, «ведущей» роли русского народа в российской и советской истории) и «общесоветскую / интернационалистскую» (представление о единстве и равенстве народов СССР в рамках общего социалистического государства и о патриотизме как о лояльности по отношению к этому общему государству и советскому строю) (с. 22–23). Между ними не существовало четкой границы, поскольку «русоцентричная» парадигма также подчеркивала многонациональный характер советского народа и особый характер советского государства, тогда как «общесоветская / интернационалистская» не отрицала использование русского языка в качестве языка межнационального общения и придавала большое значение пропаганде русской культуры. Тем не менее эти две парадигмы представляли разные полюса идеологического спектра, поскольку первая подразумевала иерархический характер отношений между «братскими» народами, населявшими СССР, с русским народом в качестве «старшего брата», тогда как вторая, напротив, оспаривала эту иерархию. Кроме того, «интернационалистская» парадигма в гораздо большей степени, нежели «русоцентричная», соответствовала марксистской идеологии и скорее подчеркивала отличия советского государства от дореволюционной России, нежели их преемственность. Данная парадигма была плохо совместима с культом героев прошлого и возвращением в публичный дискурс образов и сюжетов из дореволюционной российской военной истории. Содержание этих двух тенденций, их взаимодействие на протяжении изучаемого периода (конец 1940-х – середина 1980-х годов) и отношение к предложенной Хрущёвым концепции советского народа как «новой исторической общности» составляют, по словам Брунстедта, основу содержания его книги (с. 22).

Исследование основано на довольно обширной источниковой базе, включая документы восьми российских архивов (ГАРФ, РГАЛИ, РГАН, РГАСПИ, Архив РАН, Научный архив ИРИ РАН, Центральный государственный архив Москвы и Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан) и трех казахстанских (Центральный государ-

ственный архив Республики Казахстан, Архив президента Республики Казахстан, Центральный государственный архив города Алматы), а также газеты изучаемого периода и другие опубликованные материалы.

Структура книги определяется выбранным предметом исследования и включает в себя введение, пять глав и заключение. Первые две главы охватывают период послевоенного сталинизма (глава 1 – «русоцентризм» в послевоенной идеологии, глава 2 – память о войне в исторической политике сталинского руководства). В третьей главе рассматриваются идеологические новации времен «оттепели», в четвертой – культ войны в политике памяти середины 1960-х – первой половины 1980-х годов. Пятая глава посвящена отношению националистически настроенных русских интеллектуалов к официальной концепции истории Второй мировой войны. В Заключении дается краткий обзор дальнейшего развития описанных в книге тенденций после распада СССР (примерно до 2012 г.) и подводятся общие итоги исследования.

По наблюдениям автора, во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х годов советская пропаганда строилась на сочетании «русоцентричных» и «интернационалистских» мотивов в зависимости от контекста и текущих политических целей. Хотя во время войны с Германией Сталин сам стал инициатором возвращения в пропаганду многочисленных образов и символов из дореволюционного прошлого, а в мае 1945 г. он же произнес знаменитый тост за здоровье русского народа, в последующие годы он скорее старался сдерживать дальнейшее нарастание националистических настроений. Отчасти это было связано с опасениями, что рост национализма, в том числе и русского, может дестабилизировать обстановку в стране и привести к непредсказуемым последствиям для правящего режима. Кроме того, стареющий диктатор был вынужден учитывать реалии начавшейся холодной войны: в западной пропаганде тех лет использовался тезис о том, что победу над нацизмом на Восточном фронте одержало не советское государство, а русский народ, и не столько благодаря большевистскому режиму, сколько вопреки ему. В какой-то степени здесь сказалось и то обстоятельство, что в европейских языках просто не различаются понятия «русский» и «российский», а слово «Россия» употреблялось фактически как синоним СССР, но в результате это-

го в самом Советском Союзе рассуждения о вкладе русского народа в Победу, содержавшиеся в зарубежных публикациях, могли вызвать опасные для властей ассоциации. Ещё одной важной особенностью сталинской идеологической политики было стремление максимально ограничить процесс мемориализации Второй мировой войны – вплоть до того, что 9 мая с 1948 г. вновь стало рабочим днем, а памятники советским солдатам чаще строились в находившихся под советским контролем странах Восточной Европы, нежели в самом СССР.

Политика балансирования между «русоцентричным» и «общесоветским» вариантами патриотизма продержалась до 1956 г. Иная ситуация возникла после XX съезда партии, в период «оттепели». Значение культа Победы в это время заметно выросло, что сказалось и на пропаганде, и на строительстве памятников и мемориалов. Автор предполагает на основании доступных источников, что Хрущёв планировал возобновить ежегодное празднование Дня Победы в 1965 г., воспользовавшись 20-летним юбилеем окончания войны, однако его отстранение от власти в 1964 г. привело к тому, что соответствующее решение было реализовано уже при Брежневе.

В какой-то степени, по мнению Брунстедта, эти перемены были обусловлены тем, что курс на десталинизацию подрывал легитимность правящего режима, одним из источников которой долгое время являлась сама фигура Сталина. Память об общей победе над нацизмом в подобных условиях стала восприниматься как основа для укрепления общей идентичности. Кроме того, в рамках десталинизации резкой критике подвергся и русский национализм как одна из составляющих «культа личности». Как следствие, хотя хрущёвская политика памяти не отвергала полностью тезис о «ведущей» роли русского народа, теперь он применялся главным образом к дореволюционной истории России, а также к истории первых лет советской власти, тогда как победа во Второй мировой войне рассматривалась исключительно как общая заслуга всех народов Советского Союза. Этот пересмотр соотношения между интернационализмом и «русоцентризмом» в официальной идеологии, в свою очередь, был тесно связан с принятой при Хрущёве концепцией советского народа как «новой исторической общности», т.е. фактически с попыткой объединить все население страны

в единую политическую нацию (хотя сам этот термин в СССР не использовался). Данная политика периодически оспаривалась националистическими и сталинистскими кругами, с позицией которых в позднесоветские годы вынуждено было считаться и партийное руководство. Тем не менее вплоть до середины 1980-х годов политика увековечивания памяти о войне строилась именно на «общесоветской» концепции патриотизма и идентичности. Публичные дискуссии, развернувшиеся позже, уже при Горбачёве, в книге подробно не рассматриваются; хочется надеяться, что автор еще вернется к этой интереснейшей теме в будущем.

Брунстедт также приходит к выводу, что описанные им непоследовательность и противоречивость советской политики памяти во многом были обусловлены противоречием между национальным строительством и сохранением империи, лежавшим в самой основе советского проекта. В конечном счете эта несовместимость имперской и национальной политики во многом стала одной из причин распада СССР, хотя хрущёвская идеологема «советского народа», составной частью которой стала «интернационалистская» концепция Победы, на протяжении какого-то времени, вероятно, действительно работала на укрепление единства республик.

Чтобы оценить сложность задачи, которую поставил перед собой Брунстедт, необходимо вспомнить, какое значение имеют память о Второй мировой войне и «война памяти» в современной внешней и внутренней политике российского правительства. Насколько можно судить по тексту книги, автор со своей задачей справился: он подробно прослеживает эволюцию советской политики памяти в отношении победы над нацистской Германией, разбирает аргументы сторонников и противников «русоцентричной» и «общесоветской / интернационалистской» парадигм, а также анализирует соотношение и довольно сложные взаимосвязи между ними на разных этапах послевоенной советской истории (ограниченный объем рецензии не позволяет разобрать соответствующие примеры в деталях). Книга «Советский миф о Второй мировой войне», безусловно, вносит важный вклад в разработку проблем исторической памяти и политики памяти в нашей стране, изучением которых в последние годы активно занимаются и отечественные

ученые¹. Поскольку хронологические рамки исследования ограничиваются серединой 1980-х годов (последующий период рассматривается лишь пунктирно), мы имеем дело с чисто историческим сочинением, однако собранный автором фактический материал, как и предложенный им теоретико-методологический инструментарий, будут в равной степени полезны для читателей и исследователей, интересующихся как советской историей, так и социально-политическими процессами в современной России.

¹ См. например: Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. – 223 с.; Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы : коллективная монография / А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Я.В. Севастьянова [и др.] ; под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. – 632 с.; Память о Второй мировой войне за пределами Европы : колл. монография / под ред. А. Миллера, А. Соловьева. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. – 264 с.; Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе : сборник статей / под ред. В.В. Лапина, А.И. Миллера. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. – 312 с.; Political use of the past in Russia and abroad: collection of essays / A.I. Miller, O.Y. Malinova, D.V. Efremenko, A.A. Voronovici ; ed. by D.V. Efremenko. – Moscow, 2020. – 230 p.

УДК 327; 94(430).087

DOI: 10.31249/hist/2023.04.12

ФАДЕЕВА Т.М.* Рец. на кн.: MÜLLER-BRANDECK-BOCQUE G. GERMANY AND THE EUROPEAN UNION: HOW CHANCELLOR ANGELA MERKEL SHAPED EUROPE. – [S. l.] : Springer Intern. Publ. AG, 2022. – XIV, 184 p. – (Contributions to Political Science).

Ключевые слова: ЕС и Германия; поликризис ЕС; Ангела Меркель – канцлер Германии; Фонд борьбы с коронавирусом.

Keywords: EU and Germany; EU polycrisis; Angela Merkel – chancellor of Germany; coronavirus Foundation.

Для цитирования: Фадеева Т.М. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 4. – С. 166–176. – Рец. на кн.: Müller-Brandeck-Bocque G. Germany and the european union: how chancellor Angela Merkel shaped Europe. – [S. l.] : Springer Intern. Publ. AG, 2022. – XIV, 184 p. – (Contributions to Political Science). – DOI: 10.31249/hist/2023.04.12

Автор, Гизела Мюллер-Брандек-Бокке, руководитель кафедры имени Жана Монне по европейским исследованиям и международным отношениям в Вюрцбургском университете, в рецензируемой книге ставит целью представить целостную картину европейской политики Германии во время канцлерства Ангелы Меркель в период 2005–2021 гг. Прослеживая развитие ЕС в этот период, автор рассматривает европейские кризисы, внутренние и внешние угрозы интеграционному сообществу, а также совместно разработанные решения, акцентируя значительный вклад Германии под руководством Меркель для Евросоюза. Меркель за почти

* Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); fadecawatatjana@yandex.ru

16 лет руководства правительством своей страны провела Германию и Евросоюз через так называемый «поликризис» – совокупность кризисов, включавших обсуждение Лиссабонского договора – конституции ЕС, греческий кризис, миграционный кризис, брексит, президентство Трампа и, наконец, пандемию. При этом Германия более последовательно, нежели любое другое европейское государство, рассматривает свои возможности и свое будущее в рамках единой, интегрированной, сильной Европы. Разумеется, события внутреннего и внешнего порядка влияли на ход европейской политики Германии. Так, с середины 1990-х годов исследователями было отмечено усиление курса на так называемую «прагматизацию» европейской политики объединенной Германии, первоначально приписанную ими новому статусу страны как вполне суверенному государству. Хотя европейские партнеры поначалу оценили объединенную Германию как государство, полностью разделяющее курс на «интеграцию» и «федерализм», постепенно нарастало восприятие страны как «более уверенной в себе, более ориентированной на учет своих собственных интересов в европейских делах... более прагматичной в ее конкретной европейской политике»¹.

В ходе многочисленных дискуссий по поводу расширения ЕС и его последствий в Западной Европе возобладало мнение, что он существенно отклонился от курса на федеральную Европу, который был начертан ее основателями в 1950-е годы. Как будет отмечено далее, в годы канцлерства Меркель курс на расширение замедлился и коснулся всего лишь трех стран-членов.

В этом плане, «Германия при Ангеле Меркель – согласно аргументации постулата прагматизации – выдвинула еще более четко национальный интерес на первый план, воздерживаясь от обозначения новых, динамичных, мотивирующих и направленных на единство будущих проектов интеграционного сообщества» (с. 2). Некоторые авторы используют термин «заинтересованный интеграционизм», подчеркивая, что он все более отклоняется от «принципов европейской федерации и солидарности».

¹ Jopp M. Perceptions of Germany's European Policy (Introduction) // Germany's European Policy: Perceptions in Keypartner Countries / Jopp M., Schneider H., Schmalz U. (eds). – Bonn : Europa Union Verlag, 2002. – P. 15.

Означает ли это, что Германия отошла от своего, в целом весьма успешного, европейского политического курса? – Этот риторический вопрос сопровождается осторожно-положительным, хотя и взвешенным ответом Мюллер-Брандек-Бокке. «Действительно, – пишет она, – граждане Германии изменили до известной степени свое восприятие европейской интеграции: традиционно высокая поддержка уступила место более трезвой и осторожной позиции по отношению к ЕС, что связано с введением единой валюты (евро), а также с расширением на Восток» (с. 5). Другими словами, хотя автор исходит из положения, что объединение Европы как *raison d'être*, смысл существования государства, по-прежнему имеет решающее значение и остается в силе, однако признает, что проведение европейской политики Германии со временем менялось, становясь все более трезвым в своих оценках, и открыто, без стеснений формулирующим свои интересы.

Новый курс, отмечает автор, был уже замечен в годы канцлерства Герхарда Шредера (1998–2005), однако в эпоху Меркель этот курс сформировал германскую европейскую политику весьма специфическим и заметным образом, а потому заслуживает тщательного анализа. В ходе долгого канцлерства Ангелы Меркель процесс интеграции находился в состоянии почти постоянного «поликризиса», по выражению председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера, автора предисловия к рецензируемой книге. Европейский «поли-кризис» сочетал в себе ряд кризисов, происходивших более или менее одновременно, причем отдельные их компоненты взаимно накладывались и подпитывали друг друга. Автор выделяет основные, рассматривая их в отдельных главах.

Меркель в ходе выборов 18 сентября 2005 г. как лидер большинства фракции ХДС-ХСС была выбрана главой правительства во второй большой коалиции Федеративной Республики (ХДС-ХСС и СДПГ) и стала первой женщиной-канцлером 22 ноября 2005 г. Канцлера ждали трудные испытания в области европейской политики правительства. Достаточно сказать, что проект Конституции для Европы накануне потерпел поражение в ходе референдумов во Франции и Нидерландах. Таким образом, она оказалась втянутой в конституционный кризис ЕС, который разрешился только в 2009 г. со вступлением в силу Лиссабонского договора.

Председательство Германии в Совете ЕС в первой половине 2007 г. представляло собой, несомненно, «венчающее достижение»¹ европейской политики большой правительственной коалиции Германии. В эти месяцы Меркель и ее первое правительство на деле продемонстрировали свою эффективность и настойчивость, а также свои посреднические способности. В ходе германского президентства конституционный кризис был преодолен, и процесс реформы договора перезапущен. Таким образом, германское правительство не только выполнило то, что было самой важной задачей этого президентства, но также смогло оправдать большие надежды, которые возлагались на Германию. Здесь следует напомнить, что попытка поставить расширенный на Восток ЕС на новую договорную основу, «похожую на конституцию», имела исключительно важное значение для будущего ЕС. Эта цель уже ставилась прежним правительством. Тот факт, что большая коалиция Меркель / Штайнмайер также настойчиво придерживалась этой цели, может служить убедительным свидетельством преемственности германской европейской политики, которая была направлена на дальнейшее развитие интеграционного проекта и укрепление ЕС (с. 15).

Вскоре после этого ЕС, который, по замечанию автора, был заметно истощен длительным и болезненным конституционным кризисом, переживал так называемый кризис евро, который де-факто был связан с суверенным долгом. Этот кризис затронул те государства – члены ЕС, которые сегодня входят в еврозону (19 из 27 стран – членов ЕС). Кризис евро поставил ее на грань краха, но упорная, настойчиво проводимая политика регулирования, во многом возглавляемая канцлером Германии Меркель и ее вторым коалиционным (ХДС/ХСС и Свободно-демократическая партия – СвДП) и третьим коалиционным (также большая коалиция ХДС / ХСС и СДПГ) правительствами, «спасла еврозону». В ходе многослойного, весьма сложного антикризисного управления, нацеленного на то, чтобы вначале «спасти», а затем «стабилизировать» общую валюту, евро, Германия под руководством Меркель не только взяла на себя ответственность за значительные финансовые

¹ Göler D., Jopp M. Deutschlands konstitutionelle Europapolitik // Handbuch zur deutschen Europapolitik / Böttger K., Jopp M. (eds). – Baden-Baden : Nomos, 2021. – S. 67.

тяготы, но и существенно определила ход спасательного процесса и дальнейшее развитие Экономического и валютного союза (EMU). При этом был взят строгий курс: помощь была предоставлена государствам, оказавшимся в водовороте еврокризиса, только при условии, что те проводили далеко идущие реформы, в то же время соблюдая меры жесткой экономии. Спасение евро во время мирового финансового кризиса 2009 г. было сопряжено с новыми издержками, поскольку Меркель взяла на себя трудную задачу по балансированию счетов и поддержанию жестких бюджетов для сохранения валютного союза стран – членов еврозоны. Страны-должники, такие как Греция, рисковали банкротством и возможным выходом из еврозоны. Меркель настаивала на мерах жесткой экономии в ходе переговоров о финансовой помощи Греции. Этот строгий политический курс привел к обвинениям в том, что «Германия принимала “дисциплинарные меры” в адрес стран – членов Евросоюза (вела себя как Zucht-meister, в вольном переводе с немецкого как “дисциплинарный, жесткий надсмотрщик”), стремясь доминировать в нем в соответствии со своей политикой жесткой экономии, направленной на строгое соблюдение бюджетов. Некоторые опасались “немецкой Европы” или властной, гегемонистской Германии, эгоистично навязывающей еврозоне свое либеральное кредо» (с. 40).

Новый кризис, поставивший под удар сплоченность и дееспособность ЕС, был связан с наплывом беженцев, причем проблема миграции остается в значительной степени не решенной и по сей день. Так называемый кризис беженцев, достигший своего пика в 2015 г., наложил специфический отпечаток на образ Меркель как канцлера на долгие годы. С внутривнутриполитической точки зрения, индивидуальное решение канцлера от 4–5 сентября 2015 г. оставить открытыми для беженцев границы Германии стал тяжелым бременем для ХДС / ХСС, когда произошел обмен чрезвычайно резкими заявлениями, из-за которых, по мнению некоторых наблюдателей, «канцлерство Меркель... оказалось под угрозой»¹. Это также укрепило позиции сторонников ультраправого лагеря как в политике, так и в обществе (партии Альтернатива для Герма-

¹ Garthe M. Bundesrepublik Deutschland // Jahrbuch der Europäischen Integration 2016 / Weidenfeld W., Wessels W. (eds). – Baden-Baden : Nomos, 2016. – S. 483.

нии (AfD) и Пегида (Pegida). С точки зрения европейской политики, позиция Меркель в отношении беженцев способствовала глубокому разделению ЕС, которое продолжается и по сей день, затрудняя или даже делая невозможным поиск решения миграционной проблемы на уровне ЕС. Несмотря на то, что Меркель также внесла большой вклад в урегулирование данной проблемы после 2016 г., сыграв выдающуюся роль в заключении соглашения с Турцией, обвинение Германии в нарушении «духа координации и совместных действий» остается¹.

Чтобы адекватно понять и классифицировать все эти драматические события, решения и последствия, сначала необходимо рассмотреть состояние политики доступа в ЕС в преддверии 2015 г. Для Меркель индивидуальное решение было частично, если не в первую очередь – и в этом с ней нельзя не согласиться – следствием постоянного провала ЕС в области политики иммиграции и предоставления убежища, за исключением Системы общего европейского убежища (CEAS, Common European Asylum System), которую автор справедливо считает крайне недостаточной.

Политика расширения ЕС, которая считается частью конституционной европейской политики, в эпоху Меркель не претерпела существенных изменений. Это можно объяснить тем фактом, что Германия, после нескольких раундов расширений, активно ратовала за замедление этого процесса в самом начале канцлерства Меркель, вопреки тому, что «Европейская политика Германии всегда была также политикой расширения»². Более того, политика расширения всегда считалась чрезвычайно эффективным инструментом общей внешней политики, де-факто ее самым мощным рычагом для расширения сферы действий и влияния европейского сообщества и содействия демократизации, стабилизации и процве-

¹ Garthe M. Bundesrepublik Deutschland // Jahrbuch der Europäischen Integration 2016 / Weidenfeld W., Wessels W. (eds). – Baden-Baden : Nomos, 2016. – S. 479; Wendler F. Deutsche Europapolitik als Führungskonflikt // Zwischen, Stillstand, Politikwandel und Krisenmanagement. Eine Bilanz der Regierung Merkel 2013–2017 / Zohlhörer R., Saalfeld T. (eds). – Wiesbaden : Springer VS, 2019. – S. 611.

² Lippert B. Die Bundesrepublik Deutschland und die Erweiterung der Europäischen Union // Handbuch zur deutschen Europapolitik / Böttger K., Jopp M. (eds). – Baden-Baden : Nomos, 2021. – S. 452.

танию новых членов, о чем убедительно свидетельствуют различные раунды расширения с 1970-х годов¹.

Расширение на Восток, в результате которого в общей сложности 12 государств из Центральной и Восточной Европы были приняты в ЕС, шло двумя волнами, в 2004 и 2007 гг., и потребовало весьма значительных усилий в области преобразований. Это объяснялось тем, что все кандидаты на вступление в течение десятилетий принадлежали к Восточному блоку, в котором доминировал Советский Союз и существовала плановая экономика. Эти государства должны были пройти через процесс преобразований в «демократические государства с верховенством закона и рыночной экономикой», согласно требованиям, установленным в 1993 г. так называемыми Копенгагенскими критериями.

Далее, в ходе всего срока Меркель как канцлера, только три страны присоединились к ЕС. «Отсюда ясно, что расширение не находилось в фокусе германской европейской политики при Меркель. Это объяснялось, с одной стороны, простым фактом, что число европейских государств, удовлетворяющих условиям приема согласно Статье 49 TEU, заметно уменьшилось после восточного расширения. С другой стороны, произошло явное изменение курса в политике расширения ЕС... Сказались “усталость от расширения” и сомнения в “способности ЕС абсорбировать новых членов”» (с. 83).

Действительно, «в результате огромных вызовов 2016 г., когда был проведен референдум по брекситу и произошло избрание Трампа в качестве президента США... видение Европы как главной в следовании правилам мультилатерализма и либерального мирового порядка, выстроенного после Второй мировой войны, оказалось под угрозой» (с. 105). Это подтолкнуло Германию и ее канцлера на поиск новых, более решительных путей во внешней политике. Таковым стало более активное участие Германии в европейской политике обороны и безопасности, когда Берлин вместе со своим партнером в Париже выдвинул проект Европейского оборонительного союза и начал развивать новое видение «суверенной Европы», или Евросоюза, располагающего «стратегиче-

¹ Müller-Brandeck-Bocquet G., Rüger C. Die Außenpolitik der EU. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. – S. 295–298.

ским суверенитетом». В последние годы и под давлением важных изменений на международном уровне, – таких, как растущее влияние Китая в мире, – Германия эпохи Меркель восприняла идею европейской индустриальной политики скорее как способ выживания в условиях глобального и жесткого соперничества.

Курс на защиту открыто национальных интересов особенно ясно отразился в климатической политике, когда Германия в последние несколько лет, под нажимом растущих внутренних и внешних ожиданий, предприняла прогрессивные и амбициозные шаги на уровне Евросоюза.

Германия вместе со своим канцлером также прокладывали путь в новой европейской политике перед лицом пандемии коронавируса. Меркель совместно с Макроном выдвинули инициативу создания Фонда содействия борьбы с коронавирусом, что привело к созданию в 2020 г. «Фонда следующего поколения ЕС» (NGEU – Next Generation EU), который с середины 2021 г. дал возможность странам ЕС преодолеть ущерб, причиненный пандемией, в то же время не отказываясь от проведения модернизации в сферах, связанных с климатом и цифровыми технологиями.

По словам автора, «все в ЕС знали, что решение пришло из Германии и что это потребует от нее немалых усилий и решительности». В случае корона-кризиса, соответствующий ответ пришел гораздо быстрее, всего через несколько месяцев после вспышки пандемии, и это также было особенно эффективным благодаря Фонду NGEU». По словам автора предисловия к книге Ж.-К. Юнкера, экс-председателя Европейской комиссии, это было высоко оценено в ЕС: «Германия и Ангела Меркель в очередной раз внесли решающий вклад в способность находить конструктивные решения; на этот раз оно состояло в том, чтобы разрешить (Евро)Комиссии собрать общие средства, чтобы снабдить огромный фонд восстановления под названием Следующее Поколение ЕС (NGEU)» (с. VI). Меркель в правительственной декларации от 24 июня 2021 г. заявила: «Как Европейский союз, мы дали экстраординарный ответ на чрезвычайный кризис»» (с. 149).

Динамика основных направлений германской политики в отношении ЕС, подчеркивается в исследовании, принимает во внимание действия федерального правительства как цельного и самостоятельного актора; ни соответствующий вклад различных

коалиций, ни отдельных членов правительства Меркель не подвергаются анализу. Это означает, что германская европейская политика в эпоху Меркель рассматривалась без углубленного взгляда на европейские политические представления, позиции, мнения и цели канцлера как личности. Отсюда стремление автора книги показать центральную роль, которую играла Германия в разрешении и преодолении многочисленных кризисов, встававших перед ЕС в указанный период. По причине этого, почти постоянного кризисного контекста, рамки формирования европейской политики Германии были, как правило, узкими. На этом фоне следует учитывать часто выдвигаемые в адрес европейской политики Меркель обвинения в отсутствии амбиций, перспективного видения ЕС. Принимая во внимание тенденции к дезинтеграции, такие как брексит, «канцлерин» стремилась не допустить этого. Но, с другой стороны, развитие внутри Германии в возрастающей степени ограничивало возможности федерального правительства по формированию европейской политики, в частности, по отношению к недавним правилам Конституционного суда. Отсюда можно сделать вывод, что часто критикуемый недостаток амбиции и видения, и «прагматический мелкомасштабный стиль» германской европейской политики при Меркель были обусловлены не столько характером «канцлерин» или снижением интереса к ЕС со стороны коалиций, поддерживающих ее правительство, сколько опасением вердиктов Конституционного суда (с. 166).

Но даже при этих ограниченных возможностях для развития активной европейской политики, в условиях первостепенной необходимости соблюдения германских интересов, что, разумеется, являлось центральной задачей главы правительства, четыре администрации Меркель сумели обеспечить и в ряде отношений продвинуть процесс европейской интеграции, утверждает автор. Это было засвидетельствовано весьма конструктивной ролью, которую играла Германия в период ее председательства в Европейском совете, в начале канцлерства Меркель, когда цель состояла в том, чтобы сохранить «добавленные ценности» и «инновации» Договора о Конституции Европы и ввести их в новый, Лиссабонский договор. Роль Германии была двойственной в ситуации кризиса еврозоны, когда Берлин, постоянно и строго ссылаясь на договоры, выступал за необходимость координировать помощь с участи-

ем в реформах, что накладывало негативный «дисциплинарный» отпечаток на ее роль. С другой стороны, великодушный и человечный образ Меркель создала своим отношением к беженцам летом 2015 г., что радикально изменило негативное впечатление от германских действий.

В заключение автор, по ее словам, «берет на себя смелость» высказать несколько комментариев, касающихся личностного аспекта подхода «канцлерин» к интегрированной Европе.

Действительно, мало что известно о личных представлениях, концепциях и убеждениях, касающихся европейской политики А. Меркель; она никогда не излагала свои планы и свое видение ЕС в связной, последовательной и всеобъемлющей концепции. Только ее предпочтение межправительственного подхода, который она когда-то лаконично обозначила как «метод Союза», дает представление о ее идее распределения власти между государствами – членами и институтами Евросоюза. Канцлера иногда обвиняли в том, что она «европеец» по рассудку, в меньшей степени по сердцу или чувству. Возможно также, что из-за восточногерманского происхождения ее обвинили в отсутствии «европейского рефлекса». Последнему противоречит ее простая, но искренняя сентенция от июля 2020 г., которая выражает лейтмотив европейской политики «канцлерин». Оправдывая свое весьма важное – из-за нарушения «финансовых табу» – решение согласиться на совместное заимствование для фонда NGEU в рамках борьбы с пандемией коронавируса, Меркель сказала: «Что хорошо для Европы, было и будет хорошо для нас»¹. Это убеждение действительно можно считать руководящим принципом европейской политики Меркель.

Ангела Меркель руководила европейской политикой Германии в годы «поликризиса» с прагматизмом, твердостью и уравновешенностью. Политический стиль Меркель стал основой ее легендарной репутации эффективного и опытного посредника, ориентированного на результат. Действительно, Меркель часто называли «канцлером Европы». Это описывает ее роль государственного деятеля, которая всегда избегала поляризации, терпеливо стремилась урегулировать конфликты и найти жизнеспособные

¹ Merkel A. Was gut für Europa ist, war und ist gut für uns. // Süddeutsche Zeitung, – 2020. – June 27.

решения для всех. Больше всего на свете Меркель стремилась сохранить единство ЕС даже во времена кризиса, усиления разногласий и тенденций к дезинтеграции. Этим Меркель внесла существенный вклад в формирование Евросоюза за годы своего пребывания у власти. Эпоха Меркель закончилась в сентябре 2021 г., оставив после себя огромное наследие в плане европейской политики. Невзирая на значительные перемены во внешнеполитическом курсе постмеркелевской Германии, Г. Мюллер-Брандек-Бокке, автор книги, выражает надежду, что преемники Ангелы Меркель будут обязаны чтить это наследие.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 5

ИСТОРИЯ
2023 – № 4

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.В. Шамова

Подписано к печати 24.10.2023

Формат 60×84/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ л. 11,25

Уч.-изд. л. 9,2

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

